

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

Г. Б. Козырева

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ
УСТОЙЧИВОГО ЛЕСОУПРАВЛЕНИЯ**

Петрозаводск
2006

УДК 630*6

Проблемы формирования социальных институтов устойчивого лесопроуправления / Г.Б. Козырева. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006. 254 с.

Монография посвящена вопросам устойчивого развития лесных поселений Республики Карелия. Устойчивое развитие связывается с проблемами институционального развития, включающего формирование института собственности на лесные ресурсы. В данном контексте рассматривается поведение лесных предприятий, социальное состояние лесных поселков, социальные представления населения лесных поселений в изменяющемся институциональном пространстве. Делаются выводы о том, что ключевым институтом, способным в настоящее время вывести лесные поселения из состояния деградации, является социальная ответственность лесных предприятий, которая находится в логике устойчивого лесопроуправления и раскрывается через механизм лесной сертификации. Монография содержит результаты серии комплексных экономико-социологических обследований лесных поселений Республики Карелия в период 1997-2004 гг. Монография может представлять интерес для научных работников, преподавателей, специалистов в области экономики, лесного хозяйства, социологии, муниципальных служащих.

Ответственный редактор: канд. эконом. наук *Г.Б. Козырева*

Рецензенты: д.э.н., проф. *А.С. Ревайкин*,
д.т.н., проф. *А.М. Цытук*

*Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
Проект № 06-06- 80413а*

ISBN 5-9274-0237-2

© Г. Б. Козырева, 2006

© Институт экономики КарНЦ РАН, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Устойчивое лесопользование: методологические подходы исследования	11
1.1. История вопроса и основные понятия	11
1.2. Экономические предпосылки устойчивого лесопользования	18
1.3. Экологические и социальные факторы устойчивого лесопользования	29
Глава 2. Проблемы формирования института собственности в переходный период	37
2.1. Трансформация лесного законодательства в контексте происходящих в России рыночных реформ	37
2.2. Проблемы формирования и развития рыночных институтов в России: институциональный анализ	59
2.3. Предпосылки и факторы социальной устойчивости лесопользования Республики Карелия	80
Глава 3 Институциональное развитие и социальная устойчивость лесных поселений в условиях перехода к рынку ...	105
3.1. Роль лесного бизнеса в социально-экономическом развитии лесосырьевого приграничного региона (на примере Республики Карелия)	105
3.2. Адаптация предприятий лесного сектора Карелии к рыночным условиям: институциональный анализ	115
3.3. Социальная устойчивость лесных поселений Республики Карелия: оценка проблем и перспектив развития	151

Глава 4 Социальные институты устойчивого лесоправления: международный и российский опыт	187
4.1. История формирования и современное состояние системы лесной сертификации как механизма устойчивого лесоправления	187
4.2. Проблемы формирования социальных моделей устойчивого лесоправления	209
4.3. Институциональное развитие лесосырьевых территорий Карелии: опыт практических разработок управленческих стратегий	223
Заключение	242
Литература	247

ВВЕДЕНИЕ

Современный период для России характеризуется масштабными институциональными процессами во всех сферах общественной жизни. Особую остроту приобрели проблемы, связанные с институциональным переустройством лесного хозяйства, формированием новой системы лесных отношений, которое происходит в формате лесной реформы. От того, какой вектор получают эти отношения, зависит не только состояние лесной экономики, но и в целом состояние российского общества.

Сегодня многих волнует вопрос, почему в России, которой принадлежит 23% мировых лесов, качество жизни тех, кто непосредственно работает в лесном секторе экономики, не соответствует мировым стандартам. Так, Республика Карелия, обладая мощным стратегическим запасом лесных ресурсов и занимая выгодное геополитическое положение, к настоящему времени не вышла на уровень региона с высоким качеством жизни. Об этом свидетельствует критическая ситуация, сложившаяся в лесных поселках, в которых проживает 40% сельского населения Карелии, и которые в большинстве своем стали непригодными для жизни людей. По прошествии 15 лет реформ лесной бизнес не смог выйти на эффективные модели развития – экономическое состояние многих лесных предприятий остается не стабильным. Ведущий сектор промышленного производства – лесная экономика – не обеспечивает достойной жизни населению региона.

Мировое сообщество поставило диагноз: лесное хозяйство в России ведется не на устойчивой основе. По мнению международных и российских экспертов, экономические, социальные и институциональные проблемы могут быть решены при условии перехода российского общества на модель устойчивого лесопользования. Конференция в Рио-де-Жанейро и последующие инициативы сформулировали общественную потребность мирового сообщества – вести лесное хозяйство на устойчивой основе. Измерение степени соответствия проводимой в стране лесной политики требованиям устойчивости возможно на основе международных критериев и индикаторов. Эти процессы обусловили активное развитие идеи

лесной сертификации. Лесной сертификат говорит о том, что закупаемая потребителем древесина исходит из лесов, где лесное хозяйство ведется без ущерба природе и социуму. Расширение экологически чувствительных мировых рынков лесопродукции для российского лесного бизнеса будет означать снижение конкурентоспособности, если его хозяйственная деятельность не будет соответствовать критериям устойчивости. То есть лесной сертификат, по сути, является механизмом, позволяющим уравновесить экономические, экологические и социальные выгоды ведения лесного хозяйства. Эти проблемы актуализируются в связи с вступлением России в ВТО.

Данный контекст определяет острую потребность в переосмыслении методологических взглядов на изучение процессов, связанных с развитием системы лесопроизводства в России, где особое место занимают лесные поселения. Целью монографии является поиск управленческих механизмов применительно к системе лесной экономики, ориентированных на сохранение социума и адекватных современным мировым стандартам.

Монография состоит из 4-х глав, введения и заключения. Первая глава монографии раскрывает теоретические и методологические вопросы устойчивого лесопроизводства. Исторический контекст позволил систематизировать имеющиеся научные и научно-практические разработки зарубежных и российских авторов в данной сфере и применить их для анализа современной ситуации в системе лесопроизводства России.

Вторая глава посвящена вопросам формирования рыночных институтов, регулирующих деятельность лесного бизнеса и влияющих на степень устойчивости лесных поселений, ключевым из которых является институт собственности на лесные ресурсы. В монографии он рассматривается в качестве одного из внешних факторов, определяющих поведение предприятий лесной экономики и домохозяйств лесных поселений. Институциональная структура системы лесопроизводства рассматривается через анализ трансформирующегося лесного законодательства за период рыночных реформ.

Третья глава связана с исследованиями институционального развития лесных поселений Республики Карелия, которые рас-

сматриваются как совокупность субъектов и их связей, имеющих отношение к лесоуправлению – населения, лесных предприятий, муниципальной (местной), региональной власти и лесной службы. Построена типология адаптации лесных предприятий Карелии в период рыночных преобразований. Осуществлена оценка социальной устойчивости лесных поселений по агрегированным параметрам: продолжительность жизни, социальная структура и состояние трудового потенциала населения, проживающего на территории лесных поселений и работающего на лесных предприятиях.

Четвертая глава посвящена проблемам и перспективам формирования и развития в российской практике лесного хозяйства эффективных социальных институтов лесоуправления. Анализируется ситуация с использованием системы лесной сертификации, которая сложилась к настоящему времени в мировом сообществе, исследуются те возможности, которые может дать применение данной системы для российского общества. Рассматриваются проблемы, связанные с разработкой национальной системы лесной сертификации, которая позволит российскому лесному бизнесу конкурировать на западном рынке лесопродукции. На материалах проведенных комплексных экономико-социологических обследований лесных поселений Карелии анализируется поведение лесного бизнеса с точки зрения социальной ответственности, которая является ключевым критерием лесной сертификации.

Представленная монография содержит результаты серии комплексных экономико-социологических обследований лесных поселений Республики Карелия в период с 1997 по 2004 гг. Творческим коллективом отдела исследования социально-экономических систем и их институциональных преобразований Института экономики КарНЦ РАН было проведено 8 экспедиций на территории 10 районов: Медвежьегорского, Пряжинского, Сегежского, Беломорского, Суоярвского, Лахденпохского, Питкяранстского, Сортавальского, Олонецкого, Муезерского, Пудожского. Исследования проводились с использованием методов формализованного и неформализованного интервьюирования, а также методов “погружения”, которые хорошо зарекомендовали себя в практике социологических

исследований. Методы неформализованного качественного интервьюирования использовались при работе с руководителями и специалистами градообразующих предприятий, местного самоуправления. Методы формализованного интервью применялись при опросе домохозяйств лесных поселений, отобранных на основе выборочной совокупности (методом случайного отбора) по данным хозяйственных книг, которые имеются в сельских населенных пунктах.

Реализация обследований лесных поселений Республики Карелия была осуществлена в рамках следующих исследовательских и экспедиционных проектов:

1. «Социально-экономическая адаптация населения в условиях формирования рынка труда и занятости» (№ 96-02-02172), 1996-1998 г.г., проект РГНФ, руководитель Морозова Т.В.

2. «Проведение экономико-социологического обследования городских и сельских домохозяйств Республики Карелия», (№96-06-88002к), 1996, проект РФФИ, руководитель Козырева Г.Б.

3. «Экологическая сертификация лесных экосистем», программы «Приграничная Карелия», 1997 г., при поддержке Минвуз РФ – руководитель Козырева Г.Б.

4. «Стратегия устойчивого развития лесосырьевых районов Республики Карелия» (№ К 0985), 1997-2000, проект ФЦП Интеграция, руководитель Морозова Т.В.;

5. «Создание независимого аналитического центра «Социо – Логос» (№ 036/1-01-ТК), 2001, проект МОНФ руководитель Морозова Т.В.

6. «Проблемы формирования институтов рынка в условиях переходной экономики», (№02-06-80482), 2002-2004, проект РФФИ, руководитель Козырева Г.Б.

7. «Организация и проведение экспедиционного экономико-социологического обследования экономического поведения предприятий Республики Карелия», (№03-06-88036), 2003, проект РФФИ, руководитель Козырева Г.Б.

8. «Социальное партнерство как инновационный механизм формирования социально-ориентированной политики занятости региона», (№ 03-0200385а), 2003-2005, проект РГНФ, руководитель Морозова Т.В.

9. «Проблемы формирования института собственности в условиях переходной экономики», (№ 06-06-80413а), 2006-2008, проект РФФИ, руководитель Козырева Г.Б.

Ряд исследовательских задач были решены в рамках хозяйственных проектов с региональными и муниципальными структурами республики:

- «Основные стратегические направления социально-экономического развития города Сортавала на 2001-2005 г.г.», 2000, руководитель Морозова Т.В.
- «Основные стратегические направления социально-экономического развития муниципального образования «Олонецкий район»», 2002-2003 г., руководитель Шишкин А.И.

Приграничная специфика Республики Карелия в контексте устойчивого лесопользования была исследована в ряде международных проектов:

- «Развитие особо охраняемых природных территорий в приграничных районах Республики Карелия», проект TACIS ENVRUS 9704, 1999 – региональный эксперт
- «Биосферный заповедник – модель устойчивого развития на примере Суоярвского региона» 1999-2000, проект TACIS, IMSEDIGISTSP PK 9803/094 – региональный эксперт
- «Экологический туризм на службе развития Муезерского района и усиления охраны природы (TSPF/0302/0062)», 2003-2004, проект Tacis CBC Small Project Facility – региональный эксперт
- «Border Research, EU & Russia», 2002-2003. Контракт от 1.11.2002 г. между университетом Йюэнсуу (Финляндия) и Институтом экономики КарНЦ РАН – ответственный исполнитель
- «Из России с прозрачностью», 2005-2006, при поддержке Стора-Энсо – эксперт.

В исследованиях лесных поселений Республики Карелия принимал участие творческий коллектив отдела исследования социально-экономических систем и их институциональных преобразований Института экономики – Т.В. Морозова, С.А. Гурова, М.В. Сухарев, Л.М. Кулакова, М.В. Дьяконова, О.С. Крутова,

Н.В. Маслякова, которым автор монографии выражает искреннюю благодарность. Особо автор благодарит своего научного руководителя – Татьяну Васильевну Морозову, которая на протяжении всех исследований была не просто участником, а главным исполнителем и вдохновителем многих научных идей.

УСТОЙЧИВОЕ ЛЕСОУПРАВЛЕНИЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. 1. История вопроса и основные понятия

Устойчивое лесоуправление – это часть общего понятия устойчивого развития, той концепции, которая признается в настоящее время определяющей в социальном развитии, это – процесс равновесного существования природной, экономической и социальной подсистем, в которых совершаются эффективные для общества и человека пользования имеющимися ресурсами в настоящее время и на длительную перспективу [34, 35].

Истоки концепции устойчивого развития прослеживаются со времени Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде в 1971 г., когда М. Стронг сформулировал понятие экологически ориентированного социально-экономического развития. В ходе работы Комиссии по Окружающей среде и развитию ООН, известной как комиссия Брундтланд, специалисты неоднократно сталкивались с противоречиями между двумя реалиями – состоянием окружающей среды и процессом экономического развития [20, 27]. Первоначальные представления об экологически устойчивом развитии выросли до устойчивого взаимоувязанного развития экономики, экологических систем и социума [34, с. 54]. В мировом сообществе назрела необходимость в формулировке этих важных открытий и донесения их до широкой общественности. Эту миссию выполнила конференция в Рио-де-Жанейро в 1992 г., которая собрала широкое официальное и общественное представительство из 117 стран мира. Основной диагноз в отношении современной цивилизации касался определяющего значения лесов для дальнейшего развития человечества. Двухсотлетняя экспансия промышленного освоения лесов, которая уничтожила почти 2/3

мировых запасов, заставила сегодня встать мир перед поиском новой парадигмы развития, задающей принципиально иной вектор взаимоотношения человека и окружающей его природной среды.

Главный вывод Рио связан с тем, что национальные правительства обязаны включить новую систему ценностей в отношении сохранения лесов в систему экономических расчетов социально-экономического развития. «Национальным правительствам нужна долгосрочная политика по сохранению лесов, по лесопользованию для конкретных участков леса на основе сотрудничества с частным сектором, неправительственными организациями, учеными, местными жителями, административными органами управления» [83]. Развитие концепции устойчивого развития в дальнейшем сопровождалось активным общественным участием. Сюда можно отнести работу Хельсинского и Монреальского процессов, которые сформулировали конкретные принципы и критерии устойчивого развития и устойчивого лесопользования. Затем межправительственные форумы в Мексике (1996 г.) и Японии (1998 г.) определили концепцию модельных лесов как «проверку нового образа мышления и процессов принятия решений в контексте устойчивого лесопользования» [там же].

Глобальный Саммит 2002 года в Йоханнесбурге не только подтвердил, но и усилил диагноз Конференции ООН в Рио-де-Жанейро в отношении современной цивилизации, показав определяющую роль лесов для дальнейшего развития человечества. В результате такой многолетней широкой общественной дискуссии была поставлена центральная проблема устойчивого развития – проблема адекватности рыночной модели экономического развития новому пониманию устройства и функционирования природных систем.

Проведенные международные конференции и семинары по устойчивому управлению лесами позволили выработать формулировки основных понятий, таких как принципы, критерии и индикаторы. Принципы – это основные правила деятельности или руководящая идея по управлению и использованию лесов на основе законодательства. В систему принципов, положенных в основу

управления лесами в России, начиная с периода организации цивилизованного лесного хозяйства, доминирует «принцип неистощительности и непрерывности». Этот принцип вошел в Лесной кодекс РФ [1]. Выполнение критериев для сохранения лесов и устойчивого управления осуществляется на уровне практического ведения лесного хозяйства и может контролироваться по индикаторам сохранения лесных экосистем и устойчивого управления лесами. Индикаторы – количественные и качественные характеристики, позволяющие оценить, анализировать и прогнозировать процесс движения по соответствующему критерию, а также определить необходимые действия по практической реализации соответствующего критерия [74, с.1-24].

Устойчивое управление лесами должно обеспечивать экологическую и социально-экономическую составляющие устойчивого развития страны и регионов, которые находят свое отражение в таких международных критериях, как поддержание социально-экономических условий лесных экосистем и инструменты лесной политики. При этом должны быть учтены интересы различных социальных групп населения, отраслей промышленности, а также субъектов лесоправления в отношении эксплуатации лесных ресурсов без ущерба экологическим характеристикам и биоразнообразию лесов.

Следует сказать, что Россия активно включилась в международные процессы по лесам, и внесла существенные дополнения в разработку Всемирной лесной конвенции. Уже сразу после Рио в стране был подготовлен вариант проекта «национального плана действий». Вот перечень правительственных документов, которые были ориентированы на разработку основ устойчивого развития РФ:

- Указ Президента РФ от 04.02.1994 г. №236 «О государственной стратегии РФ по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» [2];
- Постановление Правительства РФ от 18.05.1994 г. № 496 об утверждении Плана действий РФ по охране окружающей среды, который предусматривал 96 мероприятий по подготовке нормативно-законодательных актов и целевых программ [6];

- Постановление Правительства РФ от 19.02.1996 г. № 155 о разработке Нового плана действий РФ в области окружающей среды [4];
- Указ Президента РФ № 440 (апрель 1996 г.) «О Концепции перехода РФ к устойчивому развитию» [3].

В лесном хозяйстве России в этот период был разработан целый набор инструментов лесной политики, которые основывались на принципы устойчивого лесопользования, в ряду которых стоят:

- Концепция устойчивого управления лесами РФ, одобренная 4 съездом лесничих (1998 г.);
- Критерии и индикаторы устойчивого управления лесами РФ (1998 г.);
- Система обязательной сертификации древесины отпускаемой на корню и второстепенных древесных ресурсов (1999 г.);
- Национальная сеть модельных лесов (1999 г.).

Нужно сказать, что все эти инструменты по формальным параметрам действительно отвечают тем принципам, которые легли в основу ключевых международных соглашений и деклараций по устойчивому развитию. Этот период в России совпал с принятием нового Лесного кодекса, в котором также была осуществлена попытка сконцентрировать «витающие» в мировом сообществе идеи устойчивости. То есть Россия по своей политической активности оказалась в самой «гуще» мировых инициатив. Но, к сожалению, как все экономические и социальные реформы России, лесная реформа начала приобретать исключительно формальный характер. Те внутренние процессы, которые в системе лесопользования сопровождали внедрение внешних правил, практически сводили на нет все задуманные планы, и более того ухудшали ситуацию. Вот как охарактеризовал институциональные проблемы лесного сектора Стен Нельсон (советник Международного института прикладного системного анализа, Австрия): «Различные организации лесного сектора действуют, ориентируясь на конфликтующие между собой цели. По-прежнему существует традиция потребителей и за-

конов, в соответствии с которыми региональная избыточная эксплуатация лесных ресурсов является легитимной. Лесное законодательство содержит существенные противоречия и находится в конфликте с другими аспектами российского законодательства. Присутствует несоблюдение экологических стандартов, задерживается их принятие и реализация. Распределение прав на эксплуатацию леса не имеет открытого характера. Лесные платежи не обоснованы, отсутствует их эффективный возврат в лесной сектор. Существующая налоговая политика не поощряет нормальную экономическую деятельность или новые инвестиции, сбор налогов ведется неэффективно. Права собственности не ясны, а приватизация приводит к жестоким стычкам за право контроля над капиталом. Коррупция является серьезным препятствием для деловой активности в лесном секторе. Доступная финансовая информация не имеет открытого характера» [70]. Этот исчерпывающий перечень российских проблем должен заставить политиков в области лесоправления переоценить происходящие формальные изменения, соотнести их с реальной жизнью. С чего нужно начинать, чтобы двигаться действительно в сторону устойчивости? По мнению Нельсона, ключевыми позициями в этом должны быть открытость и предсказуемость.

В чем же основная идея устойчивого лесоправления? Почему вокруг нее происходит столько дискуссий? Почему в последнее время она начала приобретать некий «налет» тривиальности? На самом деле устойчивое лесоправление несет в себе глубокий смысл. Английская версия «Forest stewardship» более точно отражает его содержание. Это грамотно организованное лесное хозяйство без ущерба для человека, экономики и природы. Устойчивое лесоправление – это модель системы лесного хозяйства.

Включение в арсенал устойчивого лесоправления трех составляющих: экономической, социальной и экологической придает ему системный характер, что в свою очередь позволяет ввести еще одну компоненту – институциональную, которая фактически интегрирует в себе эти составляющие и является системным каркасом. В таком случае каждая из этих составляющих (подсистем) будет

проявляться в институциональной структуре, причем как в формальной, так и в неформальной ее компоненте. Но коль скоро неформальная компонента институциональной структуры – это и социальная подсистема, то она также является фактором, определяющим и характеризующим составляющие устойчивости. Из этого вытекает вывод, что неформальные институты являются поддерживающим началом в системе устойчивого лесопользования.

По институциональной теории любая экономическая система имеет такие поддерживающие элементы в виде социальных норм, правил поведения, традиций, кодексов. Нисканен назвал неформальные институты «мягкой инфраструктурой экономики» [7]. То есть в любом обществе, не обязательно рыночном, неформальные институты являются социальной «подушкой» для экономики. И если есть согласование между социальной и экономической подсистемами общества, система в целом находится в равновесии. В состоянии рассогласования формальных и неформальных институтов система теряет устойчивость. Российский опыт показывает, что в переходном состоянии, когда идет революционная смена институтов, доминирующую роль в обществе начинают играть неформальные институты. Когда обществу предлагают институт в виде «оболочки», оно вынуждено заполнять ее по своему усмотрению. Но коль скоро, общество было не знакомо с рыночными правилами, оно их просто позаимствовало из арсеналов «черного рынка» СССР. Экономика на таком фундаменте не может быть устойчивой.

Проблемы устойчивого лесопользования – это проблемы институционального развития экономической системы, которая называется лесным хозяйством, объединяющим весь цикл от выращивания древесины до получения готовой древесной и не древесной продукции. Лесопользование – это планирование и осуществление комплекса мероприятий, имеющих целью обеспечить жизнеспособность и устойчивость лесов, постоянство пользования и воспроизводства лесов, повышения их продуктивности и коммерческой ценности, получение стабильного и высокого дохода от отведенных в рубку древостоев, и проведение рубок промежуточного и главного пользования (лесопользование) [29].

Таким образом, лесопользование состоит из:

- системы планирования лесохозяйственных мероприятий (лесоустройство и другие виды планирования);
- системы лесохозяйственных мероприятий;
- системы органов управления лесным хозяйством;
- системы лесопользования;
- системы взаимодействия органов управления лесным хозяйством с уполномоченными органами охраны природы, соответствующими администрациями и общественностью.

То есть лесопользование имеет очень сложную систему связей и отношений, которые в настоящее время находятся в неустойчивом состоянии, что обусловлено незаконченностью происходящей в России лесной реформы. В условиях несформированности в обществе потребности в устойчивом лесопользовании внедрение частичных аспектов устойчивости может реализовываться через контролирующие функции государства. Сюда относятся инструменты прямого управления:

- законодательные акты и запреты;
- административные контролирующие инструменты;
- репрессивные инструменты природоохранных агентств (экологическая полиция).

К инструментам косвенного управления поведением относятся:

- субсидии;
- экологические налоги;
- сертификаты;
- экологические дискуссии [40].

Весь этот арсенал инструментов государственного контроля в сфере лесопользования выполняет определенную позитивную роль. Но здесь нужно учесть, что все эти инструменты должны быть взаимосвязаны и работать на социальный консенсус. В условиях отсутствия социального консенсуса в них начинает доминировать репрессивная составляющая. В такой ситуации происходит ограничение интересов отдельных групп и возникает оппозиция, которая затрудняет реализацию многих аспектов устойчивости. И наоборот, в обществе, где социальный консенсус достижим, применение

инструментов управления поведением способствует формированию и развитию потребности в устойчивом лесопользовании.

И здесь нужно хорошо представлять, что «стандарты извне, которые противоречат общественному консенсусу (а он может быть принят тогда, когда все участники процесса управления лесами согласны с ним, как руководящим принципом) не могут быть хорошей основой для практической деятельности. Более того, это справедливо, когда вводится более высокий стандарт, к которому общество не готово и не в состоянии выполнять» [40].

1.2. Экономические предпосылки устойчивого лесопользования

Развитие проблем устойчивого лесопользования можно наблюдать через три модели взаимодействия человека и природы. В основе первой заложены экономические факторы, определяющие условия, характер и способы выращивания и производственного использования лесных ресурсов. В этой модели заложен приоритет экономических подходов, распространенный в условиях обострения проблем переходного периода. Экономическая модель взаимодействия человека и природы основывается на ресурсной концепции развития [63, с.43-83; 69, с.76-78; 97, с.94-96]. По мере интенсификации лесопользования уменьшается биологическое разнообразие и трансформируются в сторону упрощения лесные экосистемы.

Система лесопользования в сложном многообразии своих элементов институционального и социального характера упрощенно может быть представлена функциональной и организационной структурой. Обе структуры обуславливают состояние (устойчивость – неустойчивость) системы. Вместе с тем, одна из них – функциональная – имеет исторически традиционное содержание, другая – организационная – определяется институциональными рамками.

Функциональная структура лесопользования обусловлена отраслевым принципом распределения отдельных ее элементов, кото-

рые включают все стадии от лесовыращивания до извлечения всех полезностей и услуг леса. Каждой стадии лесопользования соответствует определенная отрасль экономики, каждой из которых назначены свои цели и задачи. Основным фактором, определяющим функциональную структуру лесопользования, является направленная деятельность субъекта хозяйствования: воспроизводство ресурса или использование ресурса. Каждый вид направленной деятельности в свою очередь имеет сложную дифференциацию. Воспроизводством лесных ресурсов занимается лесное хозяйство, использованием – лесная промышленность. Следует отметить, что в России до революции эти виды деятельности были одним сегментом хозяйственной жизни. Практика зарубежных стран демонстрирует именно такую модель – лесное хозяйство включает в себя не только лесовыращивание, но и лесозаготовку. В контексте вопросов лесопользования, как уже отмечалось, мы будем рассматривать эту экономическую систему как в целом систему лесного хозяйства.

Лесное хозяйство – отрасль экономики, цель которой заключается в поддержании такого состояния лесных экосистем, которое позволяет им удовлетворять возрастающие потребности человека в лесной продукции и услугах. Данная цель имеет два равнозначных аспекта:

- во-первых, сохранение лесных ландшафтов;
- во-вторых, получение максимального, стабильного во времени лесного дохода [88, с.35].

В соответствии с целями выстраиваются следующие задачи лесного хозяйства:

- защита преобладающих природных лесных экосистем с целью сохранения их биоразнообразия и ландшафтов;
- защита лесной растительности для сохранения окружающей среды и создания условий для социально-экономического развития;
- установление и поддержка многофункциональной лесной экономики, объединяющей экологическую сохранность и

эффективное использование в интересах настоящего и будущего;

- создание новых лесов исходя из природоохранных целей и целей социально-экономического развития [24].

Лесное хозяйство должно обеспечивать постоянное, неистощительное, многоцелевое лесопользование. Поставленные перед лесным хозяйством цели и задачи отводят ему важнейшую роль в социально-экономическом развитии на национальном, региональном и локальном уровнях. Место и роль лесного хозяйства в современной структуре лесопользования устанавливается институциональными рамками.

Вторым звеном функциональной структуры лесопользования является непосредственно лесопользование, полифункциональность которого выражено следующими задачами:

- производство различных категорий деловой древесины как базы для развития промышленного сектора;
- производство дров и строительного леса для обеспечения местных потребителей как базы для сельской экономики;
- получение разнообразных недревесных продуктов для местных и промышленных целей;
- проведение мероприятий с целью предотвращения стихийных бедствий, таких как эрозия, оползни, наводнения;
- поддержание защитной роли лесов для сохранения водных ресурсов;
- проведение мероприятий по рекреационному использованию лесов для жителей городов в туристических целях [24].

Абстрагируясь, можно представить систему лесного хозяйства как систему экономических отношений: *лесовод – лесопромышленник*. Лесное хозяйство – это система, в которой происходит взаимодействие подсистем: «человек – хозяйство – природа». Лес в ней выступает одновременно как средство и как предмет труда. Цепочка «лесовоспроизводство – лесопользование» – суть единый цикл, отражающий двойственный характер леса. Смысл этого единства заложен в девизе великого лесовода Морозова «Рубка леса = Лесовозобновление». С одной стороны, лес – это биологиче-

ская категория, планетарное явление и является одним из основных факторов, поддерживающих жизнь на земле. С другой стороны, лес – объект хозяйственной деятельности, приносящий конкретные доходы экономике локальных территорий и более крупных территориальных образований.

Двойственная природа леса выражается и в его экономической оценке. Во-первых, это природный ресурс и его стоимость определяется лесорастительными условиями и выражается дифференциальными рентами. Во-вторых, это объект приложения человеческого труда и в его стоимости должен быть учтен данный компонент. Лесные ресурсы без приложения к ним человеческого труда и без использования его результатов остаются абстрактной категорией. Эта двойственность заложена в функциональной структуре, которая предполагает создание и извлечение продукта. Созданием продукта занимается лесовод, извлечением – лесопромышленник. В этом кроется исторический социальный конфликт. Хотя лесоводы всегда были сторонниками консенсуса.

Руководствующиеся в основном профессиональными традициями, лесоводы в настоящее время оказались неподготовленными к быстро растущим требованиям современного производства. Они были инициаторами исторического компромисса, позволяющего им одновременно выращивать леса, пользоваться им и вырубать его. «Этот компромисс возник в ту раннюю пору лесной индустрии, когда лесоводы помогли спасти леса от философии «рубка и быстрота» и убедили деловой мир, что лес можно выращивать продолжительно и экономично» [95].

Новые леса, выращенные благодаря этим традициям, сохранили высокий уровень продуктивности и прироста древесины. Именно лесоводы помогли установлению и развитию новых направлений в лесопользовании под эгидой многоцелевого использования. Поощряя лесное производство и непромышленное лесоиспользование, лесоводы примирили оба идеала лесопользования, хотя и не в чистой форме. «Это был прагматический компромисс, основанный на истории профессионального опыта в первые и средние десятилетия 20-го столетия. Перед лицом возрастающего конфликта лесоводы продолжали защищать условия исторического компромисса» [там же].

Несмотря на то, что лесоводы защищают различные практики, они продолжают оставаться профессионалами, расширяя определение и содержание лесного хозяйства. В зависимости от выбранной национальной стратегии они вынуждены соглашаться с данной стратегией, хотя уровень и масштаб современного лесного производства усложняют их позиции. В одних случаях лесоводы являются сторонниками лесного производства, в других – приверженцами природоохранной политики.

Рассматривая лесоводов и лесопромышленников с точки зрения *социальной роли*, нельзя отдать кому-либо из них приоритет и выстроить иерархию отношений. Существующий исторический конфликт в отношениях между ними можно расценивать как устойчивый институт, но не правомерно, на наш взгляд, говорить о его неэффективности, коль скоро он обуславливает выход на консенсуальные стратегии. Оптимизация данных стратегий будет зависеть от установленных легитимных правил, то есть именно институциональные рамки могут обеспечить согласованность функциональной структуры лесного хозяйства и устойчивого лесоуправления.

Современное общество приходит к пониманию переосмысления лесной политики в сторону экосистемного управления. Лесное хозяйство должно поддерживать такое состояние лесных экосистем, которое позволяет им удовлетворять возрастающие потребности человека в лесной продукции и услугах. Целевые функции предполагают, что лесное хозяйство должно иметь механизмы управления всеми лесными ресурсами. То есть оно должно иметь отношение к распределению благ в виде рыночных и нерыночных полезностей леса. Современная макроэкономическая политика предполагает управление рыночными благами леса (древесное и не древесное сырье) со стороны лесовладельцев. Но существует постоянно расширяющаяся сфера полезностей и услуг, которая не имеет рыночной стоимости и на которую рынок не реагирует. Сюда относятся так называемые «общественные блага»: разнообразные социальные и защитные полезности леса, биологическое разнообразие флоры и фауны, многие аспекты охраны окружающей среды, не только обуславливающие повышение качество жизни населения, но и являющегося главным условием его дальнейшего су-

ществования. Эти ресурсы не имеют рыночной стоимости и не регулируются рыночной экономикой, поэтому относятся к сфере государственного регулирования, которое и реализуется лесохозяйственной службой [17].

Другое очень важное для лесного хозяйства положение, связанное с его спецификой, также характеризует ограниченность по отношению к нему проявления рынка. Эта ограниченность заключается в недостаточном учете рынком долгосрочных перспектив лесного хозяйства. Стабильность рынка здесь достаточно уязвима. Очень трудно определить, как будут меняться во времени структура и размер спроса и предложения на лесном рынке. Например, в настоящее время активно развиваются экологически чувствительные западные рынки, предъявляющие очень жесткие требования к лесным компаниям. Для того, чтобы российские компании не пострадали, они должны осуществлять свою деятельность по принципам устойчивости, что будет подтверждено получением лесного сертификата. В данном контексте устойчивость будет нести в большей степени социальный оттенок, нежели экономический, так как экономический эффект будет получен в долгосрочной перспективе. Это именно тот случай, когда рыночные механизмы (а сертификация, несмотря на свой нетарифный характер, является все-таки рыночным механизмом), должны быть подвергнуты некоторому государственному регулированию.

По поводу рыночной ограниченности и необходимости замещения ее стратегическими государственными программами планирования высказывается ряд авторов. Дж. Х. Стенке, Дж. Браун, Р.Н. Кларк считают, что «лесные рынки не способны достаточно учитывать долгосрочные соображения, от чего сильно искажаются краткосрочные результаты». Г. Грегерсен замечает, что стимулировать частные капиталовложения в лесное хозяйство очень трудно как в связи с длительными периодами лесовыращивания, так и в связи с риском, присущим этому типу капиталовложений. А. Редер, рассматривающий ценообразование как инструмент управления, отмечает ограниченность использования рыночных цен в лесоправлении [17].

Главным следствием долгосрочной специфики лесовыращивания является основное требование к хозяйствованию в лесу, переросшее в принцип постоянства и неистощительности пользования лесом. Раньше он относился в основном к древесине, теперь – ко всем ресурсам и полезностям леса, определяя стратегическую политику многоцелевого лесопользования. Гарантией для защиты принципа неистощительного многоцелевого использования является только государство, принимающее соответствующие законодательные меры и правила регулирования деятельности в лесу [17]. Данные контекст предполагает государственное участие в лесном хозяйстве любой рыночной экономики.

Любая развитая страна с эффективно работающими рыночными институтами и имеющая развитое лесное хозяйство вкладывает в него существенные инвестиции. Здесь можно привести пример Финляндии, Швеции, Германии и др. Поэтому те настроения, которые сегодня исходят из правительственных кабинетов России о государственной несостоятельности в области лесного хозяйства, совершенно не обоснованы. Проблему лесопользования частный бизнес может решить только в увязке с государственными программами, что станет первоосновой для институционального развития в контексте устойчивости. Пока же складывается мнение, что крупный бизнес, контролируя лесной сектор экономики, пытается сейчас «руками» государства (читай правительства), взять лес в собственность, не планируя вкладывать в него на 100 лет вперед. И это вполне объяснимо – правила меняются очень часто и очень хаотично. Экономическая же устойчивость предполагает сохранение собственности (в данном случае лесного фонда) для потомков. И здесь возникает вопрос, готов ли сегодня российский лесной бизнес взять на себя ответственность за сохранение лесов?

Главная проблема лесопользования России состоит в том, что развитие лесного хозяйства в период рыночных реформ в России осталось вне рынка. Оставив советское наследие в виде бюджетной отрасли, государство пыталось директивными методами повысить ее доходность. Но, имея разные институциональные, а значит, и финансовые ресурсы, лесное хозяйство и приватизированная лесная экономика не смогли

стать равноценными партнерами. Если обратиться к истории, то можно понять причины затянувшегося кризиса лесного хозяйства. Нужно сказать, что структура управления отраслью в условиях плановой экономики испытывала постоянные административные преобразования. Причем, это затрагивало только верхние уровни управления, когда лесное хозяйство то объединяли с лесной промышленностью, то разъединяли. «Но неизменно на нижнем уровне управление лесным хозяйством, начиная с 30-х годов, осуществляли монопольные государственные структуры лесхозы. В политическом аспекте лесхозы были «продуктами» национализации земель и общественного землепользования, составивших основу, так называемых, социалистических земельных отношений. Форма управления лесами и ведения лесного хозяйства на базе лесхозов была неизвестной в дореволюционной России, равно как она неизвестна и в практике лесоуправления в зарубежных странах» [25]. Следует сказать, что в дореволюционный период в России лесное хозяйство было источником стабильных доходов государства. В советский период истории источником государственных доходов стала лесная промышленность, хотя, по сути, она завершает цикл лесохозяйственного процесса по выращиванию спелого леса. На самом деле лесозаготовительная функция не вышла за рамки ведения лесного хозяйства во многих странах мира, например, в Финляндии. В России до революции 1917 г. она практически не существовала, хотя объем лесозаготовок в России в 1913 г. составлял 67 млн. м³.¹ Экономическая ситуация не требовала такого рода специализации предприятий и выделения рубки леса в самостоятельный вид деятельности. Национализация лесов России в 1918 году создала условия для превращения лесозаготовок в отрасль промышленности. В 1931–1933 г.г. были принципиально изменены экономические основы лесного хозяйства. Произошел отказ от принципов постоянства и неистощительности пользования лесом, поскольку он противоречил плановому принципу социалистического хозяйства. Была отвергнута доходность как основной стимул организации лесного хозяйства, что привело к устранению понятий качественной и хозяйственной спелости леса. Понятие финансовой спелости,

¹ Писаренко А. И., Страхов В. В. Лесное хозяйство России: от использования к управлению. М.: Юриспруденция. 551 с.

определяемой по земельной ренте, было отнесено к положениям вульгарной политической экономии (ложная стоимость). Понятие оборота рубки, являвшегося стержневым в системе принципов постоянства и равномерности пользования лесом, было отвергнуто и заменено понятием возраста рубки.

Данные политические решения были вызваны необходимостью заготовки леса для страны. А так как профессионалы в тот период подвергались репрессиям, искать консенсус между количеством и качеством было некому. В результате северные территории страны превратились во «всесоюзную лесопилку». В силу недостатка транспортных путей для размещения производственных мощностей лесной промышленности расширялись объемы лесозаготовок вдоль железных дорог и крупных рек. Резко возросшие планы лесозаготовок вдоль путей транспорта приводили к перерубам расчетных лесосек. Произошёл скрытый переход от постоянного к периодическому пользованию лесом.

В условиях жесткого государственного заказа и достаточно быстрого истощения лесосырьевых баз предприятия лесной промышленности начали приобретать черты «временщиков». Леспромхозы создавались для того, чтобы вырубить конкретные массивы леса в течение нескольких лет. Рабочих селили во временки или использовали вахтовый метод. Это решение имело далеко идущие катастрофические как экологические, так и социальные последствия. Экологические последствия, как уже отмечалось, были связаны с быстрым истощением лесных ресурсов, так как лесовозобновлением практически никто не занимался. Социальные проблемы имеют не менее «печальную» историю. Так, созданные в Карелии² в 50-е годы прошлого столетия лесные поселки как временные базы леспромхозов до сих пор продолжают свое существование в условиях отсутствия нормальной системы жизнеустройства – проблем занятости, ветхого жилья, разрушенной социальной инфраструктуры и коммуникаций.

² Такие поселки имеются во всех многолесных регионах России.

Что касается лесного хозяйства, то, начиная с 30-х гг. 20 века финансовая система отрасли была основана на сметно-бюджетном принципе. «Именно отстранение лесного хозяйства от получения им лесного дохода и перевод на бюджетное финансирование обусловили тот факт, что по уровню экономических отношений оно значительно отставало от лесной промышленности, где практически всегда применялись элементы хозяйственного расчета» [25]. То есть лесное хозяйство очень быстро превратилось в сырьевой придаток лесной промышленности.

Как государственный управленческий орган советский лесхоз обладал целым рядом функций:

- распоряжение лесным фондом – реализовывалась через выполнение директивных показателей по выполнению лесохозяйственных работ, спущенных из центральных планирующих органов, а именно – улучшение породного состава и продуктивности лесов с помощью осушительных работ, рубок ухода, реконструкции малоценных насаждений и т.п.;
- пользование лесными ресурсами – в области лесопользования лесхоз не только отпускал лес лесозаготовителям, но и осуществлял контроль над правильным его использованием;
- воспроизводство, охрана и защита лесов – лесхозы занимались возобновлением леса, лесовосстановлением, облесением песков и эродированных земель, полезачитным лесоразведением, охраняли леса от пожаров, порубок и хищений, защитой от болезней и вредителей;
- контроль за своей деятельностью и деятельностью лесозаготовителей [25].

Функции лесоуправления (как распорядительные, так и контрольные) не имели экономических стимулов (высокой зарплаты) и не обеспечивались соответствующими профессионалами. Советские вузы не готовили специалистов в области лесоуправления. Недостача стимулов в управлении компенсировалась некоторым образом промышленным производством. Применение принципов хозрасчета в леспромхозах постепенно изменило структуру лесхозов в сторону расширения в их составе промышленной деятельности.

Особенностью лесхозов советского периода было то, что им разрешалось вести лесозаготовки (по главному пользованию), производить потребительские товары из древесины и организовывать наиболее полное использование продуктов побочного пользования в лесу (сенокосение, сбор грибов, ягод, лекарственных трав и др.). Этим обеспечивалась экономическая устойчивость лесхозов и занятость местного населения. Таким образом, несмотря на высокую социально-экономическую значимость лесного хозяйства государство в период плановой экономики не отводило ему основных ролей в системе общественного устройства.

Нужно сказать, что отношение к лесному хозяйству как к сырьевому приращку лесной промышленности сохранилось, к сожалению, в Правительстве России до настоящего времени, несмотря на то, что использование лесов и ведение в них лесного хозяйства давно уже перестало быть чисто национальной суверенной экономической проблемой. Об этом свидетельствуют выводы, сделанные в Рио-де-Жанейро и придающие лесам важную роль не только в глобальной торговле и глобальном экономическом развитии, но и в обеспечении условий жизни на планете. В данном контексте особо актуализируются стратегические планы развития лесного хозяйства России. Происходящая сегодня лесная реформа со всей очевидностью доказала, что от власти, как когда-то в 30-е гг., исходит политическая инициатива радикальной смены парадигмы развития лесного хозяйства. Первая попытка «взять общество врасплох» не удалась. Это уже позитивная тенденция. Вместе с тем, несмотря на широкую общественную дискуссию, вызванную законопроектом нового Лесного кодекса, создается впечатление, что власть опять не хочет слышать профессионалов. Безусловно, лесное хозяйство требует серьезного институционального переустройства, но оно должно быть тщательно продумано, научно обосновано и иметь конкретные проектные разработки со всеми выкладками и расчетами. Зачем, где, как и когда это делать, во сколько это обойдётся? Кто будет платить за эту реформу? Это надо понять до того, как начинать кроить «по живому». И всё это надо объяснять населению, специалистам лесного хозяйства и даже на-

шим соседям, которые пристально следят за развитием событий. А пока мы наблюдаем «чехарду» новых законов, то отбирающих, то обратно возвращающих полномочия управления лесами. А ведь это не абстрактная категория, это напрямую связано с конкретными предприятиями, конкретными людьми, права которых уже начали ущемляться. Это как раз и свидетельствует об отсутствии каких-либо научно обоснованных планов. Новый Лесной кодекс для России будет «лакмусовой бумажкой», которая покажет, на какую основу поставлено лесное хозяйство. От этого будет во многом зависеть степень устойчивого лесопользования в нашем обществе.

1.3. Экологические и социальные факторы устойчивого лесопользования

Лесоводственная теория и практика в последние десятилетия претерпели грандиозный сдвиг в парадигме. Дауервальд в Германии, экосистемный менеджмент в США и модельные леса в Канаде – национальные интерпретации одной глобальной идеи, которая состоит в органическом сочетании экономических, экологических, социальных, политических и культурных ценностей леса. Инвайронментальная эра сменяет лесозаготовительную [66, с.159-167]. Между тем, старая экономическая система, обслуживавшая старую лесоводственную парадигму, существенно не изменилась. Это в равной степени относится к России, Канаде и США. Для того, чтобы экономически поддержать экологический прорыв, экономическая наука должна преодолеть инерцию и выйти на новый уровень понимания и объяснения социальных процессов, происходящих в системе «человек – хозяйство – природа».

Специфика экологических приоритетов социально-экономического развития обуславливает расширение спектра проблем лесного хозяйства. Вторая модель взаимодействия человека и природы основывается на увязывании экономических и экологических критериев. Выживание лесов зависит от того, сумеет ли общество признать и сохранить их экологическую, климатическую, социальную и экономическую ценность. Сохранение природных

экосистем при эксплуатации лесных ресурсов имеет особую актуальность для регионов, экономика которых базируется на лесопромышленном производстве.

Среди принципиально важных ограничений, которые накладывает на развитие лесного хозяйства мировая экологическая общественность, можно выделить три ключевых. Во-первых, это не нарушение природоохранных требований при ведении хозяйственной деятельности, что должно органично вписываться в правила ведения лесного хозяйства – санитарные рубки и рубки ухода, лесовосстановительные мероприятия, охрана леса от пожаров и защита от вредителей. Во-вторых, это запрет на рубки в старовозрастных лесах. И здесь экологические организации держат очень жесткие позиции, хотя существует проблема первичных и вторичных древостоев, о чем все время говорят лесоводы. В-третьих, это необходимость резервации определенной доли лесонасаждений, то есть создание природоохранных территорий. Все эти направления работают на более глобальные проблемы, связанные с лесами – углеродный цикл, повышение биоразнообразия, выполнение средозащитных функций.

На самом деле защитники лесов не ставят под сомнение необходимость эксплуатации лесов. Удовлетворение потребности общества в лесе и другой лесной продукции рассматривается ими как вполне легитимное. Вместе с тем Гринпис требует прекратить эксплуатацию лесов на территории, составляющей 10% всех лесных ресурсов Центральной Европы [40]. Это требование соответствует условиям для реализации концепции защиты природных процессов, подразумевающей осуществление хозяйствования в таких лесах согласно принципам нетронутой природы. По этим требованиям Швеции предстоит изъять из промышленного использования 15% лесных площадей. Тот же эффект может быть получен, если ведение лесного хозяйства направлено на создание близких условий к естественным, а около 5% лесов имеет защитный статус.

Лесное хозяйство в принципе является полезным не только для общества, но и для природы процессом. Но даже в условиях, приближенных к естественным процессам, оно не в состоянии выполнить те требования, которые сегодня предъявляются природоохранными ор-

ганизациями. Природоохранные задачи не должны противоречить высшим задачам общественного развития, определяющим сочетание как защиты, так и использования лесных ресурсов. «Концепции защиты сами по себе вряд ли гарантируют успех в плане защиты и охраны леса» [94, с.253–262; 98, с.226–235]. Близкое к природным процессам лесное хозяйство (естественное хозяйствование) приведет к увеличению продуктивности древостоев по сравнению с естественными лесами. Управление в эксплуатационных лесах может осуществляться на устойчивой основе [78, с.253–262].

Все эти противоречия могут быть сняты одним из механизмов устойчивого лесоуправления – лесной сертификацией. Лесной сертификат является тем механизмом, который содействует установлению консенсуса интересов лесного бизнеса, социума и экологических организаций. Еще в 80-е гг. прошлого столетия лесные компании не заботились об экологических аспектах своего бизнеса. При этом высокий экономический эффект достигался за счет бессистемной эксплуатации лесов, экономии на лесовосстановлении, игнорировании природоохранных и социальных норм. Но результаты Рио и активное движение в защиту лесов спровоцировало начавшиеся бойкоты в адрес нарушителей экологических требований. Многие лесные компании стали объектом мощной критики экологических организаций. Эти процессы не обошли и Россию. Конференция в Рио и последующие инициативы сформулировали общественную потребность мирового сообщества – вести лесное хозяйство на устойчивой основе. Измерение этой устойчивости возможно на основе международных критериев и индикаторов. Именно тогда появилась и начала активно развиваться идея лесной сертификации с использованием этих критериев. Лесной сертификат говорит о том, что закупаемая потребителем древесина исходит из лесов, где лесное хозяйство ведется неистощительно, учитываются вопросы экологии и интересы работников компании, а также наслоения, проживающего в данном лесу. Сегодня экологически чувствительные западные рынки лесопродукции сформировали достаточно устойчивый спрос на сертифицированную древесину, что вкладывает и экономический смысл в сертифицирование

лесов. Ориентация лесных компаний на получение лесного сертификата означает их долговременную ориентацию на устойчивое лесопользование. В таком случае лесной сертификат является универсальным механизмом. С одной стороны он увеличивает конкурентоспособность лесных компаний, с другой – формирует у них экологически оправданные и социально выгодные образцы поведения. Таким образом, лесная сертификация является механизмом, который в модели взаимоотношения человека и природы устанавливает баланс между экономическими, экологическими и социальными факторами. Этот баланс будет свидетельствовать о развитии системы в сторону устойчивости.

Проблемы лесного хозяйства, кроме экономических и экологических аспектов, имеют и социальное измерение. На глобальном уровне в его основе лежит социокультурный срез, который объединяет человека, экономику и природу, что существенным образом поднимает значимость социального фактора, обуславливающего и уровень гражданского самосознания, и успешность реализации социального субъекта, и роль социальных акторов. Это отражается в различных научных концепциях, таких, как учение В.И. Вернадского о ноосфере [9], теории систем Т. Парсонса [92], концепции социальной экологии – инвайронментализме [72, с.11]. В рамках этой научной парадигмы основной акцент сделан на разработку «направления радикального преобразования системы ценностей современного общества и соответствующие этой системе новых образцов экологически оправданного поведения» [41, с.56]. Но что касается социального фактора в лесном хозяйстве, то он не является чем-то новым, неизвестным до Рио. Он занимал достаточно прочную позицию и в таких старых концепциях, как концепция социального лесного хозяйства, старый принцип национального интереса как первооснова лесной политики и т.п. [79].

Как устойчивое развитие в целом, так и устойчивость в лесном хозяйстве включает три основных компонента: экономическую устойчивость, экологическую устойчивость и социальную устойчивость. Шутов, например, предлагает такую формулировку – «устойчивое лесное хозяйство имеет три цели или три группы целей.

Три измерения могут по разному реализовываться в зависимости от места, времени, уровня (лес, местный, региональный, национальный уровни и т.д.), но тем не менее, в целом лесное хозяйство вряд ли можно считать устойчивым, если не выдерживаются минимальные требования каждого аспекта» [89]. В этом контексте важным представляется увидеть и предусмотреть не только взаимодополняемость данных аспектов, но и их противоречия, которые по большому счету влияют на конечный результат – на саму устойчивость. Действительно, экономическая устойчивость обеспечивает социальную устойчивость, а вести экологическое лесное хозяйство значительно легче в условиях экономической и социальной стабильности. Но с другой стороны, преувеличенная экономическая мотивация в использовании лесов часто подрывает и экологические, и социальные потребности общества, а завышенные экологические требования представляют угрозу социальной и экономической стабильности общества. В этом смысле социальная устойчивость может выступать как индикатор баланса между тремя аспектами устойчивости. Потому что именно социальный фактор обуславливает принятие основных решений по лесоуправлению. Здесь повышается значимость не только отдельного социального актора, но и общественного мнения и гражданского самосознания.

Социальная устойчивость в лесном хозяйстве еще не получила общепринятого определения. Тем не менее, социальные аспекты устойчивости некоторые авторы рассматривают как культурные, духовные потребности человека. Например, Ранико П. [99] выделяет особую категорию «культурной устойчивости», рассматривая ее в составе социальной устойчивости. В работах А. Петрова вместо социального применяется более широкий – «политический» аспект устойчивости [24]. В панъевропейских критериях и индикаторах устойчивого управления лесами используется определение «социально-экономический», что говорит о тесной взаимосвязи между социальными и экономическим факторами устойчивого развития. Таким образом, все известные представления о социальной устойчивости лесоуправления, можно зафиксировать в следующем перечне ее основных признаков и характеристик:

- Материальное и нематериальное благосостояние.
- Социальная справедливость и социальная безопасность.
- Динамичность, а не статичность развития.
- Местное участие и местные возможности для развития.
- Равновесие прав и ответственности по отношению к лесам.
- Управляемая перспектива развития.
- Трудовая занятость.
- Многоцелевое лесное хозяйство.

Следует учитывать, что возможности лесного хозяйства в ходе устойчивого развития общества во многом ограничены, а экономические и социальные факторы, находящиеся за пределами лесного сектора, оказываются наиболее решающими. И если эти факторы будут интегрированы в управленческие задачи, у лесного хозяйства есть шанс выйти на устойчивую основу. Но это достаточно трудноразрешимый вопрос. Для этого есть причины. Экономическая позиция и мотивация тех, кто непосредственно участвует в процессе лесопользования, часто не допускают изменений в стиле управления.

Поэтому управляющий лесами должен интегрировать многие знания и понимать общество. «Он должен обладать практическим и точным пониманием лесов как лесовод, способностью оценивать на длительную перспективу, присущей планировщику, административными навыками, должен обладать бдительностью, подвижностью и готовностью использовать все возможные ресурсы, что свойственно природе успешного бизнесмена» [91]. Эту характеристику лесопользователя К. Дэвиса дополнил с учетом современных особенностей Дж. Кеннеди: «Сегодня лесоводы и их коллеги, занимающиеся вопросами лесопользования, вынуждены адаптироваться к более скромной роли сподвижника и посредника, оказывающего содействие гражданам демократического мира в деле достижения долговременных общественных целей в отношении лесов и выработки широкого спектра альтернатив управления» [96].

Но все способности лесопользователей и все политико-структурные мероприятия останутся неэффективными в долгосрочной пер-

спективе, если они сегодня не согласуются с подготовленностью общества реализовывать соответствующие задачи и сотрудничать в данном направлении. Кроме того, определенные функции леса, такие как биоразнообразие или сохранение генетических ресурсов, являются востребованными чаще в промышленных странах, в которых проживают конечные потребители, а не в местных общинах, которые находятся в непосредственной близости от соответствующих лесных массивов [94, с.253–262].

Для переходных обществ социальная устойчивость выражается не только в состоянии экономики субъектов и территорий, но и успешности их реализации при выборе новых форм собственности. Кроме того, огромное значение имеет уровень общественного сознания. Повышение социальной активности, связанной с трансформацией системы мотиваций у различных социальных групп, обуславливает сдвиг ментальности в сторону принципов устойчивости, что в свою очередь создает предпосылки для вовлечения широких общественных масс в процесс лесоправления [62; 61]. В современных условиях важно определить место каждой социальной группы, обозначить ее роль в системе лесоправления. Соблюдение интересов всех потенциальных субъектов лесных отношений: населения, предприятий, органов власти согласуется с положениями концепции устойчивости. Широкая дискуссия по вопросам лесоправления может быть направлением на пути к достижению социального консенсуса. Уровень общественного сознания, характеризуемый социальной активностью населения, его инициативностью в вопросах управления лесными ресурсами, может свидетельствовать о развитии социальной компоненты устойчивого лесоправления.

Устойчивое лесоправление может быть реализовано в долгосрочной перспективе, если его принципы найдут соответствие потребностям людей. То есть должен появиться спрос на специфический товар «устойчивое управление лесами» [24, с.34]. Таким образом, именно человеческая потребность в устойчивости должна уравновесить все три составляющие, привести интересы бизнеса, окружающей среды и социума к социальному консенсусу. Нужно

сказать, что сегодня мы уже можем говорить о появлении такой потребности. И мы снова возвращаемся к лесной сертификации, как к механизму, который сегодня начал уравнивать экономические и экологические интересы. Важным является то, что этот процесс имеет необратимый характер. В него постепенно будут включаться все больше и больше стран, регионов и сообществ. Россия, проявив свою политическую активность на первом этапе движения «за устойчивость», законсервировала ее на некоторое время. Сейчас она на витке новой лесной реформы снова может включиться в этот процесс и действительно найти стратегически верные ориентиры в вопросах лесоправления.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СОБСТВЕННОСТИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

2.1. Трансформация лесного законодательства в контексте происходящих в России рыночных реформ

Основное направление институциональной трансформации лесного сектора России связано с лесной реформой. Актуальность такой реформы обусловлена противоречивостью правил в системе лесопользования и лесопользования, что в свою очередь обуславливает столкновение частного и общественного интересов в системе лесных отношений. Приватизированная лесная экономика и отсталое лесное хозяйство не могут быть равноценными игроками на институциональном поле. Ситуация усугубляется перспективой вступления России в ВТО.

В данном контексте встают вопросы лесной сертификации, которая только начинает свое развитие в России. Ее введение в схему отношений России с западными фирмами может стать серьезным препятствием для развития лесных предприятий. Отсутствие действующей Национальной системы лесной сертификации вынуждает лесной бизнес идти по западным стандартам, которые может быть не всегда учитывают российскую специфику. В настоящее время в России встала проблема экономической доступности лесных ресурсов. Так называемая маргинальная ситуация в системе лесопользования требует поиска новых как финансовых, так и институциональных ресурсов. Данные вопросы актуализируют разработку новых институциональных моделей системы лесопользования, ключевым звеном которой является институт собственности на лесные ресурсы.

Анализируя развитие лесного законодательства в рамках законов федерального и регионального уровней, мы приходим к выводу, что главным успехом данного процесса является появление номинально-

го собственника на лесные ресурсы. Основой формирования лесных отношений в период командно-административной плановой экономики была фактическая бесплатность лесных ресурсов. Это ставило экономическую категорию – собственность на лесные ресурсы – в особые институциональные рамки, что было обусловлено отсутствием субъекта, претендующего на право на данную собственность. В таких условиях рычагами воздействия на процесс лесопользования могли быть только жесткие административные меры.

Институциональные преобразования в системе лесопользования начались в конце 80-х гг. с введения платы за лесные ресурсы, которые в результате изменений правил должны были приобрести статус товара. Одновременно начали оформляться отношения между центром и регионами по поводу прав на лесные ресурсы. Республика Карелия в числе других регионов получила права на владение лесными ресурсами и распределение дохода от их использования. Таким образом, собственником лесных ресурсов фактически стали субъекты Федерации. Тем не менее, ни в конституции, ни в лесном законодательстве это было не зафиксировано: не были четко определены ни субъекты, ни то количество объекта права, которое им отводится.

С началом рыночной либерализации началось введение новых экономических отношений в систему лесопользования. Но весь парадокс состоит в том, что ключевой рыночный институт собственности начал свое развитие без формального основания при действующем старом (еще советском) лесном законодательстве. Именно из-за высокой степени неопределенности во взаимодействии между субъектами (региональных правительств, местных органов власти и лесной службы) по поводу их отношения к лесным ресурсам на момент начала экономической либерализации ни у федеральной, ни у региональной властей не оказалось законных рычагов влияния на процесс лесопользования. Неустановленный правовой режим, который был обусловлен неадекватным лесным законодательством, обеспечил доступность лесных ресурсов множеству некомпетентных и недобросовестных лесопользователей. В Республике Карелия сложилась ситуация, когда огромные неучтенные товарные и финансовые потоки уходили за пределы республики.

Далее ситуация в системе лесопользования развивалась еще более драматично. В 1993 г. были приняты «Основы лесного законодательства». В этом документе было сделано, казалось бы, невозможное: обойден молчанием вопрос о том, в чьей собственности могут находиться леса России. Фактически право распоряжения лесами оказалось переданным районным советам народных депутатов (точнее, их преемникам – главам районных администраций). Кроме того, было определено, что те, кто фактически распоряжается лесами, не несут ответственности за их состояние перед представительными органами власти [88]. Таким образом, право распоряжения лесными ресурсами было отдано субъекту, не отвечающему за состояние лесопользования. На лицо формирование так называемой институциональной ловушки – при отсутствии механизма возврата части лесного дохода в лесное хозяйство и прозрачности его перераспределения создались еще более благоприятные условия для незаконных операций в лесу. На данном этапе обозначились признаки конфликта экономических интересов различных социальных групп – районных властей, лесной службы и лесопользователей.

В этот же период многие субъекты Федерации, заполняя правовые пробелы, объявили в своих законах, что леса находятся в их собственности. При этом частная собственность на лес не просто декларировалась. Так, в Республике Карелия в 1994 г. был принят «Закон о лесах Республики Карелия», в котором частная собственность на лес признавалась вполне легитимной. Следует сказать, что данный закон, который рассматривался на период принятия вполне рыночным и своевременным, еще более усугубил ситуацию в системе лесных отношений. С одной стороны, собственником леса мог стать или фермер, или предприниматель, что давало дорогу частной инициативе и вполне вписывалось в рыночные схемы. С другой стороны, не был разработан механизм ответственности за полученный участок лес, который бы стимулировал собственника на его преумножение. Кроме того, стало очевидным, что сам предприниматель не готов быть собственником [59].

Данные процессы свидетельствуют о том, что до 1997 г. в системе лесного хозяйства, как одной из базовых экономических систем России, не был создан формальный институт собственности на лесные ресурсы. Отсутствие определенности в процессе обмена и четкой спецификации прав собственности не способствовали развитию рыночных отношений, выработке механизма управления лесными ресурсами и материального стимула максимизации лесного дохода. Вместе с тем накопленный негативный опыт стал фактором развития лесных отношений и переход их на более цивилизованный уровень.

Лесной кодекс РФ, введенный в действие в 1997 г., за годы реформ стал практически первым правовым документом, который заложил основу формальному институту собственности на лесные ресурсы, адекватному рыночным принципам. В Лесном кодексе обозначена схема спецификации прав собственности и определены основные субъекты права. Право владения закреплено за Российской Федерацией (установлена государственная форма собственности на лес), право распоряжения отдано субъектам Российской Федерации, одним из которых является Карелия, право пользования предоставляется на правах аренды лесным предприятиям и другим коммерческим структурам [59].

Если рассмотреть эти вопросы через теорию собственности – одну из ключевых теорий институциональной экономики, основателем которой является Р. Коуз, то можно предположить, что Лесной кодекс стал инструментом спецификации прав собственности на лесные ресурсы. Право собственности полностью специфицировано, когда у каждого правомочия есть свой исключительный собственник. Это право должно быть законодательно закрепленным, тогда снижается риск отчуждения собственности. По теореме Р. Коуза, собственность всегда найдет своего эффективного собственника.

Среди специфицированных прав наиболее важные:

- Право владения – физический контроль над собственностью, присвоение ренты;
- Право распоряжения или управления – право на принятие решений, как и кем может быть использован ресурс;

- Право пользования – право на личное использование вещи или ресурса [53, 12]

В действительности, Лесной кодекс только обозначил схему спецификации прав собственности, определив субъектов права и не разделив прозрачно между ними правомочия. Во-первых, право распоряжения фактически разделяют региональное правительство и федеральная лесная служба. Во-вторых, не определены границы контролирующей функции лесной службы, которая, компенсируя потерю экономической власти, проводит жесткую политику по отношению к лесопользователям, облагая их не всегда оправданными штрафами. В-третьих, лесная служба не обладает в полной мере полномочиями, которые бы позволили ей создавать условия для проведения политики многоцелевого и комплексного лесопользования [59].

Понятно, что в Лесном кодексе многие вопросы обозначены рамочно, определены основные вехи, и, конечно, они должны решаться на основании целого комплекса федеральных законов и региональных законов субъектов. То огромное количество подзаконных нормативных актов, которое имеется в настоящее время в Российской Федерации (сегодня лесное законодательство состоит из одного федерального закона, 20 нормативно-правовых актов Российской Федерации и приблизительно 15 тысяч нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации), конечно, усложняет трактовку основного закона. Большая часть этих актов – это подзаконные акты. Все подзаконные нормативно-правовые акты должны быть соответствующими законами Российской Федерации или субъектов Российской Федерации, через которые регулируются отношения между их участниками.

В настоящее время региональная лесная политика, основываясь на Лесной кодекс, ориентирована в значительной степени на формирование экономических механизмов воздействия на субъектов лесопользования. Предстоящий передел лесосырьевой базы Республики Карелия уже сегодня создает напряжение на лесном рынке. Несмотря на объявленную цель рационального размещения структуры производства, рационального лесопользования, регио-

нальная власть использует не адекватные рыночным принципам модели управления и координации лесным сектором, что свидетельствует о формировании неэффективного института собственности на лесные ресурсы в Карелии [59].

Таким образом, система распределения лесных ресурсов и лесных доходов, введенная Лесным кодексом, разделила экономические интересы федеральных и республиканских структур, вызвав социальное напряжение, что является примером негативного воздействия несовершенной институциональной среды на социальную. Одновременно социальный фактор сыграл серьезную роль в процессе формирования лесных отношений. Правовой вакуум в системе лесопользования обусловил формирование мощного неэффективного неформального института. Началась борьба за лесные ресурсы. Адекватный рыночным и демократическим принципам законодательный режим позволяет разрешать данные вопросы, не противореча социальным интересам. К сожалению, наши реалии свидетельствуют о том, что решить их в институциональном поле пока невозможно [60].

Таким образом, одной из главных проблем действующего лесного законодательства является размытость самого понятия «право собственности на лесные ресурсы», отсутствие его прозрачной спецификации: ни один из обозначенных субъектов права не имеет полной информации о количестве отпущенного ему права. Это обостряет отношения в системе лесопользования. На лесной арене наблюдается столкновение многосторонних интересов. Об этом свидетельствуют данные исследований лесных поселков лесосырьевого приграничного региона России – Республики Карелия³.

³ ФЦП Интеграция «Стратегия устойчивого развития лесосырьевых районов Республики Карелия» (№ К 0985), 1997–2000, руководитель Морозова Т.В.; РФФИ «Проблемы формирования институтов рынка в условиях переходной экономики», (№02-06-80482), 2002–2004 г.г., руководитель Козырева Г.Б.

РФФИ Организация и проведение экспедиционного экономико-социологического обследования экономического поведения предприятий Республики Карелия, (№03-06-88036), 2003, руководитель Козырева Г.Б.

Бизнес стремится получить лесосырьевую базу и «выжать» из нее максимальную прибыль любыми средствами без учета общественных интересов. Региональная власть проводит политику давления на бизнес через «шантаж» не дать лесосырьевую базу. Лесная служба пытается проводить политику рационального лесопользования через тот же «шантаж» бизнеса штрафными санкциями. И только местное сообщество питает иллюзии по поводу перспектив повышения своего благосостояния от лесного богатства республики [56].

Ситуация неопределенности прав собственности опасна не только обострением отношений в системе лесопользования, она может вызвать их «узурпацию», создать благоприятные условия для получения огромной социальной ренты определенными корпоративными группобразованиями. Сегодня в лесном бизнесе наметились процессы формирования таких группований, свидетельствующие о сращивании интересов (ресурсов, капиталов и т.д.) государственных и бизнес структур. Агрессивность неформальных институтов (готовность захвата приоритетов со стороны разных уровней власти) и несовершенство формальных институтов способствует созданию устойчивого неэффективного института собственности. Таким образом, ситуация в системе лесопользования отражает неэффективную схему распределения правомочий собственности на лесные ресурсы, что является ключевой проблемой развития отношений всех участников этой системы. Причем, неформальные институты играют в этом доминирующую роль. Собственность (лесные ресурсы) пока не приобрела своего эффективного собственника [56].

В настоящее время в российском обществе активно лоббируется инициатива приватизации лесных ресурсов. Правительство РФ уже вышло с новым законопроектом, в котором частная собственность на лес выступает ключевой позицией. Следует отметить, что проект нового лесного кодекса вызвал мощный общественный резонанс. Те дискуссии, которые можно было наблюдать не только на страницах СМИ, но и в научных изданиях, свидетельствуют о наличии в обществе полярных позиций по вопросу собственности на лес.

Проведенный анализ позволил сформулировать превалирующей в обществе дискурс. Приватизация лесов – это звено цепи неудачных экономических экспериментов России, имеющих характер социального геноцида. Такое общественное мнение вполне обосновано. Ни одна из проводимых в России крупномасштабных экономических реформ (приватизация предприятий, аграрная реформа и т.п.) не сопровождалась серьезным научным обоснованием, ни одна из них не учитывала социальных последствий для общества. Это не скрывают представители высшей законодательной власти. Сегодня назрела острая необходимость в проработке вопросов, связанных с новой лесной реформой, ее социальной ценой. Готово ли сегодня российское общество к частной собственности на лес? Если нет, то, что может стать альтернативой? Если да, то каковы в таком случае перспективы развития института прав собственности? Что необходимо для формирования механизма социальной ответственности лесного бизнеса? Какие институты должны работать, чтобы исключить давление власти на развитие лесных отношений? Это не полный перечень вопросов, которые требуют своего разрешения [59].

При имеющихся в настоящее время институциональных условиях в системе лесоправления и наметившихся тенденциях в сфере лесного законодательства возможно прогнозировать ее развитие по нескольким сценариям. Нужно сказать, что современный период для лесного законодательства стал в некотором роде «площадкой для опытов». Как уже отмечалось, лесные отношения в РФ и ее субъектах развиваются в рамках Лесного кодекса РФ (1997 г.) и Конституции РФ 1993 г., в 72 ст. которой закреплены вопросы о совместном владении, пользовании и распоряжении природными ресурсами. На практике и согласно теории прав собственности, именно право распоряжения или управления делится между данными субъектами.

Происходящие процессы говорят, что при сохранении государственной собственности на лесные ресурсы основным предметом конфликта останется «право распоряжения» лесными ресурсами из-за перераспределения данного права в пользу или РФ, или субъек-

екта РФ. В настоящее время происходит формирование отношений между этими субъектами методом «проб и ошибок». Так, осуществленные инициативы по централизации федеральной власти в лесных отношениях (федеральный закон № 122 от 22.08.04 г.) практически лишили субъекты Федерации распорядительских полномочий, которые в результате потеряли контроль над финансовыми потоками в лесном секторе, включая установление платежей за пользование лесным фондом. Фактически это означало, что субъекты РФ утратили возможность участвовать в совместном ведении применительно к управлению государственной собственностью – лесным фондом. Данная инициатива вызвала мощную негативную реакцию со стороны субъектов РФ.

Разворачивающиеся вокруг лесного законодательства события подтверждают, что наиболее вероятной схемой отношений станет вариант с делегированием полномочий субъектам РФ для осуществления ими прав распоряжения лесными ресурсами. Для ликвидации конфликта, который возник из-за принятия закона № 122 от 22.08.04 г., Федеральный закон № 199 от 31.12.05 не только возвратил полномочия, принадлежавшие субъектам Федерации в соответствии с Лесным кодексом 1997 г., но и значительно расширил их, включив почти все функции по государственному и хозяйственному управлению лесным фондом. При этом закон изменил экономический механизм исполнения полномочий, передаваемых собственником лесного фонда – Федерацией ее субъектам. Этот механизм предполагает исполнение переданных полномочий за счет средств собственника, т.е. за счет субвенций из федерального бюджета.

Субъекты Федерации при этом должны быть наделены самостоятельностью управлять лесными ресурсами. Это значит, что регион будет определять и устанавливать свои внутренние механизмы управления системой лесопользования и условия их исполнения: аренды, аукционов, конкурсов. Власти регионов заинтересованы в закреплении и расширении своих правомочий – они стремятся ужесточать условия лесопользования, использовать более действенные рычаги, например, предлагают отменить аукционы и

заменить их на конкурсы. Лесной бизнес выступает против таких ужесточений, расценивая их как посягательство на свободу экономических отношений. «Конкурс – это значит, что навязываются условия, которые никакого отношения к лесопользованию не имеют», – заявил директор по развитию лесопромышленного бизнеса «Илим Палп Энтерпрайз» Дмитрий Чуйко. Предприятия в этом вопросе поддерживает и Герман Греф: «Конкурсы создают устойчивую коррупционную среду» [42].

При включении приватизации в лесной закон в качестве основного институционального механизма развития системы лесопользования предметом конфликта станет «право владения» лесными ресурсами. В такой ситуации возникнет проблема рентных отношений. В настоящее время развитие такого сценария крайне нежелательно для российского общества в виду утраты практического опыта применения механизма рентных отношений в системе лесопользования. Новый лесной закон при таком сценарии вызовет новую волну коррупции и социальных конфликтов.

В настоящее время лесное законодательство продолжает свою трансформацию. Идет активная общественная дискуссия по принципиальным позициям нового Лесного кодекса, принятие которого до сих пор откладывается. И этому есть объективные причины. Мы попытались проанализировать, в чем они состоят и почему столь сильно общественное противостояние новому лесному закону. Для анализа проблем и противоречий нового лесного законопроекта был применен метод дискурсивного анализа. Предметом исследования выбраны позиции и мнения по поводу основных положений законопроекта ученых и профессионалов в области лесного хозяйства, различных представителей исполнительной и законодательной власти РФ, ассоциированных объединений бизнеса, профсоюзов, руководителей некоторых крупных лесных компаний, общественных объединений. Смысловой единицей в данном случае является положение законопроекта. Всего было проанализировано 43 представительных позиции. В результате анализа было сформулировано 9 основных дискурса, то есть доминирующих мнений по основным проблемным вопросам нового законопроекта.

Анализ построен по методу противопоставления: предлагается основной проблемный посыл законопроекта, в противовес которому выдвигаются дискурсы (доминирующие точки зрения) и обоснованные контраргументы.

1. Содержание формулировки законопроекта. Предметом правового регулирования законопроекта являются отношения в области использования, охраны и воспроизводства лесов, а также имущественные отношения, связанные с оборотом лесных участков (земельных участков), что создает новую систему регулирования лесных отношений, включая правовое обеспечение коммерческой деятельности в лесном секторе.

1 дискурс. В законопроекте не решена проблема собственности на леса.

Аргументы:

- В статье 42 законопроекта провозглашается федеральная собственность на земли лесного фонда и одновременно указывается, что земельные участки из состава земель лесного фонда (лесные участки) могут находиться в иных формах собственности.
- Попытка авторов проекта искусственно отделить лес от земли привела к размытости границ лесных отношений, которые должны регулироваться нормами лесного права. Категория «собственность» в проекте размыта.
- Вопросам собственности на лесные участки посвящена гл. 5, ст.42-44. Проект не содержит конкретного ответа на вопрос, какие могут быть формы, виды и типы собственности на леса в Российской Федерации.

2 дискурс. Отделение земли, как имущества главного, от леса, как имущества принадлежностного, привело к смешению понятий собственность на землю и собственность на лес.

Аргументы:

- Для выделения предмета гражданского оборота в законопроекте предлагается описать лес как земельный участок и произрастающую на нем лесную растительность

- Законопроект идентифицирует лесной участок как объект имущественных прав – недвижимое имущество, и, соответственно, позволяет применять к нему нормы земельного и гражданского законодательства. Данная позиция является отправной точкой для включения лесных участков в земельный оборот, то есть фактически осуществляется попытка через лесное право узаконить частную собственность на лес.

3 дискурс. *Лес может находиться в разных формах собственности: федеральной, региональной, муниципальной и частной.*

Аргументы:

- Лесной фонд, который сегодня находится в ведении РФ, должен быть в федеральной собственности.
- Леса, произрастающие на землях городских и сельских поселений могут быть отнесены к собственности субъектов РФ и муниципальной собственности.
- Леса, выращенные на частных землях, могут быть частными.

Резюме. Анализ по вопросу формы собственности на лес позволил выявить доминирующее мнение. Лесные ресурсы России (в традиционном понимании – лесной фонд) сегодня должны находиться в государственной собственности. Под государственной понимаются такие формы, как федеральная, региональная, муниципальная собственность. Механизмы перевода земель лесного фонда из федеральной собственности в другие формы должны быть тщательно проработаны. Прецедент частной собственности может рассматриваться реальным только в случае выращивания леса на частных землях. Попытка заложить в Лесной кодекс механизм перевода лесов из государственной собственности в частную в настоящее время является не обоснованной и преждевременной.

2. Содержание формулировки законопроекта. В законопроекте предусмотрено четкое разграничение полномочий Российской Федерации, её субъектов и муниципальных образова-

ний в области использования, охраны и воспроизводства лесов, что устраняет дублирование функций государственного управления по уровням публичной власти. Проект закона предусматривает изъятие из сферы ведения органов государственного управления функции ведения лесного хозяйства. Обязанность по ведению лесного хозяйства возлагается на арендаторов лесных участков и их собственников.

4 дискурс. Право управления лесами распределяется между РФ, субъектами РФ и лесопользователями. Четкого разграничения функций управления между данными уровнями нет.

Аргументы:

- В первой редакции законопроекта все права управления лесами сконцентрированы в РФ. Отсутствие процедуры перехода от федеральной собственности к собственности субъектов Российской Федерации дает основание лишь догадываться о концентрации основных распорядительных правомочий на уровне Российской Федерации.
- В последующих редакциях функции управления лесами для ведения лесного хозяйства, подтвержденные пока до конца не определенными финансовыми ресурсами, передаются в субъекты Федерации. Основным механизмом управления региональных властей становится плата за лесные ресурсы.
- Законопроектом предусматривается передача лесных участков в доверительное управление для ведения лесного хозяйства лесопользователям или арендаторам (статьи 69 – 70 законопроекта). В соответствии со статьей 1012 Гражданского кодекса Российской Федерации доверительный управляющий обязан осуществлять управление переданным ему имуществом в интересах учредителя управления или указанного им лица (выгодоприобретателя). В статье 69 законопроекта доверительным управляющим признается лицо, выигравшее аукцион, а не лицо, предложившее наиболее эффективный план управле-

ния имуществом, поэтому в представленном документе налицо противоречие нормам Гражданского кодекса.

- Проект закона предусматривает изъятие из сферы ведения органов государственного управления функции ведения лесного хозяйства. Предлагается реформа существующей государственной структуры лесного хозяйства путем образования трех самостоятельных видов деятельности: управление лесным фондом (эти функции закреплены как за федеральными структурами, так и за частным бизнесом, в случае доверительного управления лесным участком), надзор за соблюдением лесного законодательства (федеральные структуры) и ведение лесного хозяйства (федеральные структуры и частный бизнес).

5 дискурс. Отсутствие разработанных в новом законопроекте механизмов лесоправления, четкого распределения функций между субъектами, априори снижает его эффективность и уже создает условия для его свободной трактовки.

Аргументы:

- На основные положения лесного законопроекта повлияла административная реформа (формирование трехзвенной системы управления), происходящая в настоящее время в России, которая фактически вызвала разрушение системы управления лесами. Специфика данной системы связана с необходимостью наделения контрольными функциями ее низового звена – лесхозов (в настоящее время – агентств). Вместе с тем сейчас эти функции возложены на Росприроднадзор. То есть основной орган – лесное агентство – которое занимается лесным фондом и несет ответственность за его состояние, лишено право контроля. Этому способствовала ликвидация лесной охраны и лесхозов, реализованная в рамках лесного реформирования. Контроль, переданный на среднее звено управления (Росприроднадзор), оторван от реальной практики и неэффективен. В подтексте законопроекта

читается, что ответственность за состояние лесного хозяйства возлагается на арендаторов, но механизмы данной ответственности не прописаны.

- Введение уполномоченного федерального органа исполнительной власти по управлению лесным фондом (агентств) при одновременном оставлении за последними хозяйственных функций является ничем иным как переименованием нынешних лесхозов и законодательное наделение их наряду с управленческими функциями, функциями, носящими производственный и, предположительно, коммерческий характер.
- Законопроектом предлагается введение единицы территориального управления лесами – лесничества, имеющего федеральное подчинение. На лесничества возлагаются такие функции, как расчет лесосеки, лесоустройство и т.п.
- Исключение лесорубочных билетов и замена их лесной декларацией (ст.17) является преждевременной мерой. Практика лесных правоотношений, при сохранении государственной собственности на леса, говорит о необходимости сохранения разрешительного принципа лесопользования до момента введения частной формы собственности на леса. Замена лесорубочных билетов лесной декларацией приведет к потере государством сведений об использовании лесного фонда. Предложенный в последующих редакциях переходный период (3-4 года) не решит проблему. Требуется более длительный срок для адаптации к новым правилам не только органов лесопользования, но и лесопользователей.

Резюме. Доминирующей позицией в вопросах разграничения полномочий между РФ и субъектами РФ является следующая: в ситуации «не оформленности» лесных отношений между Центром и регионами, что должен сделать новый Лесной кодекс, создаются предпосылки для свободной трактовки со стороны регионов положения нового закона об установле-

нии платы за лесные ресурсы, которые сегодня переведены в статус неналоговых платежей. Данное обстоятельство складывается не в пользу собственника и в ущерб состоянию лесов. При несформированной процедуре постоянного контроля за исполнением переданных субъектам РФ полномочий и приемки достигнутых результатов создаются условия для коррупции и нелегальной деятельности. В таких условиях необходим действенный механизм согласования полномочий между этими субъектами. Для реализации баланса экономических интересов РФ и субъектов РФ в лесном секторе и избежания в данной сфере имеющих место конфликтов необходимо создание на территории каждого субъекта межведомственной комиссии с привлечением профессионалов, ученых и общественности по вопросам управления лесами. Основными функциями этой комиссии будут: расчет дифференцированной нормативной базы для федеральных субвенций по осуществлению управления и хозяйствования в лесу; «привязка» базовых ставок платежей за лесные ресурсы к характеристикам лесного фонда, условиям его эксплуатации, обязательствам лесопользователей вести лесное хозяйство и осуществлять инвестиции. Появление такого действенного механизма в регулировании отношений по поводу распоряжения лесными ресурсами между Центром и регионами будет основой для формирования спецификации прав собственности на лесные ресурсы. При такой схеме будет определен не только субъект права, но и то количество права, которое ему отводится. Это именно та ключевая институциональная проблема, решение которой может стать отправной точкой для формирования эффективных рыночных институтов в системе лесных отношений.

3. *Содержание формулировки из законопроекта.* В целях повышения эффективности лесопользования в законопроекте предусматривается прозрачная процедура предоставления прав пользования лесными участками. Основным элементом указанной системы является договор аренды лесных участков,

закключаемый «на срок до одного года либо на срок от десяти до девяноста девяти лет».

6 дискурс. *Сроки новых арендных отношений в системе лесопользования не обоснованы, механизмы действия этих отношений не проработаны.*

Аргументы:

- Проект упраздняет существующие права пользования, оставляя только институт аренды лесных участков, договора на выполнение лесохозяйственных работ, предусматривающие лесопользование и лесовосстановление собственником лесного участка. В проекте не предусмотрены положения, позволяющие осуществлять гражданам лесопользование с целью обеспечения личных потребностей в древесине для строительства и ремонта частных домов и хозяйственных построек, что является ущемлением их прав.
- Аренда должна осуществляться только по инициативе собственников лесов, а не по инициативе заявителя.
- Сроки арендных договоров (а это практика многих стран, применяющих аренду в лесопользовании) должны быть ограничены 15-25 годами с правом пролонгации в случае нарушения условий договора и соблюдения законодательства. Определение начальных сроков аренды участков лесного фонда должно исходить из того, что срок окупаемости инвестиций в развитие производственной инфраструктуры, включая строительство дорог, находится в пределах 15-20 лет. Некоторые эксперты полагают, что срок аренды может быть до 40 лет. Более продолжительные сроки действия договоров на аренду участков лесного фонда способствуют монополизации лесных рынков и снижению конкуренции. Поэтому заявленные в проекте сроки аренды (до 99 лет) не оправдано завышены.

7 дискурс. *Перенос функций по ведению лесного хозяйства на арендатора наносит экономический, экологический и социальный ущерб лесной экосистеме.*

Аргументы:

- Представляется сомнительной реальная возможность качественного выполнения арендатором положений, касающихся ведения лесного хозяйства на арендованном участке – охрана от пожаров, защита от болезней и вредителей, лесовосстановление и уход. В существующем проекте не определено, каков экономический смысл данного подхода. Нет инструмента к привлечению инвестиций в лесное хозяйство. Обсуждаемые пути решения данного вопроса связаны с двумя моментами: или полное изъятие ренты в пользу собственника (государства), который сам будет осуществлять лесное хозяйство на участке, или возложение всех обязанностей на арендатора. Ни один из них пока не проработан. Поэтому ставить вопрос о ведении лесного хозяйства арендатором в полном объеме экономически не целесообразно.
- В проекте нет ни одного законодательного подхода, который бы обеспечил решение проблемы вовлечения экономически недоступных лесных массивов в экономический оборот. Нужна концепция, позволяющая арендатору взять на себя обязательства по инвестициям, а арендодателю, то есть государству, взять на себя и институциональные и финансовые обязательства по обеспечению данного инвестирования. Механизм, который предлагается в проекте – право залога аренды – также пока не разработан и не обоснован.
- В целях эффективного контроля за деятельностью арендатора – лесопользователя, недопущения доступа к использованию лесными ресурсами фирм «однодневок», необходимо ввести нормы об обязательном получении согласия арендодателя на передачу лесного участка в субаренду. Кроме того, необходимо дополнительно предусмотреть возможность привлечения лесопользователями подрядных организаций для осуществления лесопользования.

8 дискурс. *Установление ставки арендной платы на основе аукционов в условиях отсутствия широкой практики их распространения не будет способствовать выявлению реальной цены за*

лесные ресурсы, которая не будет приближена к величине природной ренты.

Аргументы:

- Ст.63 «Порядок установления начальной ставки арендной платы», п.2 определяет, что начальная ставка арендной платы для аренды лесного участка «рассчитывается с учетом затрат на его ведение», что на практике породит разночтение данного положения. Требуется четко сформулировать и изложить виды расходов, которые несет собственник участка лесного фонда и его арендатор. При этом представляется необходимым, изложить законодательные нормы по вопросам формирования платежей за пользование участками леса на базе не налогового администрирования, а их расходования.
- При разработке принципов взимания платы за лесопользование авторы законопроекта не учли, что доля высокопродуктивных хвойных насаждений в российских лесах неуклонно сокращается. Доля самых ценных для промышленности сосновых лесов на Европейском Севере за десятилетие сократилась в 1,5 раза.

9 дискурс. *Аукционы выиграют только крупные лесные компании, способные сегодня конкурировать за сырьевые базы, что будет способствовать либо ликвидации средних и мелких лесозаготовителей, либо их поглощению.*

Аргументы:

- В проекте предлагается определять ставку арендной платы по результатам аукциона, что, по мнению разработчиков, способствует формированию конкурентной среды и противодействует возможности сговора. Вместе с тем в виду высокой капиталоемкости лесной отрасли и тенденций на повышение добавленной стоимости лесопродукции конкуренция в сфере использования леса будет ограничена. Крупные комплексы будут основными претендентами на сырьевые базы. Поэтому реальную ренту в ходе аукционов выявить будет достаточно сложно. Определение лесной ренты должно

основываться на более тщательном расчете, следует брать в рассмотрение капитализированную ренту.

- Предоставление лесных участков исключительно на основе аукционов (ст.51) приведет на практике к уничтожению мелких и средних отечественных лесозаготовительных предприятий, разрушению сложившихся хозяйственных связей, росту социальной напряженности в лесных поселках. Существует опасность, что не все, кто критически зависит от сырьевой базы, смогут выиграть аукцион. Здесь есть объективные причины – в лесопромышленном комплексе износ основных фондов очень велик. И если выгоднее гнать кругляк на экспорт, чем пилить на тех мощностях, которые есть, то встает социальный вопрос – что будет с леспромхозами?
- В проекте не предусмотрена приоритетная передача лесного фонда в аренду предприятиям, осуществляющим глубокую переработку древесины, а также, приоритеты выделения лесного фонда предприятиям, осуществляющим добровольную сертификацию лесопользования.
- Проект не учитывает особенностей ведения лесного хозяйства и лесозаготовок, находящихся в объективной зависимости от природно-климатических условий. В этой связи представляются необоснованными требования, согласно которым лицо, выигравшее аукцион обязано в пятидневный срок с момента заключения договора аренды внести годовую арендную плату (ст.54, п.2), а при изъятии лесного ресурса в объеме менее тридцати процентов допустимого объема изъятия, размер арендной платы увеличивается в полтора раза (ст.62, п.5).
- Порядок предоставления в аренду участков лесного фонда должен предусматривать проведение аукционов с предварительным квалификационным отбором участников. Нельзя допускать, чтобы на аукцион выходили люди только с большими деньгами. Новый Лесной кодекс – это приход олигархии в лес, который имеет серьезные социальные последствия.

Резюме. Высказанные мнения по вопросам прав пользования лесом позволили сформулировать следующие выводы. В законопроекте, несмотря на заявку, не разработана прозрачная процедура предоставления прав пользования лесными участками. Во-первых, не обоснованы сроки аренды (до 99 лет), эксперты полагают, что они не оправдано завышены. Во-вторых, в законопроекте не определен экономический смысл и не оговорены условия передачи функций ведения лесного хозяйства арендатору. В-третьих, не установлены подходы к формированию платежей за пользование участками. В-четвертых, не учтены интересы средних и мелких предприятий, не заложены стимулы для глубокой переработки древесины, прохождения предприятиями добровольной сертификации.

Данные пробелы оставляют возможность для свободной интерпретации многих положений законопроекта. На языке институционализма, это означает, что спецификация прав собственности на лес не разработана. То есть субъект права (владения, распоряжения и пользования лесом) пока не имеет точной информации о количестве отпущенного ему права, то есть он не стеснен никакими ограничениями, которые носят законный характер. Исключить других из свободного доступа к ресурсу по конкретному праву (например, праву использования) означает специфицировать право собственности на него. Экономисты считают, что даже при концентрации всех правомочий в руках одного лица право собственности может быть названо исключительным, но не является неограниченным. [12].

Исключительность в данном случае означает, что оно будет стеснено только теми ограничениями, которые носят законный характер. Спецификация прав собственности способствует созданию устойчивой экономической среды, уменьшая неопределенность и формируя у субъектов хозяйствования стабильные ожидания относительно результатов своих действий и отношений с другими экономическими агентами. Именно в этом кроется основная проблема лесных отношений и той дискуссии, которая развернулась сегодня вокруг собственности на лес.

На самом деле вопрос рассматривается не совсем в той плоскости. Почти 10 лет существования Лесного кодекса продолжалась полемика и даже тяжба о разделении правомочий распоряжения лесными ресурсами между Центром и регионами. И вместо того, чтобы просто четко распределить их, наконец, а потом уже двигаться дальше, этот вопрос остался не только не решенным сегодня, а еще более запутанным. Рынок требует сегодня не частной собственности, как в этом пытаются сегодня убедить общество, а прозрачности в отношениях. Прав был Р. Коуз, когда говорил, что собственность всегда найдет своего эффективного собственника, главное, чтобы права были специфицированы. И именно отсюда исходят все проблемы и лесных отношений, и лесной экономики. В такой ситуации все попытки реформирования лесного хозяйства, как «советского рудимента» не увенчаются успехом. Потому что сформированные не специфицированные институты распределяют правомочия не оптимальным образом, а соответственно складывающейся ситуации. А те институты, которые пытаются сейчас «навязать» обществу «сверху», будут развиваться по неэффективному пути и создадут очередные «институциональные ловушки». В системе лесных отношений нет единых, прозрачных правил для всех. Значит, каждый трактует их по-своему. Если такой «сырой» и «непрозрачный» закон выйдет в свет, это породит еще больше проблем в системе лесных отношений. Поэтому остаются непонятными (а, может, наоборот понятными) инициативы Правительства придать ускорение процессу принятия нового Лесного кодекса. Мнение о том, что «пусть будет хоть какой-то закон, но новый», абсолютно не приемлем для такой тонкой сферы, как лес.

В настоящее время лесное законодательство является одним из основных формальных институтов, формирующих рыночную среду в лесном хозяйстве. Его согласованность со сложившимися неформальными практиками, то есть основа для эффективного развития, будет зависеть от уровня взаимопонимания между различными социальными группами – властью, лесным бизнесом, профессиональной средой, общественностью и населением лесных поселений.

2.1. Проблемы формирования и развития рыночных институтов в России: институциональный анализ

Почему Россия, не способна использовать громадный природный потенциал для обеспечения ее экономического роста и улучшения благосостояния ее народа? Почему лесной сектор не стал одним из основных движителей переходного периода в российской экономике? России принадлежит 23% мировых лесов и 55% древесного запаса хвойных пород. Покрытые лесом земли простираются через 11 временных поясов. Тем не менее, российские леса не являются экономической ценностью только потому, что они существуют. Видимо, прямой связи между количеством природного ресурса и его значением для экономики не существует.

Последние годы объемы лесозаготовок в стране составляет меньше половины того, что было до реформ. «Лесной доход» от продажи древесины на корню не покрывает государственных расходов на лесовосстановление (в 2004 году он составил 7,3 миллиардов рублей, а для целей лесного хозяйства из федерального бюджета было израсходовано 8,6 миллиардов рублей). Для сравнения, маленькая Финляндия имеет порядка 15 млрд. дол. лесного дохода ежегодно.

Сегодня российский лесной сектор использует только около 20% лесных ресурсов страны, при этом обеспечивая всего 3% мирового рынка лесопродукции. Лесная отрасль составляет только около 5% ВВП, в то время как в СССР она уступала по объему получаемой прибыли только нефтяной отрасли. Производственные мощности по глубокой переработке древесины, созданные в советское время, в настоящее время изношены практически полностью. В данном контексте актуализируется анализ причин откровенных провалов лесной экономики и поиск новых экономических моделей ведения лесного хозяйства.

Результаты многочисленных исследований проблем российской экономики свидетельствуют о том, что лесные ресурсы могут приобрести экономическую ценность только при

наличии работающей системы институциональных условий, включающих наряду с формальными упорядочениями также социальные правила и соглашения. Это относится и к технологическим проблемам. Без наличия соответствующего институционального порядка в лесном секторе любые технологические инвестиции будут напрасными.

В развитом обществе, где соотношение рыночности и социальнойности находится в разумных пределах, институциональный порядок в лесном секторе означает, что:

- структура прав собственности установлена и четко определена;
- установленные правила являются легитимными и применяются одинаково ко всем действующим лицам;
- принятие решений является децентрализованным;
- частные инвесторы имеют возможность обеспечить возврат своих инвестиций;
- установлены правила, предохраняющие природные ресурсы от истощения;
- официальные организации принимают меры против нарушителей правил [54].

Данные институциональные правила определяют поведение всех без исключения агентов, участвующих в лесных отношениях. Как уже было отмечено, они включают как формальные, так и неформальные составляющие. Основной вопрос состоит в том, как взаимодействуют эти институты. Какой из них является доминирующим? Взаимодопоняют они друг друга или взаимоисключают? Институциональный анализ, основанный на исследовании формирующихся экономических институтов, позволяет выявлять сложные социальные связи, являющиеся неотъемлемыми звеньями институциональных процессов. Анализируя причины затянувшегося кризиса на постсоветском пространстве, многие экономисты и социологи все больше убеждаются в том, что необходимым условием нормального функционирования рыночной экономики является наличие системы согласованных друг с другом социальных институтов [23, 22, 28].

Современная социологическая наука определяет институту функцию регулирования различных сфер человеческой деятельности посредством устойчивого комплекса формальных и неформальных правил, принципов и норм [30]. Пионерный подход к определению понятия «институт» принадлежит Т. Веблену, который рассматривал его как легитимный порядок [8]. Веблена поддерживают многие представители современного институционализма (Д. Норт, Э. Фуруботи, Р.Рихтер и др.), которые под институтом понимают «правила игры», представляющие собой формальные нормы (конституции, законы, права собственности) и неформальные ограничения на взаимодействия людей (табу, привычки, традиции, кодексы поведения). Д. Норт делает вывод: «задачей институтов является утверждение того, что называется порядком, и сокращение неопределенности в обменных процессах» [21].

Являясь фактически каналом взаимодействия между социальными субъектами, институты создают условия для этого взаимодействия, и чем они прозрачнее, тем эффективней институты. Институты формируют возможности, социальные субъекты используют эти возможности и в процессе своего развития изменяют институты. В этом смысл институционального развития. Данные тенденции подтверждены Д. Нортом: «Институты задают рамки восприятия интересов, но в то же время индивиды способны изменить институциональные рамки» [21]. В устойчивом обществе формальные и неформальные институты согласованы друг с другом, конгруэнтны.

Проблема России состоит в том, что в короткие исторические сроки были внедрены множество заимствованных в других странах институтов. Российские реформаторы выбрали, так называемый, революционный вариант развития институтов (или импорт институтов), ориентируясь прежде всего на изменение формальных рамок по уже известным, доказавшим свою эффективность образцам. Попытка ввести неизвестные обществу рыночные правила игры, заимствуя их из других систем, не увенчалась успехом. Рыночное законодательство оказалось бессильным перед его базовыми ценностями. Кроме того, сами

реформаторы были не всегда последовательными и компетентными, исказив вольно или невольно формальные институты. Создаваемые формальные институты пришли в рассогласование с неформальными, обусловив процесс формирования неэффективных моделей поведения со стороны социальных субъектов, их закрепление и создание устойчивых неэффективных институтов.

Попытаемся ответить на вопрос, почему? Почему неформальные институты российского общества не совпали с формальными рыночными институтами? Почему социальная среда на предложенную рыночную модель ответила негативной реакцией? Существует много причин. Некоторые лежат на поверхности, а некоторые имеют очень глубокие корни. Во-первых, это последствия экономических реформ, с которыми столкнулся социум – массовые безработицы, простой предприятий, невыплаты заработной платы. Во-вторых – втягивание широких социальных масс в масштабные финансовые аферы, связанные с ваучеризацией и финансовыми пирамидами. В-третьих, некоторые социальные группы все-таки воспользовались преимуществами новых импортных формальных институтов. Ограниченная социальная группа получила солидную социальную ренту.

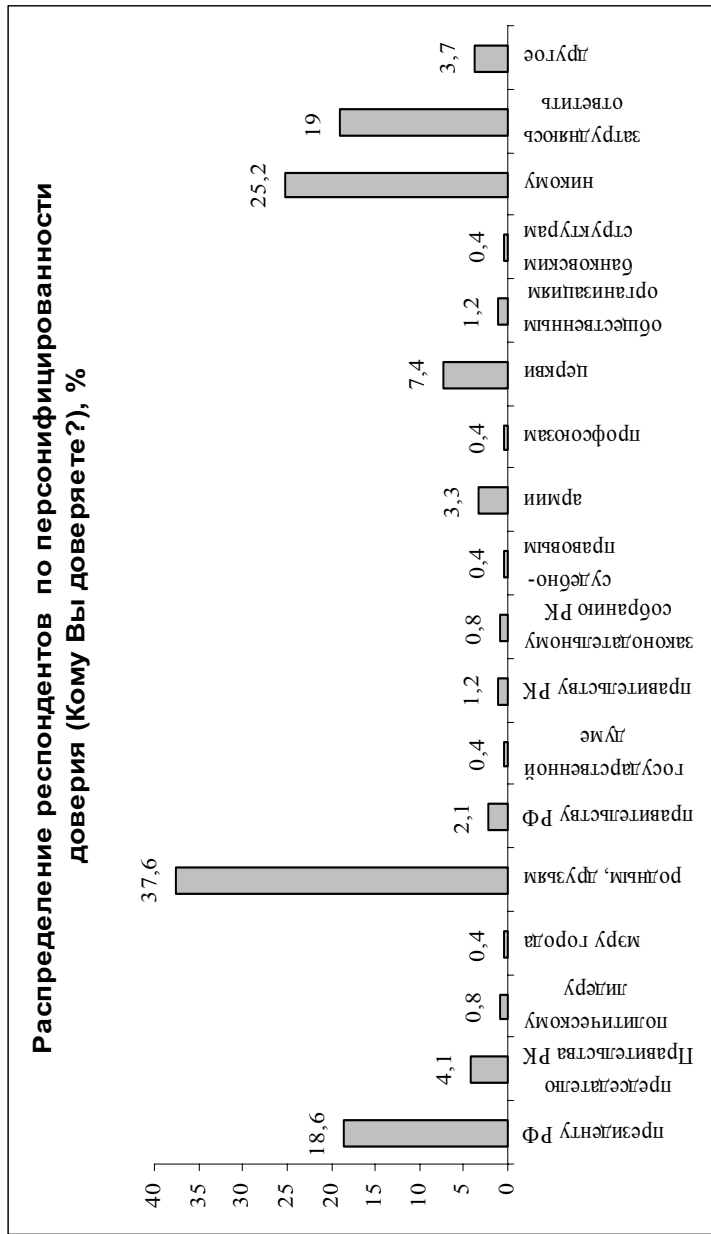
Институциональный анализ позволяет вскрыть более глубокие пласты проблемы рассогласования формальных и неформальных институтов российского общества. Социальные нормы, которые называют мягкой инфраструктурой экономики, в рыночном обществе выполняют функцию, выражаясь образно, «смазки» рыночного механизма. Конституция рынка включает совокупность таких социальных норм, как целерациональное действие, деперсонифицированное доверие, свободу в позитивном смысле, добровольное подчинение закону.

Данные социальные нормы не развиты у нас. И это подтверждается результатами многолетних (1997-2006 гг.) экономико-социологических обследований, проведенных на территории лесных поселков Республики Карелия творческим коллективом Института

экономики КарНЦ РАН при финансовой поддержке ФЦП Интеграция, РГНФ, РФФИ, НП Социо-Логос⁴.

Ответы на вопрос «Кому Вы доверяете?» позволяют говорить о высокой степени персонифицированности доверия, сложившегося в обществе. Жители Карелии не доверяют своему государству, они не верят в стабильность своей жизни, не чувствуют себя свободными. А ведь именно доверие является важным социальным регулятором, позволяющим экономическим агентам (в том числе и индивидам) устанавливать и поддерживать связи, взаимодействовать в экономическом пространстве. Доверие – обязательный элемент рыночного взаимодействия. Согласно результатам исследования, радиус доверия социальных групп, попавших в поле опроса, сужен до первичного и ближайшего социального окружения. Большинство респондентов верят только своим родным и друзьям, около 20% верят президенту РФ, четверть опрошенных не верят никому (диаграмма 2.2.1.). То есть такая социальная норма, как доверие, отличается высокой степенью персонифицированности. Персонифицированное доверие свидетельствует о дезинтегрированности общества, о неспособности социума свободно включаться в рыночные связи, неразвитости рыночной идеологии [49].

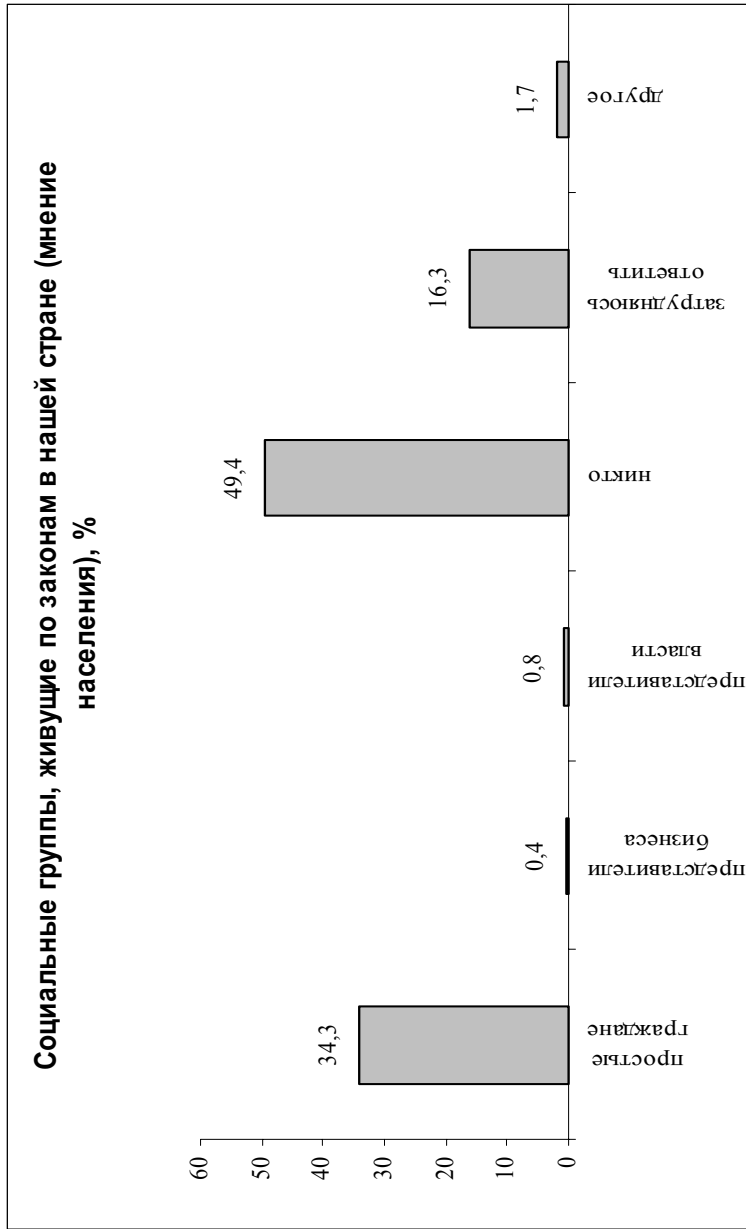
⁴ ФЦП Интеграция «Стратегия устойчивого развития лесосырьевых районов Республики Карелия» (№ К 0985), 1997-2000, руководитель Морозова Т.В.; РФФИ «Проблемы формирования институтов рынка в условиях переходной экономики», (№02-06-80482), 2002-2004 г.г., руководитель Козырева Г.Б.; РФФИ «Организация и проведение экспедиционного экономико-социологического обследования экономического поведения предприятий Республики Карелия», (№03-06-88036), 2003, руководитель Козырева Г.Б.; РГНФ «Социальное партнерство как инновационный механизм формирования социально-ориентированной политики занятости региона», (№ 03-0200385а) 2003-2005, руководитель Морозова Т.В.; РГНФ «Проведение экономико-социологического обследования проблем формирования социального партнерства как эффективного механизма политики занятости», (№04-02-18005е), 2004, руководитель Морозова Т.В., РФФИ «Проблемы формирования института собственности в условиях переходной экономики», (№ 06-06-80413-а), руководитель Козырева Г.Б.

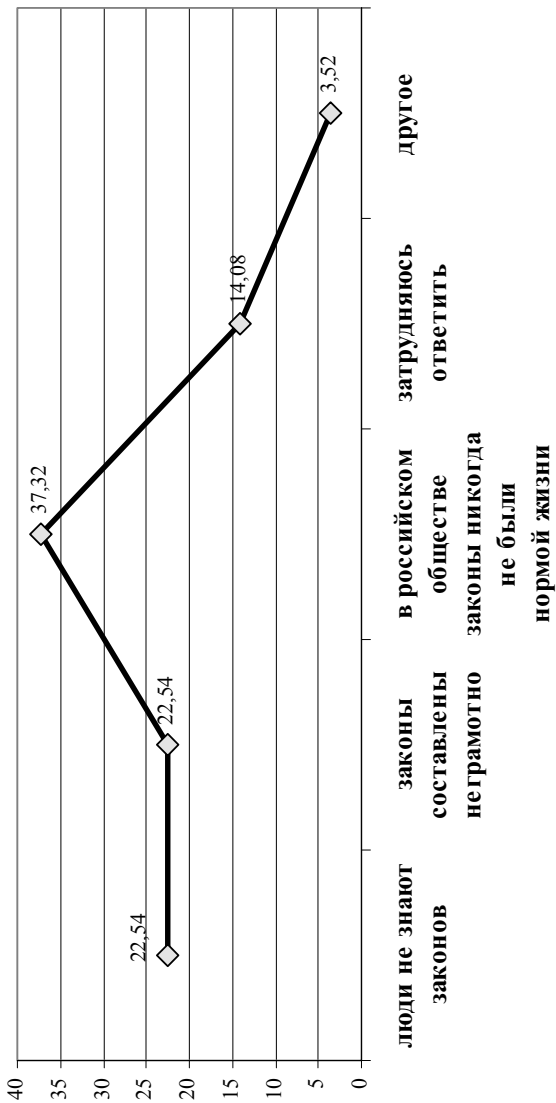
Такие мнения могут быть объяснены слабой развитостью в обществе традиции исполнять закон. Это связано с наличием возможности безнаказанно его нарушать. Некоторые социальные группы получают при этом социальную ренту. Данные явления и тенденции говорят не в пользу условий для развития рыночных отношений, когда институты создают условия для эффективного взаимодействия экономических агентов (эффективного по отношению к обществу). Почему же в нашем обществе плохо исполняются законы? Люди не знают законов – это мнение разделяют более 20% опрошенных жителей. Это может свидетельствовать не только о быстро изменяющейся законодательной базе, за которой не успевает следить население, но и о неразвитости в обществе привычки знать законы. Законы составлены не грамотно – так считают также более 20% респондентов (диаграмма 2.2.3). Противоречивость и неработоспособность законов – серьезная проблема и традиция нашего общества. Учитывая скорость рыночных реформ, которые начались в России и их революционный характер, можно только догадываться, сколько было допущено ошибок и серьезных промахов при разработке законодательной базы. Экономические агенты начали свою деятельность в полном «правовом вакууме». Сложившаяся в обществе система отношений (институциональная структура) была разрушена в одночасье.

Отношение населения к законодательству характеризует его позицию по готовности или неготовности принимать новые правила игры. Большая группа опрошенных жителей (более 30%) уверены, что по законам в нашем обществе живут только простые граждане (диаграмма 2.2.2.). Основными мотивами при этом являются страх наказания и страх совести. Власть и бизнес законов не признают – практически нет респондентов, которые бы считали, что представители власти и бизнеса живут и действуют по закону. Большинство респондентов (почти 50%) уверены, что закон не исполняет никто [58].

Диаграмма 2.2.2

Почему в нашей стране плохо выполняются законы?

Рыночные правила предполагают принципиально новую систему отношений, предусматривающих четкое распределение прав и обязанностей и неукоснительное исполнение закона, основанное на убеждении в правильности данной модели поведения. К сожалению, формальные институты России не способны в настоящее время эффективно регулировать экономические отношения. Законы проходят долгий путь согласований, но, к сожалению, в их принятии участвуют не всегда компетентные люди. Не развиты механизмы активного общественного участия в обсуждении законов. Данные факторы не способствуют нормальному развитию формальных рыночных институтов, что во многом определяется агрессивностью различных ветвей власти и бизнеса.

Основная причина неисполнения законов заключается, по мнению респондентов (а их оказалось около 40%), в том, что в России законы никогда не были нормой жизни. Власть всегда была выше закона, и это характерная особенность не только советского, но и постсоветского общества. В дореволюционной России наблюдались те же явления – сложившаяся концессионная система позволяла царю лично регламентировать деятельность компаний, каждая из которых действовала в рамках своего собственного законодательства. В настоящее время ситуация еще более усложнена. Институциональная экономика обосновывает наличие оппортунизма в поведении экономических агентов. Оппортунизм – нарушение взятых на себя обязательств, недобросовестность. Об этом свидетельствует лоббирование интересов в процессе принятия законов, их корректировка в пользу исполнительной власти, поведение менеджеров акционированных предприятий. Кроме того, оппортунизм особенно проявился на первом этапе реформ, когда на рынок вышли агенты, воспринимающие бизнес только через обман. Данные явления были также зафиксированы в наших исследованиях.

Таким образом, результаты экономико-социологических исследований позволяют делать вывод, что через 15 лет после начала реформ в обществе еще не сформированы социальные нормы, согласующиеся с рыночной идеологией. Не появилась мягкая инфраструктура экономики, та «смазка», которая бы позволила свободно

запустить рыночный механизм. Именно поэтому неформальные институты оказались фактором, который существенно снивелировал формирование формальных институтов. Несовместимость базовых социальных ценностей с предложенной рыночной моделью вызвало агрессивную реакцию социума и стало основной причиной не успешности экономических реформ. Население не приняло рыночную идеологию, а те, от кого зависели реформы, извлекли из их не успешности максимальную выгоду. Рыночные «правила игры» только декларированы в обществе. Отсутствие доверия и добровольного подчинения закону, а также оппортунизм власти и бизнеса стали причиной неэффективного развития институтов [58].

Начавшиеся институциональные преобразования в российском обществе вызвали реакцию отторжения формальных институтов со стороны неформальных. В качестве компенсации сообщество развивает неформальные институты и нормы хозяйственного поведения, нейтрализующие действие формальных институтов. Среди неформальных институтов получили распространение оппортунизм, персонифицированное доверие, вынужденное подчинение закону, простой утилитаризм. Эти процессы усиливают напряженность в обществе, повышают трансакционные издержки, снижают эффективность экономики.

Институциональный анализ можно продолжать в контексте двух гипотез, содержание которых априори задает вектор социально-экономическим процессам.

1. Институты распределяют правомочия между экономическими субъектами оптимальным образом.
2. Институты распределяют правомочия между экономическими субъектами соответственно складывающейся на данный момент ситуации.

Для рассмотрения данных гипотез (их доказательства или опровержения) используем основные теории институциональной экономики: теорию собственности (Р. Коуз) и теорию трансакционных издержек (О. Уильмсон). Предметом анализа выбран институт собственности, как один из важнейших элементов институциональной структуры.

Рынок, исходя из теории собственности, есть та часть общего экономического пространства, в которой четко установлены права собственности [12, 53]. Без четкого распределения прав собственности не может быть никаких сделок, иначе это приводит к конфликтам, так как основное поле конфликтов – это те ресурсы права собственности, которые либо не определены вообще, либо определены нечетко. По теории Коуза, первоначальное распределение прав собственности не влияет на структуру производства, так как, в итоге каждое из правомочий окажется в руках наиболее эффективного собственника [14].

Таким образом, не принципиально, кто получил право владения на первом этапе реформы собственности – трудовой коллектив, администрация предприятия, Госкомимущество или банковская структура. Теорема Коуза, раскрывая экономический смысл прав собственности, доказывает: чем определеннее спецификация прав собственности, тем меньше разница между социальными издержками и выгодами [12]. То есть, теорема Коуза подтверждает первую гипотезу: сформированный институт собственности оптимальным образом распределяет правомочия между экономическими субъектами.

Действительно, в России процесс перераспределения собственности начался сразу после приватизации, на которую возлагались большие надежды, связанные с повышением эффективности экономики. Видимо, теорема Коуза и имелась в виду. Но ее нероботоспособность обусловлена, прежде всего, агрессивностью неформальных институтов, отсутствием доверия властным структурам со стороны субъектов акционирования и отсутствием у них рыночных установок, оппортунизмом со стороны номенклатурного менеджмента, недостаточной компетентностью составителей законов.

В реализованных в 1997-2004 гг. на территории Республики Карелия исследованиях анализ процессов формирования рыночных институтов осуществлялся на примере системы лесопользования. Следует отметить, что в данных исследованиях рассматривались формальные и неформальные институты в правовом, экономиче-

ском и социальном аспектах. Для анализа были выбраны наиболее значимые элементы институциональной структуры системы лесопользования, определяющие развитие института собственности: лесное законодательство и экономическое поведение агентов в контексте проводимых реформ.

Анализируя развитие лесного законодательства в рамках законов федерального и регионального уровней, мы приходим к выводу, что на момент принятия в 1997 г. Лесной кодекс выполнил свою институциональную роль. Данный правовой документ определил каждому объекту права адекватного субъекта: право владения лесными ресурсами и распределения лесного дохода было закреплено за Российской Федерацией, право управления и распределения лесных ресурсов – за субъектами РФ, право использования было отдано субъектам лесопользования.

Тем не менее, сама спецификация прав собственности не была должным образом разработана, правомочия в большинстве позиций были размыты. Право управления было разделено между РФ и субъектами РФ. В результате не были определены границы контролирующей функции лесной службы, которая, компенсируя потерю экономической власти, начала жесткую штрафную политику по отношению к лесопользователям, а также существенное влияние на распределение леса в натуре. Кроме того, лесная служба не получила в полной мере полномочия (как финансовые, так и институциональные), которые бы позволили ей создавать условия для проведения политики многоцелевого и комплексного лесопользования.

Основное поле конфликта – право управления лесными ресурсами – стало фактически ареной борьбы федеральных и региональных структур, что является примером негативного воздействия несовершенного формального института на неформальную составляющую. Неформальные институты в ответ на это стали проявляться через оппортунизм и отсутствие доверия со стороны всех участников лесных отношений. Необоснованные штрафы, нарушение соглашений по организации и оплате работ по лесовосстановлению, отводу участков для освоения, не выполнение договоров по результатам конкурсов и

аукционов, бесосновательный допуск к лесопользованию – это далеко не полный перечень конфликтных ситуаций, которые стали причинами усложнения деятельности лесных предприятий. Каждый из перечисленных конфликтов стал основой для формирования мощного неэффективного неформального института. В настоящее время в системе лесопользования происходит борьба за сферы влияния на лесные ресурсы, то есть фактически за экономическую власть. Предстоящий передел лесосырьевой базы Республики Карелия уже сегодня создает напряжение на лесном рынке. Несмотря на объявленную цель рационального размещения структуры производства, рационального лесопользования, региональная власть использует не адекватные рыночным принципам модели управления и координации лесным сектором. Данные тенденции свидетельствуют об активизации определенных социальных сил, готовых к незаконному захвату этой власти. То есть институты распределяют правомочия между экономическими субъектами соответственно складывающейся на данный момент ситуации [59].

По прошествии 7 лет стало ясно, что непрозрачность Лесного кодекса не позволяет лесным отношениям эффективно развиваться. В настоящее время лесное законодательство продолжает трансформироваться. Политические инициативы исполнительной и законодательной власти в данной сфере привели к формированию целого ряда законодательных документов, связанных с существенными изменениями в системе лесопользования. Прежде всего, это Федеральный закон от 29.12.2004 г. № 199-ФЗ. Он отменил действие Федерального закона от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ, в соответствии с которым субъекты РФ практически лишались каких бы то ни было прав в области использования, охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов. Федеральный закон № 199-ФЗ внес изменения практически в каждую статью ЛК РФ, в соответствии с ним были значительно расширены полномочия субъектов Российской Федерации в области использования, охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов.

Стремительное развитие событий привело к нарушению институционального равновесия. Весь 2005 г. лесной сектор, образно

выражаясь, «лихорадило». Ликвидация лесхозов и передача полномочий по контролю за лесопользованием «Росприроднадзору» и как следствие ликвидация лесной охраны, попытка введения новых условий взаимоотношений между РФ и субъектами РФ по поводу лесопользования, введение новых правил аренды и многие другие инициативы – все это не работало на эффективность лесной экономики, и вызвало негативную реакцию со стороны участников лесных отношений.

В классическом учебнике немецкого лесоводства есть надпись, которая иногда выносится в качестве цитаты: «Для леса нет ничего опаснее, чем частая смена политик». В процессе общественной дискуссии по вопросам развития лесного законодательства академик А. Исаев сказал: «На вопрос: почему лесники такие упрямые, я бы ответил, что нам нужно последствия оценивать, по крайней мере, на 100 лет. Это 20 ротаций парламента. И если каждый из них будет принимать свои законы, которые не обеспечивают преемственность их и учета опыта того, что делается, то ничем хорошим это для леса не кончится. Я не хочу обижать членов вашего парламента, но хотел бы, чтобы очень осторожно относились к этим делам и учитывали тот опыт, который у России есть уже больше 200 лет существования ее лесной службы» [51].

Ключевым вопросом в настоящее время является смена собственника на лесные ресурсы. Сможет ли либеральная часть российского общества отстоять право частной собственности на леса? Судя по активной позиции профессиональной общественности этот вопрос пока открыт. На самом деле вопрос, кто является законным собственником ресурсов, не является главнейшим вопросом рыночной экономики. Более важно знать, как определены права собственности. Экономическая обоснованность прав собственности зависит от того, насколько хорошо эти права осознаны и востребованы обществом, что в свою очередь определяется существующей институциональной сетью. Эта сеть состоит из множества формальных и неформальных правил, которые используются де-факто множеством действующих лиц. Лозунг «частная собственность – опора рыночной экономики» требует серьезной

корректировки. Говоря об институциональном развитии в контексте социального конструирования, важно точно знать, какой именно собственности требуют производительные силы, при какой собственности возможно их развитие или даже просто сохранение.

Право собственности – один из наиболее важных политических инструментов обязательного регулирования социальных конфликтов. Рыночная система способна приспособить друг к другу широкий набор форм лесной собственности, не противореча основам функционирования рыночной системы. Формы собственности на леса являются результатом долгого исторического развития и имеют глубокие корни в соответствующем устройстве общества разных стран. При рыночной системе сложно сказать, какая форма собственности больше приспособлена для оптимизации производства с точки зрения извлечения доходов, связанных с лесными ресурсами. Но от форм собственности зависят цели и выбор средств для их достижения [17].

В научных кругах России есть вполне обоснованное мнение о популистском содержании идеи частной собственности на лес. Академик РАН Д. С. Львов считает, что разговор о частной собственности на природные ресурсы (землю, лес, недра) не является принципиальным. «Важна не сама по себе форма собственности. Важно, чтобы весь спектр прав собственности, включая и право частного владения землей, получил характер свободного рыночного оборота. Можно подобрать такую процедуру, которая, по существу, стирает формальные различия между ними, например, между частной собственностью и бессрочной арендой земли. То есть различия между частной и иными формами пользования в значительной степени носят не содержательный, а популистский характер. Они, в частности, вуалируют главную и определяющую причину истинных различий в формах собственности: присвоение рентного дохода, который не является результатом вклада ни одного из факторов производства, кроме природных ресурсов. Последние, как известно, достались от Бога, а поэтому и закономерно должны принадлежать всем. Это залог социального мира и ликвидации криминализации экономики, создания равных условий для всех» [67].

Данные послышки наводят на размышления по поводу своевременности постановки вопроса о частной собственности на лес в российском обществе. Коль скоро рыночная система не отторгает альтернативных форм, можно предположить, что узаконенная в настоящее время государственная собственность на лесные ресурсы может вполне успешно вписаться в ее рамки. С приданием лесным ресурсам статуса «товара», а это может произойти в условиях институционального соглашения различных социальных сил общества, прозрачный институт собственности позволит внедрять более цивилизованные формы регулирования товарных и финансовых потоков системы лесопользования и в свою очередь обеспечит рост эффективности лесной экономики [60].

Одним из распространенных механизмов, способных упорядочить систему лесных отношений в переходных состояниях, является аренда. Отношения аренды логично вписываются в рыночную систему. Государство, выступая в роли лесовладельца, предоставляет специфицированное право собственности – право использования – на определенную часть лесных ресурсов лесопользователю. В настоящее время арендные отношения стали основными в системе лесопользования. Вместе с тем среди лесоводов существует неоднозначное мнение об адекватности аренды принципам устойчивости.

Например, И.В. Шутов, обращаясь к отечественной истории лесного хозяйства, цитирует известного лесовода П.Н. Вареху: «Аренда – весьма удобный для владельцев сельхозугодий способ извлечения доходов из своего имущества, неприемлема для лесовладельцев. Лес – это такого рода собственность, что, отдавая его в руки арендатора, мы должны или связать эти руки самым мелочным контролем, или смириться с потерей своего имущества» [88]. М.А. Лобовиков отмечает такие недостатки аренды, как низкую конкуренцию и высокую степень монополизации в лесном секторе, низкую попенную плату и низкий лесной доход, низкие реинвестиции в лесное хозяйство, слабый государственный контроль за состоянием окружающей среды, коррупцию [66].

В мировой практике лесного хозяйства существует положительный опыт арендных отношений в системе лесопользования. В Канаде это самый распространенный вид лесных отношений, который оценивается как наиболее обещающий для применения в условиях общественного управления лесами. С этими доводами согласны российские ученые экономисты В. Петров, А. Страхов и др. [34].

Несмотря на противоречивые оценки, аренда является действенным инструментом лесной политики, способным повлиять на поведенческие стереотипы лесопользователей, обусловить создание конкурентной среды и тем самым стимулировать оптимизацию производства. Но данную форму следует совершенствовать с учетом интересов различных социальных групп: профессионалов лесного хозяйства и лесной промышленности, органов местного самоуправления, органов исполнительной власти регионального и национального уровней, ученых, представителей общественных движений, жителей лесных поселков.

На формальном уровне (в законодательных и нормативных документах) должно быть четко зафиксировано право лесопользователя – все условия аренда должны быть прописаны, бесспорны, прозрачны. Сформированный институт аренды может стать важнейшим рыночным регулятором, способным развести интересы лесной службы и региональной власти. Он может на долгие годы стать основным проводником лесных отношений в российской системе лесопользования, стать и рыночным, и социальным механизмом одновременно.

Итак, в российской общественной, профессиональной и научной среде идет острая дискуссия по вопросам частной собственности на лес. Ее сторонники ссылаются на Конституцию РФ, которая не запрещает любой формы собственности на природные ресурсы, в том числе частной. Но данная установка требует определенных комментариев. В ст. 9 Конституции РФ закреплен принцип, в соответствии с которым земля, леса и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. На основании

этого положения Конституционный суд РФ в Постановлении от 9 января 1998 года по делу о проверке конституционности действующего Лесного кодекса дал заключение, что «лесной фонд России – ввиду его жизненно важной многофункциональной роли и значимости для общества в целом, необходимости обеспечения устойчивого развития, а также рационального использования этого природного ресурса в интересах РФ и ее субъектов – представляет собой публичное достояние многонационального народа России и как таковой является федеральной собственностью особого рода и имеет специальный правовой режим». При этом Конституция допускает возможность нахождения природных ресурсов в различных формах собственности, но не обязывает к тому, чтобы лесной фонд находился в этих формах собственности.

Попытки либерально настроенных слоев навязать сегодня российскому обществу частную собственность на лес не обоснованы и преждевременны. Стоит сказать, что именно с частной собственностью связываются основные надежды повышения эффективности лесной экономики. В ТВЦ передаче «Деловая Москва» 27.09.2005, депутат Госдумы, заместитель председателя комитета по природным ресурсам Дамир Шадаев сказал: «Единственным источником возможного улучшения состояния лесного фонда, увеличения эффективности использования наших лесных ресурсов, увеличения объемов поступающего сырья на перерабатывающие заводы, расширения ореола проведения заготовительной деятельности является передача сегодня функций управления и распоряжения частному бизнесу. Никто не говорит, что 100 % лесов будут приватизированы. Я вас уверяю, что не более 20 % – это реально сегодня смогут выкупить люди по реальной доступной цене».

Можно предположить, что сегодня крупные лесные компании России более других заинтересованы в частной собственности на лес. Тем не менее, их взгляды более осторожны, чем позиции либеральных «законотворцев». Так, генеральный директор ОАО Сегежабумпром В. Преминин на вопрос, какая собственность на лес его бы больше устроила ответил: «Не важно, какая собственность – частная или государственная, важно, чтобы

правила лесопользования были одни для всех». Этой позиции придерживается Д. Чуйко: «Должен заметить, что само по себе отсутствие или наличие частной собственности на лесной фонд не является решающим обстоятельством. Как показывает мировая практика, эффективность ведения лесного хозяйства и работы лесопромышленного комплекса этим не определяется. Вот две страны с противоположными моделями – Канада и Финляндия. И в обеих странах эффективность лесопользования на порядок выше, чем у нас» [87].

Действительно, в Канаде 94% лесного фонда находится в государственной собственности. Она является самым крупным экспортером лесобумажной продукции в мире. Заготовки древесины составляют 190 миллионов кубометров при запасах немногим более 23 миллиардов кубометров древесины. Для сравнения: Россия заготавливает порядка 170 миллионов кубометров древесины по всем видам рубок, а ее лесные запасы составляют более 81 миллиарда кубометров. При этом в системе лесопользования Канады не одно десятилетие действуют рыночные механизмы, рыночная экономика. Канадский опыт интересен для России тем, что институты лесного сектора распределяют правомочия между участниками лесных отношений в соответствии с принятыми и признанными в обществе законами, а, следовательно, оптимальным образом. Важнейшей чертой канадского лесного законодательства является передача части прав собственности на леса с федерального на региональный уровень, в том числе получения ренты и распределения лесных ресурсов. На федеральном уровне решаются вопросы развития законодательства, в частности установление правил аренды, а также стимулирование и развитие лесопромышленной деятельности. Следует сказать, что некоторые элементы такой схемы присутствуют в новом российском лесном законодательстве. Основная задача наших законодателей состоит в том, чтобы добиться прозрачности и ликвидировать противоречия в основных позициях закона.

По мнению инициаторов революционных изменений в Лесном кодексе государство расписалось в собственной невозможности управлять лесными ресурсами. Именно данное обстоятельство

подвигает их на столь радикальные преобразования. Но следует вспомнить, что в странах, где доля частных лесов значительно превышает долю государственных (например, в США и Финляндии) улучшение частных лесов на протяжении десятилетий шло на 70% за счет государственных субсидий. То есть частный владелец лесов был заинтересован в инвестициях государства. Такая поддержка в настоящее время продолжается через систему налоговых льгот, субсидий – тех механизмов, которые позволяют стимулировать эффективных лесовладельцев. «Успешное повышение продуктивности древостоев в странах со значительной долей частных лесов (Финляндия, Швеция, Япония) произошло благодаря, в первую очередь, государственным субсидиям и мерам государственного регулирования, а не инвестициям их владельцев» [71].

Для российской ситуации нужно признать, что сегодня в лесном законодательстве отсутствуют обоснованные механизмы перевода лесных земель в частную собственность. Новый лесной законопроект не решает эту проблему. Даже те 20% лесов, о которых говорил Д. Шадаев, не получают эффективного собственника, а следовательно реальных инвестиций. Нет инструмента к привлечению инвестиций в лесное хозяйство. Надежда на нового собственника без государственной поддержки утопична. Кроме того, само общество сегодня не готово к таким серьезным преобразованиям. О причинах этой неготовности мы уже говорили.

Хорошо определенные системы прав собственности и институционального устройства делают мир предсказуемым. В такой системе экономические и иные деловые взаимодействия становятся дешевле. «Но что самое важное, нездоровая институциональная среда формирует «короткие тени будущего». В нормально развитом институциональном пространстве поведение менеджера будет определять система правил, его сегодняшнее поведение будет определять будущие взаимодействия, а, следовательно, «тени будущего» становятся длиннее. Но если он ожидает, что правила будут внезапно изменены, и если он не уверен, выживет ли оно экономически, то он будет действовать так, как будто сегодня является его последним днем в бизнесе» [90, 54].

Такой взгляд возвращает нас к проблеме спецификации прав собственности. Новый лесной законопроект не только не разрешил противоречий действующего Лесного кодекса, а напротив, он еще более размыл границы правомочий управления и использования. Новые правила, установленные в новом законопроекте, не дают ответов на многие вопросы. А эти вопросы означают, что закон не прозрачен и не предсказуем. Институт собственности распределяет правомочия между экономическими агентами соответственно складывающейся ситуации. «Тени будущего» остаются короткими. Это одна из главных институциональных проблем системы организации лесного хозяйства в России. От этого сегодня лесная экономика России не эффективна.

Закладывая либеральные модели в систему управления лесами, реформаторы должны учитывать реальную ситуацию с менталитетом общества, со степенью законопослушания, с нормотворчеством. Если учесть в совокупности все эти обстоятельства, нужно констатировать, что в России на ближайшие годы государственная собственность на лес должна сохраниться. И это, наверное, для наших российских условий оправданно.

2.3. Предпосылки и факторы социальной устойчивости лесоправления Республики Карелия

Новые государственные инициативы в области лесной политики, связанные с проведением лесной реформы, должны учитывать не только интересы бизнеса, не только абстрактные государственные интересы, но и работать на социальный эффект. В контексте требований концепции устойчивого развития получает особое значение место и роль различных социальных субъектов, непосредственных участников лесных отношений, а именно – жителей лесных поселений. Согласно критериев устойчивости (напомним, что Россия в 90-х гг. подписала конвенцию по устойчивому лесоправлению), предприятия в процессе своего хозяйствования ни в коей мере не должны ущемлять интересы местного населения, которое живет и работает на лесосырьевых территориях. То есть, о соблю-

дении социальной устойчивости будет свидетельствовать действие на конкретной территории механизма социальной ответственности бизнеса. Действующего механизма социальной ответственности в России нет, его только пытаются апробировать наиболее успешные компании. Лесной бизнес Карелии, к сожалению, пока не ставит себе в задачи расширить свои стратегии от чисто экономических интересов до социального инвестирования.

Сегодня для российского общества, в котором зарождаются гражданские институты, необходимо, чтобы в такой важной сфере его жизни, как лесопользование, формировалась социальная активность. В современных условиях важно определить место каждой социальной группы, обозначить ее роль в системе лесопользования. Соблюдение интересов всех потенциальных лесопользователей: населения, предприятий, органов власти согласуется с положениями концепции устойчивости. Широкая дискуссия по вопросам лесопользования и лесопользования может быть направлением на пути к достижению социального консенсуса. Сейчас эта активность проявляется в рефлексии местного населения на происходящие процессы. Уже только это свидетельствует о предпосылках социальной устойчивости.

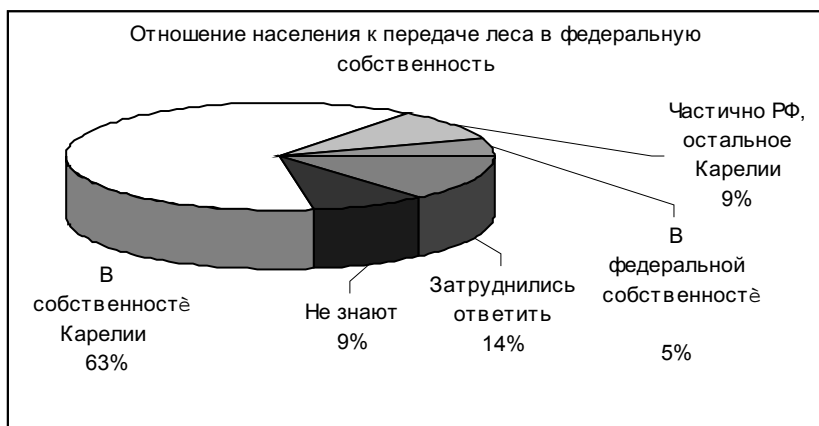
Данные вопросы исследовались в ходе реализации в 1997-2004 гг. мониторингового экономико-социологического обследования лесосырьевых территорий Республики Карелия. Согласно методике исследовательский срез имел трехуровневое измерение: население, предприятие, территория. Такой подход через мнения и оценки населения, руководителей градообразующих предприятий и руководителей местных администраций позволил выявить социальную позицию по данным вопросам различных социальных групп, сделать попытку оценить степень социальной активности данных групп и определить место и роль каждой из обозначенных групп в системе лесопользования и в итоге сделать вывод о векторе развития социальной составляющей. То есть результаты исследования демонстрируют те позиции, которые занимают социальные группы – непосредственные участники процесса лесопользования и

лесоупользования. Наличие социальной составляющей лесоуправления определялось по двум признакам: включенность населения в проблему (понимание вопроса) и гипотетическая активность населения (рефлексия). Мы попытались провести некоторую параллель и сравнить данные 1997 и 2004 гг., так как эти годы совпали с ключевыми изменениями в лесной политике России.

Апробация методики реализована в ходе социологического опроса, проведенного на территории Заонежья в 1997 году. Одним из важнейших вопросов, связанных с формированием собственности на лес был следующий:

В настоящее время леса Карелии переданы в федеральную собственность. Как Вы к этому относитесь?

Диаграмма 2.3.1

В 1997 году был принят Лесной кодекс РФ как основной правовой документ, регламентирующий лесные отношения в России. Нужно сказать, что этот важный политический документ на момент его принятия разделил общество на две части: согласных с отъемом этой доли суверенитета и категорически с этим не согласных. Но, как показали результаты исследования

ния, такая рефлексия произошла на уровне региональной и местной власти и частично лесных предприятий. Население крайне осторожно высказывалось по этому вопросу. Из 284 опрошенных жителей лесных поселков ответ на вопрос дали 151 или 53 % респондентов (диаграмма 2.3.1.), то есть почти половина респондентов не захотели отвечать, что говорит о довольно слабой их включенности в поднимаемую проблему. Кроме того, среди ответивших не сформировали позицию 21% респондентов, из них 6 % респондентов ничего об этом не знают, 14 % – затруднились ответить, 1 % – безразличны. При таком распределении есть основания предполагать, что степень информированности населения в данном вопросе крайне низка.

Среди ответивших на вопрос респондентов 63% убеждены, что леса Карелии должны находиться в республиканской собственности, 9% – допускают, что они частично могут принадлежать России, и лишь 5% респондентов согласны с принятым лесным законодательством, которое определило собственника в лице Российской Федерации. То есть среди проявивших свою позицию респондентов доминирует мнение о несправедливости перераспределения отношений собственности в пользу РФ. Несмотря на «беспредел», происходящий в лесу, местное население, которое все это наблюдает, не связывает его с неэффективным собственником. Таким образом, ответы респондентов по принятию нового Лесного кодекса в 1997 г. продемонстрировали индифферентность жителей лесных поселков к вопросу собственности на лес. Более 70% вообще не знают или не хотят знать о проблеме, остальные достаточно слабо в нее включены.

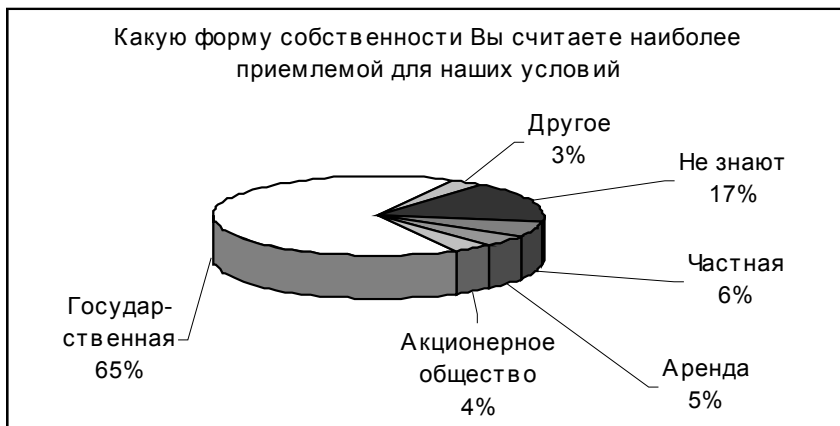
Одним из важных был следующий вопрос:

Какая форма собственности на лес должна быть в России?

В 1997 г. полученные ответы на этот вопрос распределились следующим образом: преобладающее большинство опрошенных жителей лесных поселков (65%) склонялись к государственной форме собственности, 6% респондентов считали

наиболее приемлемой частную собственность на лес, 17% респондентов затруднились дать свою оценку (диаграмма 2.3.2.).

Диаграмма 2.3.2.

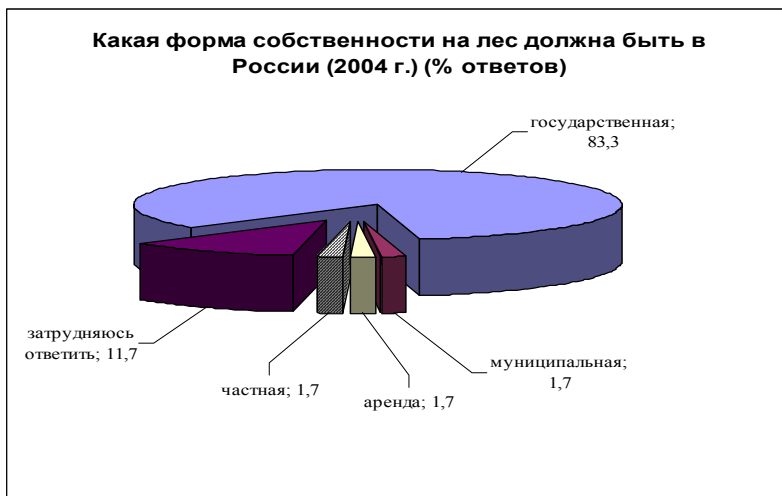
Полученные ответы отражают вполне сформированную позицию населения на данный вопрос. Доминирование среди жителей лесных поселков позиции, связанной с государственной формой собственности на лес, на момент проведения обследования (1997 г.) объясняется ее понятностью и традиционностью. Те 6% респондентов, которые назвали частную форму собственности на лесные ресурсы как наиболее приемлемую, продемонстрировали, что начали понимать неадекватность установившегося в лесных отношениях порядка. Хотя понятно, что частная собственность рефлексирует в их сознании довольно абстрактно, без определенной увязки к конкретной ситуации и условиям.

Следует отметить, что недостаточное внимание со стороны населения получила такая форма собственности на лес, как аренда. Всего около 7% респондентов отметили ее как наиболее практически реализуемую. Мы связываем это с тем, что данные вопросы задавались в 1997 году, когда аренда только

начала внедряться в лесные экономические отношения, и у населения было слишком мало возможности, чтобы адекватно ее оценить. Владение лесными ресурсами через акционерную собственность также пока слабо понимается населением и не воспринимается как следующий этап после аренды, которую в конечном итоге можно связывать с частной. Данную форму собственности выделили 4% респондентов. Таким образом, в 1997 г. население лесных поселков поддерживало в основном государственную собственность на лес, по поводу частной собственности началась рефлексия.

В 2004 г. позиция жителей лесных поселков еще более утвердилась: за государственную собственность выступили 83% респондентов, частную – отметили менее 2%, аренду – 1,7%, затруднились ответить 12% респондентов (диаграмма 2.3.3.). Низкий рейтинг аренды мы связываем в данном случае с тем, что эта форма ассоциирует у населения пока с государственной собственностью. Таким образом, результаты исследования показывают, что по прошествии семи лет на уровне населения лесных поселков Карелии произошло отторжение идеи частной собственности на лес, что может быть связано с ее дискредитацией в обществе.

Процессы, связанные с приватизацией лесных предприятий, борьбой за лесные ресурсы между властью и бизнесом, свидетелями которых стало местное население, снизили итак низкие социальные параметры жизни. Нужно сказать, что сегодня, когда убыточность лесных предприятий снова стала приобретать масштабный характер, среди жителей лесных поселков «зреют» определенные опасения о судьбе не только самих предприятий, но и лесов, в которых они работают. Наиболее остро воспринимаются людьми новые правительственные инициативы в лесной политике, связанные с приватизацией лесов. Именно эти процессы стали наиболее серьезным фактором, определившим их позицию по вопросу собственности на лес в сторону государственной формы.

В контексте данных проблем в 2004 г. жителям лесных поселков был задан вопрос о предстоящей лесной реформе.

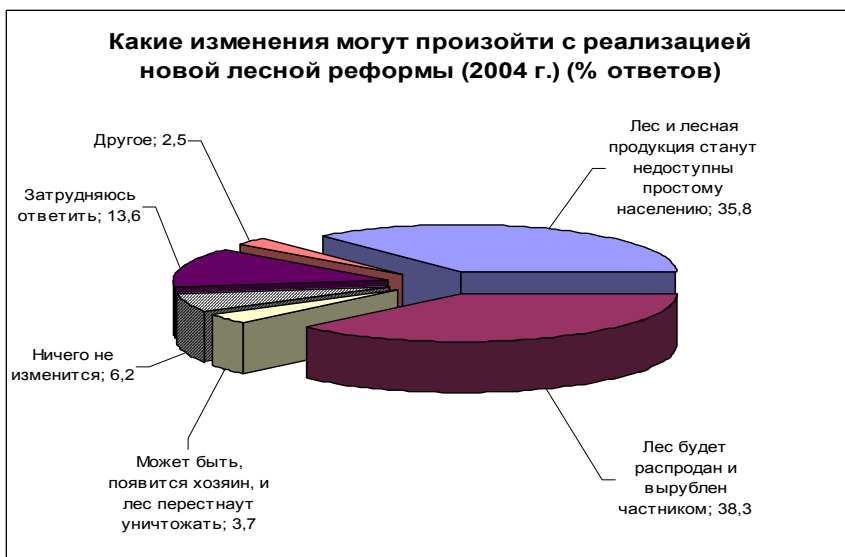
Какие изменения Вы видите с реализацией новой лесной реформы?

Ответы респондентов в большинстве своем отражают опасения по поводу новых политических инициатив. Почти одинаковые доли ответов приходятся на ответы: лес будет не доступен простым людям (33%); лес будет вырублен и распродан частником (34%). Только 5% опрошенных думают, что, может быть, появится настоящий хозяин, и лес перестанут хищнически уничтожать, а 18% – затруднились что-либо сказать по этому поводу (диаграмма 2.3.4.).

Следует сказать, что были и другие, более резкие суждения, характеризующие высокую степень социальной напряженности в лесных поселках. В тех поселках, где не осталось ни одного рабочего места (например, п. Томбичозеро в Пудожском районе, Машозеро в Беломорском районе и т.п., таких не мало в Карелии), жители живут сегодня в основном собирательством – заготовкой ягод, грибов, лекарственных трав. Частный лес российским человеком сегодня понимается уже более осознанно – это не просто запрет на посещение и штрафы,

это может быть и вооруженная охрана. Эти настроения были зафиксированы в наших исследованиях. В ходе одного интервью прозвучало: «У нас многие имеют оружие, если не пустят в лес – начнется стрельба». Такие высказывания – не просто эмоции. В такой ситуации новые политические решения в лесных отношениях должны быть не только научно обоснованы, но и учитывать реальные условия каждого жителя лесных поселков, права которого могут быть вольно или не вольно ущемлены.

Диаграмма 2.3.4

Следующий вопрос, который задавался в ходе анкетирования населения лесных поселков и в 1997, и в 2004 гг., был связан с оценкой его реальных шансов участвовать в управлении лесами.

В западных странах распространена практика участия населения в управлении лесами, которое заключается в отношении собственности, участии в общественном движении, гражданской инициативе. Считаете ли Вы возможным управление лесами Карелии со стороны населения?

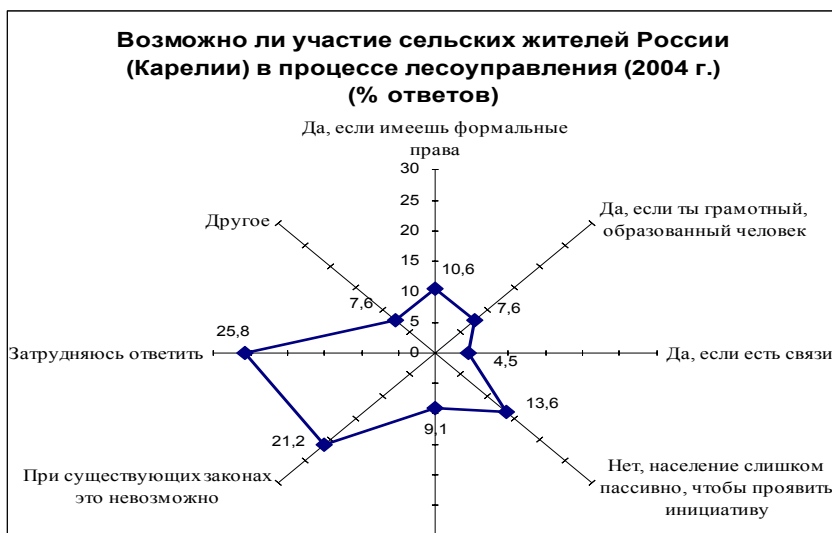
Задавая этот вопрос в 1997 г., мы предполагали выявить социальную позицию населения в вопросах лесоуправления и выделить институциональный (состояние законодательной базы, особенности управления) и социально-субъектный (наличие или отсутствие инициативы у населения) факторы, определяющие данную позицию. Как показали результаты исследования, 36% опрошенных респондентов ответили отрицательно, причем 25% видели основную причину невозможности местного населения участвовать в процессе лесоуправления в несовершенстве законодательства (нет условий и предпосылок для подобных акций – не готова институциональная основа), а 11% – в безынициативности населения (у населения отсутствуют мотивы для участия в лесоуправлении – не готов индивид). Положительные ответы на данный вопрос имеют следующее распределение: 13% респондентов, которые считают, что население Карелии может принять участие в лесоуправлении, связывают свои надежды с адекватной правовой базой, а 17% – надеются на инициативу самого населения (диаграмма 2.3.5). То есть сам фактор, определяющий как положительную, так и отрицательную оценку социальную позицию респондентов, связан именно с институциональной составляющей. Население не проявит инициативы в большей степени из-за несовершенства лесного законодательства, консерватизма системы лесоуправления, нежели из-за собственного нежелания, отсутствия мотивов.

Диаграмма 2.3.5.

В анкете 2004 г. наблюдается следующее распределение ответов: 66 % респондентов не видят реальной возможности управлять лесами со стороны населения, причем 39% – потому что при существующих законах это невозможно, 16 % – так как население безграмотно, 11% – так как население пассивно. Таким образом, респондент 2004 г. существенно снизил свое доверие существующим законам и власти. Те, кто ответил положительно на этот вопрос (их доля составляет 21 %), основаниями для этого участия видят в наличии соответствующего образования (11%), наличия акций (5%), а также наличия связей (5%) (диаграмма 2.3.6).

Диаграмма 2.3.6

Следует сказать, что ответы, полученные на данный вопрос, позволяют судить об уровне гражданского самосознания жителей лесных поселков, их ориентаций в формирующейся институциональной среде. Смена акцентов, произошедшая за 7 лет, может свидетельствовать о повышении этого уровня: люди стали позиционировать себя не только на уровне местного

сообщества, но и в более широком формате. Это дает основания говорить о формировании предпосылок социальной устойчивости в лесоправлении.

В целом проблемы развития лесных поселков связываются их жителями с перспективами в лесных отношениях. В ходе опроса стало понятно, что люди хотят знать, смогут ли они вписаться в новые правила игры. В данном контексте государственная лесная политика должна рассматриваться как основной механизм согласования интересов каждого участника лесных отношений. Причем, в состав таких участников должны быть включены конкретные люди с их проблемами и шансами на будущее.

В ходе обследования выяснялось мнение и позиция населения по поводу его участия в собственности на лес. Следует отметить некоторые уточняющие детали. Во-первых, данный вопрос задавался жителям лесных поселков Карелии в ходе экспедиционных исследований 1997, 1998, 1999 и 2004 гг. Во-вторых, в 1997 году данный вопрос задавался в более развернутом, формализованном виде, предоставляя возможность респонденту выбирать наиболее подходящую для него позицию. В 1998-1999 гг. данный вопрос задавался в открытом виде и позволил респондентам самостоятельно определиться с вариантом ответа.

Вопрос. Хотели бы Вы иметь участок лесной площади на правах частной собственности или аренды?

Вопрос о возможности иметь в частной собственности участок леса в 1997 году вызвал неоднозначную реакцию среди опрошенного населения. Довольно большая группа респондентов (15,2%) не смогла ответить на поставленный вопрос, что доказывает недостаточный уровень включенности населения в обсуждаемые проблемы. Более 60 % респондентов не собираются использовать такую возможность, причем 54,3% из них вообще не видят в этом смысла. Такое распределение ответов может говорить о низкой мотивации у жителей поселков в проявлении экономической активности в области лесоправления.

Причем, около 3 % респондентов, отвечавших на данный вопрос, имели отрицательное мнение по причине отсутствия профессиональной подготовки, почти 5% респондентов – из-за несовершенства законодательной базы.

Около 20% респондентов выразили готовность использовать возможность для получения участка леса в частную собственность, из них: 8,6% – при любых условиях, 7,3% – если не будут мешать и 4% – при условии изменения законодательной базы.

Диаграмма 2.3.7

Продолжение исследования, осуществленное в 1998 и 1999 гг., подтвердила сделанные выводы. Опрос касался только отношения населения к гипотетической возможности иметь участок леса в частной собственности и вариантов использования данной возможности. На данные вопросы ответили 280 респондентов, среди которых 13% опрошенных затруднились с ответом, что подтверждает уже отмеченные тенденции (Диаграмма 2.3.8.).

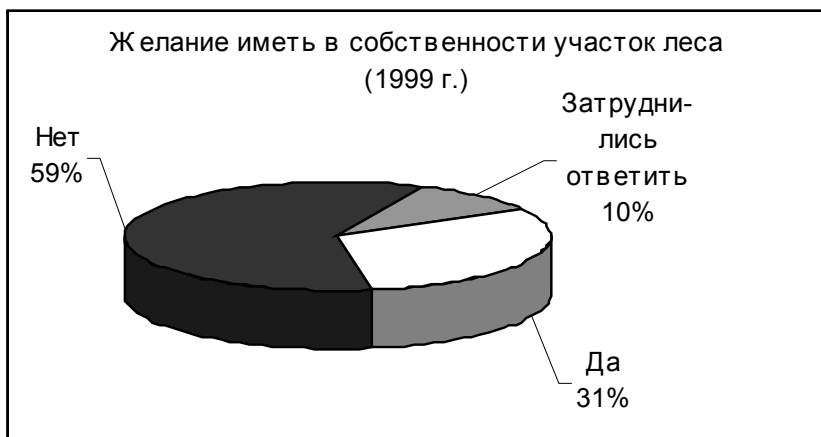
Диаграмма 2.3.8

Около 2/3 респондентов (66%) ответили, что они не собираются становиться собственниками леса. Как и на предыдущем этапе исследования при объяснении мотивов явно преобладает социально-субъективный фактор: «нет сил работать», «трудно осваивать участок», «нет работников», «не тот возраст», «нет здоровья», «нет опыта, профессиональных навыков», «незачем». Если мотивы, связанные со здоровьем и возрастом, можно отнести к объективным причинам, то ответ «незачем» говорит о той социальной позиции, которую занимает большинство опрошенных респондентов: неготовность (как информационная, так и профессиональная) с одной стороны, и боязнь неизвестного – с другой. Положительный ответ дали 20% опрошенных жителей лесных поселков. Но в основном все планы с собственностью на лес у них связаны с заготовкой древесины, причем многие даже не задумываются о будущем такой собственности. То есть поведение временщиков, которое было привито жителям лесных поселков плановой экономикой, когда стране гнали кубометры и не задумывались о последствиях, сегодня проецируется ими на будущее.

Опрос населения лесосырьевых районов Карелии 1999 г. подтвердил выявленные тенденции: пассивность населения в вопросах частной собственности в большей степени удерживает население от инициативы, чем институциональные ограничения, хотя присутствует социально активная группа населения, которая готова использовать свою позицию в вопросах лесоуправления, не взирая на отсутствие стабильного законодательного режима.

Диаграмма 2.3.9

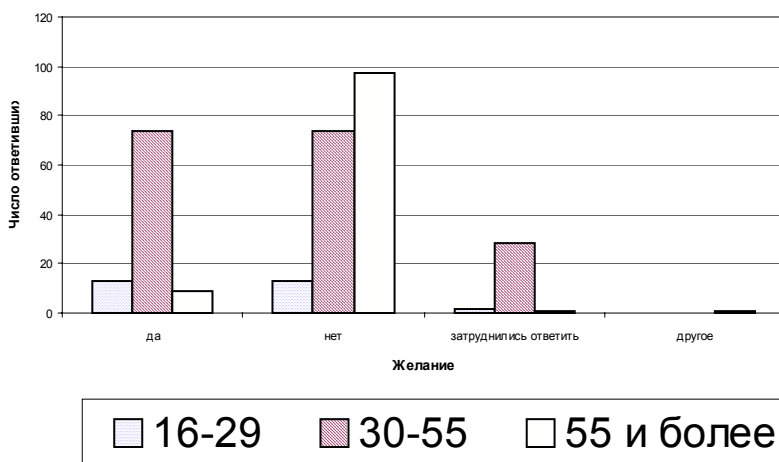

Несколько изменилась картина результатов, полученных при опросе населения Приладожья в 1999 году (диаграмма 2.3.9). В опросе участвовало 312 респондентов. Во-первых, несколько сократилась группа, которая не смогла дать ответа (на 3%) на вопрос о желании иметь лес в собственности. Во-вторых, увеличился вес социальной группы, положительно ответившей на этот вопрос от 20% до 31%, что отражает не только территориальное отличие, но и позитивные временные тенденции в социальных мотивациях. При сопоставлении ответов респондентов с их возрастными параметрами и родом занятий получены следующие данные. Среди экономически активного населения в возрасте от 16 до 55 лет положительные и отрицательные варианты ответов уравнились,

и это несмотря ни на что указывает на наличие признаков социальной активности респондентов трудоспособного возраста. Причем данная тенденция прослеживается и в распределении ответов в зависимости от занятия опрошенных жителей. Среди работающих 47% опрошенных дали отрицательный ответ, 39% – положительный, среди безработных респондентов: 23% и 53% соответственно. В целом экономически активные жители лесных поселков также в равных пропорциях относятся к вопросу об участии в собственности на лес (диаграмма 2.3.10).

Диаграмма 2.3.10

Желание взять в собственность участок леса (1999 г.)

Большой разрыв между долями, приходящимися на положительные и отрицательные ответы людей пенсионного возраста объясняется естественными причинами, влияющими на сниженную инициативу. Примечательно, что в этой категории респондентов практически нет сомневающих, то есть в данной группе населения совершенно выражено отсутствует инициатива, что может быть объяснено как возрастом, так и укоренившимися жизненными установками. И наоборот, слишком большая доля респон-

дентов (16%) среди экономически активного населения (в возрасте от 30 до 55 лет) не имеет определенной позиции при ответе на поднимаемый вопрос, что может иметь как негативный, так и позитивный оттенок. Их позиция не сформирована, но в дальнейшем может измениться в любую сторону. Вместе с тем среди самой молодой группы опрошенных (от 16 до 29 лет) практически нет сомневающихся, а доля их положительных и отрицательных ответов также, как и среди всех трудоспособных респондентов одинакова.

Данные тенденции свидетельствуют о наличии у самых молодых и перспективных с точки зрения рыночности респондентов более сформированной позиции не отказываться от собственности на лес, если появится возможность, нежели у более старшей возрастной группы. Респонденты пенсионного возраста чаще отказывались от такой идеи, что нами связывается в основном с отсутствием у данной категории населения доверия власти и бизнесу, а также высокой степенью их пессимизма по отношению к тем процессам, в которых они сами участвуют. Результаты исследования показали наличие дифференциации в мнениях экономически активного населения, выражающаяся в присутствии позитивных и негативных позиций. Но выявленная 50% доля положительных ответов у экономически активной группы опрошенных говорит о присутствии рыночной инициативы у этой категории.

Следует сказать, что выявленные тенденции были присущи периоду конца 90-х гг., когда после дефолта многие лесные предприятия получили так называемое валютное преимущество, что позволило им выйти из глубокого кризиса, начать подъем производства. Вместе с тем, несмотря на некоторую экономическую и социальную стабилизацию, население лесных поселков стало более адекватно оценивать происходящие в обществе процессы. Тенденции, характеризующие появление социальной активности, а также некоторое проявление рыночной инициативы среди жителей лесных поселков может свидетельствовать с одной стороны о формировании моделей протестного поведения, а с другой – демонстрирует некоторый уровень самоорганизации. Наши исследования

доказывают, и об этом мы уже говорили, что уровень доверия в обществе крайне низок и отличается высокой степенью персонафицированности. В таких условиях людям остается рассчитывать в основном на себя.

Следующим важным блоком разработанной методики является вопрос, который был задан жителям лесных поселков в 1998 – 1999 гг.:

Как бы Вы использовали собственный участок леса?

На вопрос отвечали около 200 респондентов. Мы задавали этот вопрос для того, чтобы узнать, во-первых, каким образом собирается население проявлять выраженную инициативу, во-вторых, имеет ли оно представление, что можно делать в лесу и в-третьих, видят ли оно гипотетически себя в роли грамотного собственника.

Результаты, полученные при обработке ответов, показали следующие распределения. Большинство респондентов (около 50%), положительно ответивших на возможность иметь в частной собственности участок леса, воспринимают ее как способ получения дополнительного участка земли. Около половины проявивших инициативу склоняются к расширению личного подсобного хозяйства, то есть хотели бы срубить часть леса, обработать ее под огород, сад, построить дом, баню, хозяйственные помещения. Такая перспектива, на их взгляд, смогла бы решить как жилищно-бытовые, так и материальные проблемы. Несколько респондентов желали бы развивать фермерское хозяйство. Обозначенная группа респондентов может быть идентифицирована как гипотетически активная, чьи установки направлены в сторону крестьянского хозяйства.

Следующая, достаточно многочисленная группа опрошенных жителей (почти 40%), отнесенная нами к гипотетически активной категории, направили бы свою инициативу на заготовку имеющейся на участке древесины с целью получения из нее стройматериалов и дров. Причем, половина из них пустила бы эти стройматериалы и дрова на продажу, остальные собираются полностью использовать полученную древесину на дрова для личного пользова-

ния. Таким образом, инициатива данной группы респондентов хотя и присутствует, но направлена в неэффективное русло, что говорит об отсутствии серьезных рыночных ориентиров. Тем не менее, эту группу можно отнести к гипотетическим лесозаготовителям, но выполнение функций лесопромышленности ими остается под сомнением.

Гипотетическое поведение 5% респондентов связано с предпринимательской активностью, которая направлена не просто на заготовку и продажу леса, а на открытие дела по строительству срубов бань, домов. То есть данная группа занялась бы не только лесозаготовкой, но и деревообработкой. Их рыночная установка более четко выражена, чем у предыдущей группы. Всего несколько респондентов (1-2%) из категории экономически активных, имеющих лесотехническое образование, занялись бы полным циклом лесохозяйственного производства с учетом всех лесоводственных требований на полученном участке, рассматривая его не только как настоящий, но и как будущий источник дохода для себя и для своих детей и внуков. При этом они отдают себе отчет в том, что для реализации подобной задачи нужны не только профессиональный опыт, но и сформированная институциональная среда. Данную группу можно с уверенностью относить к гипотетически активной категории, причем имеющей не только сформированное мнение и готовность действовать в легитимных рамках, но и вполне осознанные рыночные ориентиры. Эта немногочисленная группа жителей лесных поселков, попавших в поле опроса, действительно готова не только рубить лес, но и заниматься лесопромышленностью.

Примерно такая же по численности группа опрошенных жителей лесных поселков (1-2%) предполагает оставить полученный участок леса нетронутым: «Сделаем свой маленький заповедник, будем собирать грибы, ягоды, ловить рыбу». Лесопользование при такой установке может носить рекреационный характер. Серьезные выводы по данной группе делать сложно, хотя номинально она также попадает в категорию гипотетически активных, по формальным параметрам готовых быть собственниками леса. Один респондент выразил готовность организовать на своем участке ту-

ристический центр. Его позиция выглядит достаточно убедительной. Отвечавший совершенно четко представляет объективные и субъективные проблемы, сопровождающие подобную инициативу, но тем не менее он убежден, что она может быть вознаграждена. В данном конкретном случае на лицо гипотетический собственник леса с ярко выраженными рыночными установками.

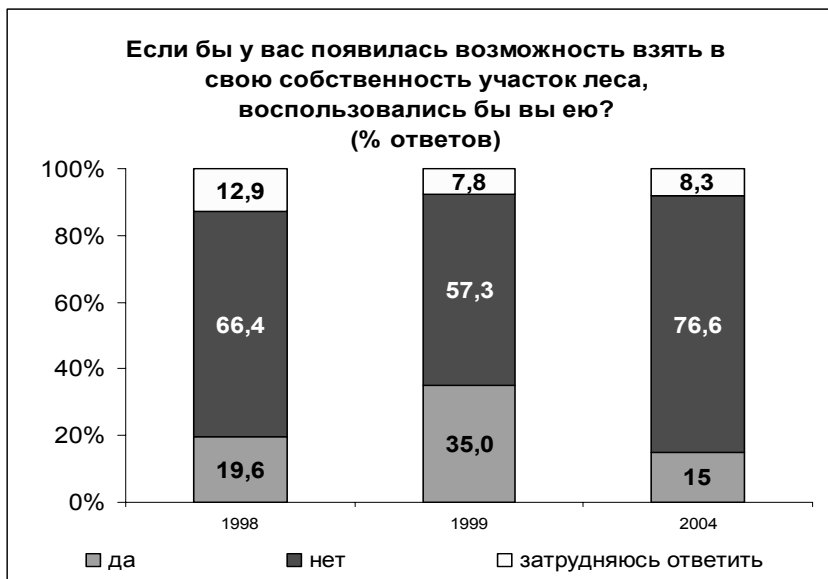
Результаты опроса показали, что гипотетическая активность, которую проявили респонденты, имеет два направления: крестьянское хозяйство и заготовка древесины. Тем не менее, несмотря на то, что участники опроса живут в лесных поселках и их жизнь была постоянно сопряжена с лесным хозяйством, как им заниматься, они плохо представляют. Большинство из них пока еще не готово быть полноправными хозяевами какого-либо лесного угодья, что можно объяснить многими обстоятельствами. Частная инициатива, не только осуждаемая, но и преследуемая в обществе, не может в одночасье появиться у большинства простых людей, которые обычно выполняли не требующую от них серьезных управленческих решений работу. Люди, работающие в лесу, просто делали свое дело – заготавливали лес, вывозили его на тракторах, лесовозах и т.п. и получали свою зарплату.

Советский человек, из которого сформировался сегодняшний российский человек, был отлучен от возможности присвоения результатов своего труда. То есть лес, который он заготавливал, увозился, исчезал. Все решали начальники, они в какой-то мере были приобщены к присвоению некоторой доли результатов, так как брали на себя определенную ответственность. Чем выше был начальник, тем больше доля присвоения. Поэтому власть в СССР имела практически все при общенародной собственности на средства производства, а простой человек не имел ничего, но пользовался лесом как собственностью без ответственности. Такая история определяет поведение многих людей, живущих рядом с лесом, и работающих в нем. Они по природе не могут быть собственниками, и мы понимаем некоторую наивность наших попыток найти эти ростки.

Нужно сказать, что за 7 лет тенденции наблюдаемых процессов, связанных с изменением мотивации в поведении жителей лесных

поселков в отношении их частнособственнических ориентаций на лес, стали существенно изменяться (диаграмма 2.3.11.). Позитивная направленность сначала усилилась (доля гипотетически активных повысилась с 20% в 1997 г. до 35% в 1999 г.), а затем значительно ослабла – до 15 % в 2004 г. Этот спад происходит на фоне снижающегося доверия в обществе. Потеря доли обещанного государством имущества в приватизации, очередной виток кризисов лесных предприятий, неудачи земельной реформы и, наконец, угроза в виде приватизации лесов – все это наслаивалось и наконец вылилось в снижение «социального тонуса» многих лесных поселков. Таким образом, результаты исследования поведения населения лесных поселков Карелии в контексте лесных реформ позволяют говорить, что предпосылки формирования социальной устойчивости в них еще крайне слабы и не имеют внешней поддержки со стороны предприятия и власти.

Диаграмма 2.3.11

В настоящее время активизировалась позиция по отношению к лесоуправлению со стороны предприятий, занимающихся лесопользованием и представителей лесной службы. Среди директоров и специалистов лесхозов превалирует мнение об исключительно единственной форме собственности на лесные ресурсы – государственной. По поводу участия населения в лесовладении лесохозяйственниками были высказаны вполне однозначные негативные мнения.

Как Вы относитесь к частной собственности на лес? Лесхоз в таких условиях останется государственным органом, будет контролировать, но условия диктовать не сможет.

Какие Вы видите преимущества в частной собственности? Хозяин – барин, основа – это отношение человека к своему. У нас ничего не получается с рынком, потому что сознание наше не готово к нему. Надо было сначала изменить отношение к собственности, а уж потом приватизировать предприятия.

Вы бы хотели быть хозяином леса? Конечно, только не в этой стране. Пока не изменилось отношение к лесу у людей, ничего не добьешься. Считаю, что население должно сначала осознать, что такое частная собственность.

Вы как профессионал, можете выделить группу людей, которая бы могла взять лес в частную собственность и хотела этого? Сейчас вряд ли это возможно. Ведь нужно будет обустроить лес, платить за него, нанимать специалистов. Государство должно помогать таким, чтобы лес не просто так рос, а чтобы улучшались его характеристики. А государство не в состоянии это делать. Но думаю, что сертификация нас заставит прийти к этому. (Из интервью директора лесхоза (экспедиция 1998 г.)

Как Вы относитесь к различным формам хозяйствования в лесу? Сейчас это аренда. Как Вы думаете, каким образом в дальнейшем эти формы будут преобразовываться? Я к аренде леса отношусь очень скептически. Аренда леса должна работать минимум 80 лет, то есть возраст спелости древесины. По своей психологии человек не может загадывать так далеко. У нас не-

стабильное общество. Законы меняются очень часто. Поэтому аренда не может быть эффективной. Вся аренда сводится к тому, чтобы взять побольше и сделать вид, что делается очень много. Строительство дорог осуществляется чисто символически. (Из интервью специалиста лесхоза (экспедиция 2000 г.)

Как следует из ответов представителей лесного хозяйства, наше общество не готово к серьезным реформам в лесных отношениях. Для них частная собственность на лес – из области фантастики. Лесная служба как агент государства стремится в вопросах собственности на лес защитить интересы узаконенного на сегодня владельца. Их представители хотели бы видеть себя в основном звене лесоуправления, но вместе с тем они осознают, что необходимы компромиссные формы лесоуправления, которые бы примирили лесхозийственников и лесозаготовителей. То есть необходимость формирования институциональных предпосылок для такого консенсуса весьма актуальна в настоящее время.

Вместе с тем лесхозийственники обеспокоены теми угрозами для общества, которые могут сопровождать новую лесную реформу. Неподготовленная реформа в неподготовленном для этого обществе может вызвать социальный кризис. Наиболее остро встанут следующие проблемы:

- новый криминальный передел лесных ресурсов;
- ослабление природоохранной роли леса;
- разрушение местных органов управления лесами – лесхозов;
- повышение социальной ренты высших чиновников;
- в ситуации несформированного института социальной ответственности получение собственником права запрета посещения гражданами леса.

Таким образом, среди специалистов лесного хозяйства в вопросах формы собственности на лесные ресурсы наиболее распространенными дискурсами являются:

- государственная форма собственности на лес ближе психологии нашего человека
- к частной собственности на лес российское общество не готово.

Несколько отличное мнение по данным вопросам в ходе качественных интервью было получено со стороны директоров леспромхозов. Они также понимают, что условия для введения радикальных правил не созрели, но считают, что арендные отношения должны совершенствоваться, предоставляя больше свободы лесопользователям. Некоторые полагают, что оптимальный срок аренды совпадает с периодом лесовыращивания, что только при таких условиях лесопользователь способен максимально вложить и максимально получить.

Кто у нас в Карелии является хозяином леса? Тот, кто выделяет лесфонд. Это правительство. У них свои интересы, они регулируют конкуренцию за право получить лесосырьевую базу. Многие правительственные структуры подати не платят, имеют огромные долги, а заготовкой занимаются. Если у предприятия или частника есть выход на правительство, они могут свободно работать, ничего не оплачивая. (Из интервью директора леспромхоза, экспедиция 2002 г.).

Результаты качественных интервью показали, что директора наиболее успешных акционированных леспромхозов отводят себе существенную роль в процессе лесопользования. Поэтому достаточно обосновано звучит их мнение о целесообразности наделяния их преимущественным правом лесовладения (имеется в виду специфицированное право собственности – право использования). Первоначальный отрыв от государственной зависимости в определенной степени освободил их от некоторых обязательств, позволил выработать самостоятельную стратегию, поэтому снова попадать в жесткие регламентированные рамки им бы не очень хотелось. С другой стороны, они прекрасно понимают, что в настоящее время без четко сформированной структуры управления лесной комплекс не выживет. На их взгляд, их интерес должен быть обязательно зафиксирован законодательно. Многие директора леспромхозов, которые попали в поле нашего внимания, убеждены, что лесосечный фонд должен выделяться в первую очередь традиционным лесопользователям. Такая не совсем рыночная позиция проявляется не только у руководства нестабильных предприятий. Директора достаточно сильных леспромхозов также не против ослабления конкурентной среды.

Вместе с тем предпосылки для революционных преобразований многие из директоров леспромхозов восприняли не однозначно. Основными преимуществами новой лесной реформы они видят в следующих направлениях:

- осуществление права на аренду через аукционы, а не через решение администрации регионов;
- создание лесного кадастра (прописаны виды лесов, пользователи лесных ресурсов, их права, категории защиты лесов);
- получение дополнительных финансовых средств в государственном бюджете;
- заключение соглашений о передаче функций распоряжения лесными ресурсами с каждым регионом (функции проведения аукционов на предоставление прав аренды);
- возможность приватизации лесов.

Таким образом, для лесопользователя создаются на первый взгляд условия для того, чтобы стать собственником сырьевой базы или, по крайней мере, арендатором с устойчивым положением. В рыночном обществе такое изменение правил, наверное, прошло бы без серьезных социальных напряжений. Но если внимательно разобраться с каждым из указанных направлений реформы, то можно увидеть в каждом из них «подводные камни».

Ни одно из направлений не имеет разработанных механизмов реализации. Ни одна из указанных позиций не имела апробации через общественную дискуссию. В России вообще не принято советоваться с обществом. Именно поэтому столь высока социальная цена многих преобразований. Кроме того, снова встает проблема соответствия принципам устойчивости государственной лесной политики, что влечет за собой трудно разрешимые последствия. Основные проблемы начнутся в первую очередь у жителей лесных поселков, тех людей, которые сегодня живут в состоянии постоянного эксперимента. Но и лесные предприятия при неразработанных механизмах реформы попадут в ножницы противостояния регионального и федерального уровней власти. На фоне обнищания «добытчиков богатства» страны борьба за лесные ресурсы продолжается. Кто же будет победителем? Пока вопрос открыт.

В новой редакции Лесного кодекса определяются новые условия лесных отношений. В проекте закона вполне однозначно читается организованный интерес крупного капитала. В условиях ужесточения правил в системе лесопользования обостряется вопрос социальной устойчивости лесных поселений. Смогут ли население лесных поселков пережить вторую волну реформ и адаптироваться? Поможет ли ему зарождающаяся социальная активность? В данном контексте актуализируются вопросы поиска управленческих механизмов, способных привести к консенсусу интересы государства, бизнеса и социума.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ЛЕСНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ

3.1. Роль лесного бизнеса в социально-экономическом развитии лесосырьевого приграничного региона (на примере Республики Карелия)

Республика Карелия, обладая мощным стратегическим запасом лесных ресурсов и занимая выгодное геополитическое положение, тем не менее, к настоящему времени не вышла на уровень региона с высоким качеством жизни населения. Ведущий сектор промышленного производства – лесная экономика – не создает добавленной стоимости, необходимой для достойного уровня жизни жителей республики. То есть лесная экономика, работая на принадлежащих всему обществу природных ресурсах, не обеспечивает компенсацию за их использование. Данный контекст актуализирует исследования процессов, связанных с формированием новых качественных моделей регионального развития, основанных на современных общественных концепциях.

Прежде, чем рассматривать возможные перспективы развития приграничного лесосырьевого региона, попытаемся проанализировать существующие социально-экономические проблемы его лесного сектора. Республика Карелия является одним из многолесных регионов России. Запасы его лесных ресурсов составляют 910 млн. куб.м., в т.ч. по хвойному хозяйству – 818 млн. куб.м. или 1,3% лесных ресурсов России [37]. На сегодняшний день в республике осваивается более 70 % расчетной лесосеки, что является одним из самых высоких показателей среди субъектов Российской Федерации [13].

В структуре промышленного производства республики *лесная экономика* занимает ведущее место – ее доля составляет более

55%. Экспортная составляющая продукции лесного сектора Карелии превышает 60%. Карелия производит бумаги – 22,6% общероссийского производства (в СЗФО – 37,7%, 1 место), деловой древесины – 6,1% (в СЗФО – 16,3%, 4 место), пиломатериалов – 4,3% (в СЗФО – 15,7%, 2 место) [там же].

Однако роль лесной экономики в формировании консолидированного бюджета Республики Карелия сократилась за последние пять лет с 30% до 13% и в настоящее время продолжает снижаться. Тем не менее, 44% экономически активного населения, занятого в промышленности, работает на лесных предприятиях [13]. Таким образом, лесная экономика пока не уступила своих традиционных позиций ни одному другому сектору экономики. Она является ведущей в экономической и социальной сфере региона и представлена предприятиями лесозаготовительной, целлюлозно-бумажной, лесопильно-деревообрабатывающей и мебельной промышленности. Несмотря на лидирующие позиции, лесная экономика находится в не достаточно устойчивом состоянии. Сегодня по оценкам экспертов, 85% лесного бизнеса Карелии убыточно, что обусловлено целым спектром проблем его функционирования.

Во-первых, это экономические проблемы. Как и все отрасли экономики, лесной сектор Карелии прошел полосу кризиса и испытал мощнейший спад производства. В результате большинство предприятий пока не смогли выйти на дореформенный уровень. Сегодня производство деловой древесины достигло лишь 60% уровня 1991 г., пиломатериалов – 41%, целлюлозы – 62% [36, 37]. Несмотря на постепенное выравнивание экономического положения, многие лесные предприятия ограничены в оборотных средствах, что не позволяет осуществлять техническое перевооружение при очень высоком уровне изношенности основных фондов. В результате страдает качество продукции. Наиболее остро эти проблемы стоят перед деревообрабатывающими предприятиями. Так, только 57% от общего объема поставок пиломатериалов Карелии соответствует экспортным ГОСТам. В результате снижение цены составляет 5-25\$ за 1 куб.м. [68].

Это увеличивает сырьевую направленность и не стимулирует модернизацию, не способствует росту торгово-экономического рейтинга республики. Из-за невозможности в настоящее время выполнять требования, предъявляемые рынком по качеству и спецификации, практически потерян рынок Германии и Канады. Поэтому рыночное поле существующего экспорта «карельских» пиломатериалов сужается до рынков не столь требовательных (к примеру Египет), а соответственно падает и цена на пиломатериалы, поскольку они являются полуфабрикатами для деревообрабатывающих предприятий западных стран [там же].

Лесозаготовительным предприятиям не хватает инвестиций для строительства лесных дорог. Действующему лесозаготовительному предприятию, располагающему соответствующими производственными мощностями для промышленного освоения лесного фонда и расчетной лесосекой по аренде, необходимо ежегодно строить в среднем до 25 км лесных дорог. Данные затраты отрицательно отражаются на себестоимости, рентабельности и, в итоге, конкурентоспособности лесной продукции на внешнем и внутреннем рынках. Кроме того, низкий уровень рентабельности лесозаготовительных предприятий во многом определяет высокая доля ручного труда на лесозаготовках.

Одна из важнейших проблем лесной экономики состоит в том, что в настоящее время лесосырьевые запасы Карелии начинают истощаться. Структура лесного фонда не отвечает современным экономическим требованиям. По данным Гиряева М.Д., в лесах северо-запада России за последние 35 лет произошло резкое снижение доли спелых и перестойных хвойных древостоев и увеличение доли молодняков и средневозрастных насаждений [43]. Например, в Карелии площадь спелых и перестойных насаждений сократилась с 66% в 1966 г. до 33% в 2000 г. Кроме того, отмечается низкий удельный вес приспевающих насаждений. В лесном фонде Карелии запас на 1 га перестойных древостоев меньше запаса спелых на 13 куб. м, приспевающих – на 56 куб.м. Перестойные насаждения повреждены стволовыми гнилями и имеют низкую товарность. Выход деловой древесины в ряде лесосек по хвойным породам

составляет не более 60%, по лиственным – значительно ниже [37, с.7]. Данные предпосылки способствуют недоосвоению расчетной лесосеки, что ведет к сокращению платежей в бюджет, сокращению объемов лесопиления, производства бумаги и т. д.

Такая диспропорция связана с тем, что освоение лесных массивов на протяжении многих лет происходило в наиболее продуктивных лесах и постепенно перемещалось в менее производительные насаждения. «За счет длительного «скрытого» (в пределах расчетной лесосеки) переруба спелых высокопродуктивных хвойных древостоев определилась устойчивая тенденция накопления в лесном фонде низкопродуктивных, экономически не рентабельных спелых и перестойных насаждений» [37, с. 13-15]. Результатом такой политики стали современная структура и состояние лесного фонда Карелии. Экономически не доступные насаждения составляют более половины площади лесных ресурсов Карелии. Так называемая маргинальная ситуация в системе лесопользования требует поиска новых как финансовых, так и институциональных ресурсов.

Помимо экономических существует мощнейшая социальная проблема лесной экономики. Лесной бизнес, в силу традиций неся высокую социальную нагрузку, сегодня не выполняет необходимых функций по жизнеобеспечению лесных поселков. Современное состояние лесных поселков Карелии – это следствие широкомасштабной государственной лесной политики 30-50х гг. 20 века, нацеленной на максимальное использование лесосырьевых запасов региона вахтовым методом. Такая политика обусловила слабое развитие социальной инфраструктуры, что в свою очередь лишило население лесных поселков многих благ, которые были доступны горожанам и жителям аграрных поселений. Вместе с тем труд в лесу был высокооплачиваемым и поэтому привлекательным, несмотря на недостатки сферы жизнеобеспечения и обслуживания. В 70-80-е гг. социальное состояние лесных поселков постепенно ухудшалось, а к началу 90-х гг., что совпало с началом экономических реформ в России, достигло своей критической точки [57].

В настоящее время лесной сектор, несмотря на ключевые позиции в экономике, не способен обеспечить достойную жизнь местному населению. В настоящее время основными социальными проблемами лесных поселков являются: низкий уровень жизни населения, отсутствие работы, ограниченные возможности реализовать свой потенциал, отсутствие благоустройства, плохое жилье, отсутствие социального обслуживания, отсутствие всякой перспективы для молодежи и подростков, отсутствие досуга, плохое транспортное сообщение. Лесные поселки в большинстве своем стали непригодными для жизни людей. И если учесть, что тяжелый труд в лесу, к которому привыкли жители лесных поселков, не способствовал развитию личного подсобного хозяйства, а если быть точнее, вообще отбил всякую охоту работать на земле, то причины маргинализации целых лесных поселков становятся более ясными.

Острые социальные проблемы лесных поселков объясняются многими обстоятельствами. Во-первых, само экономическое положение градообразующих предприятий: многие из них прошли через полосу банкротств, а некоторые до сих пор не восстановились после кризиса. Во-вторых, несформированная институциональная среда: отсутствие адекватного законодательства не обеспечивает социальной ответственности бизнеса. Даже в поселках, где социально-экономическое положение лесных предприятий стабильно, уровень жизни жителей остается крайне низким. Руководители многих успешных предприятий осуществляют антисоциальную политику: проводятся незаконные увольнения, шантажируются работники предприятий, нарушаются права акционеров, обманном путем скупаются акции и т.п. Жители лесных поселков становятся заложниками такой политики [57].

Многие проблемы лесного бизнеса связаны с конъюнктурой рынка. Фактор приграничности в период рыночных преобразований стал ключевым в переориентации лесного сектора экономики Карелии с внутреннего российского на мировой рынок. Высокие мировые цены на пиловочник и отсутствие сильных вертикальных структур в лесной экономике предопределили

отрыв лесозаготовительных предприятий от внутреннего рынка и их ориентацию на экспорт сырья. В настоящее время не только сами лесозаготовители, но и региональная власть заинтересованы в закреплении этой модели развития.

Результаты анализа современного экономического положения Республики Карелия позволяют говорить о том, что экономика региона испытывает серьезные структурные проблемы. Экспортная структура Карелии за прошедшие несколько лет практически не изменилась и состоит в основном из продукции низкой степени переработки и сырья. То есть сырьевая специализация продолжает закрепляться. Так, доля экспортных поставок деловой древесины в экспортной составляющей региона по сравнению с 1995 г. увеличилась в 2 раза, а пиломатериалов – лишь в 1,3 раза. Высокий удельный вес экспорта делает Карелию зависимой от межгосударственных отношений России и европейских стран. Такая ситуация не может эффективно влиять на структуру экономики [44].

Приходится констатировать, что в настоящее время Карелия в силу исторически сложившейся экономической и политической конъюнктуры является сырьевой провинцией Северо-запада России. Нужно отметить ряд правительственных инициатив, направленных на изменение соотношения в структуре лесной экономики посредством таможенной и налоговой политики.

Как экономические, так и социальные проблемы лесной экономики Карелии вплетены в институциональные контексты. Настоящее время характеризуется быстро изменяющимся институциональным пространством, в котором функционирует лесная экономика. Во-первых, изменяется организационно-правовая структура бизнеса – от самостоятельного предприятия, корпорации (как вертикальной, так и горизонтальной) до бизнес-контуров, не имеющих институциональной оформленности. Следует сказать, что в настоящее время лесной бизнес региона не консолидирован, развитием лесного сектора в целом никто не управляет. В виду разрозненности лесных предприятий отсутствует скоординированная система рациональной организации потоков ле-

соматериалов. Большое влияние на ситуацию оказывает политика финских ЦБК, перерабатывающих значительную часть древесины, заготавливаемой в Карелии: в Финляндию вывозится 95% необработанных лесоматериалов, 29% – обработанных лесоматериалов, 21% – целлюлозы.

Во-вторых, происходит трансформация лесного законодательства – за 15 лет принципиально изменилась организационная система лесопользования от распределения по лимитам, краткосрочной, долгосрочной аренды до (и это реальная перспектива) частной собственности на лес. В данном контексте возникают проблемы формирования института прав собственности на лесные ресурсы. Несовершенный институт создает прецедент борьбы за лесные ресурсы. «Бизнес стремится получить лесосырьевую базу и «выжать» из нее максимальную прибыль любыми средствами без учета общественных интересов. Региональная власть проводит политику давления на бизнес через «шантаж» не дать лесосырьевую базу. Лесная служба пытается проводить политику рационального лесопользования через тот же «шантаж» бизнеса штрафными санкциями. И только местное сообщество питает иллюзии по поводу перспектив повышения своего благосостояния от лесного богатства республики» [56].

В формате данных институциональных процессов существенно трансформируется качественная модель региона как социально-экономической системы. Республика Карелия находится в состоянии выбора (бифуркации) – продолжить путь сырьевого региона, в результате потеряв не только природные ресурсы, но и человеческий капитал или выйти на социальные модели развития. Под социальными моделями понимаются концепции регионального развития, ориентированные на поддержание устойчивости социума.

Социальное неблагополучие лесных поселков и неэффективная лесная экономика – звенья одной цепи. Как считают эксперты Центра стратегических разработок Санкт-Петербурга, «Функционирующие в Карелии лесные производственные комплексы являются хвостами технологических цепочек, развернутых за пределами России.

Коридоры развития имеют в основном сырьевую направленность. У каждого их коридоров развития свои системы опорных пунктов на территории, свои пути и способы коммуникации. Это накладывает отпечаток на развитие инфраструктур и населенных пунктов территории, а главное, объективно приводит к фрагментации данного пространства, отсутствию планов и программ его сборки, *а также субъекта, заинтересованного в ней и способного ее осуществить*. Части этого пространства в качестве сырьевых провинций включаются в чужие коридоры развития, а не попавшие в них территории теряют технологии, людей, инфраструктуры, населенные пункты» [11, с.18].

Сможет ли Карелия в контексте межстрановых трансформаций, связанных с глобализационными процессами, найти свой «коридор» развития? Кто будет тем заинтересованным субъектом, готовым использовать все имеющиеся шансы на повышение качества региона? Каковы основные механизмы включения стратегического региона России в мировую социально-экономическую матрицу?

Данные вопросы предполагают продолжать анализ в контексте логики трансграничного регионализма. Региональное приграничное сотрудничество как стратегия, способствующая политической и экономической независимости, широко поддерживается в Европе. «Регионализация» и «институционализация» являются ключевыми понятиями концепции приграничного сотрудничества. В этом контексте еврорегионы – локальные примеры такого сотрудничества – формируются как средство обеспечения продолжения и стратегического направления сотрудничества.

Основной целью формирования трансграничных регионов является превращение приграничных, периферийных, районов в рамках государственных территорий в интегрированные, взаимодополняющие районы, приобретающие функции передатчика новой информации, опыта и т.д. «Современные потоки финансов, технологий, информации, товаров, рабочей силы, хотя и имеют определенную пространственную локализацию, но, тем не менее,

не могут быть «присвоены» ни одним из географических ландшафтов. Они принципиально трансграничны» [55].

Поддержка Европейским Союзом приграничного сотрудничества обусловлена многими стратегическими целями. В их числе возможность открытия новых рынков, интересы европейской безопасности, политической стабильности и экономической сплоченности, *возможность избежать негативных последствий конкуренции между регионами* и, в преддверии вступления в ЕС государств Восточной Европы, развитие национальных / региональных экономик в постсоциалистических странах. Для достижения этих целей поощряется создание различных межгосударственных органов с обязательствами координировать приграничное сотрудничество. Особенно приветствуется создание еврорегионов и трансграничных ассоциаций местных самоуправлений [82].

В настоящее время на формальном уровне Карелия включилась в процесс трансграничной регионализации. Объединение трех региональных союзов Финляндии (Северная Карелия, Кайнуу и Северная Остерботния) и Республики Карелия, получившим название еврорегион «Карелия», является в некотором роде «прообразом» трансграничного региона. Данная модель может претендовать на жизнеспособность в адекватных институциональных рамках. Концепция еврорегиона «Карелия» (1999 г.), Устав еврорегиона (2000 г.), создание исполнительного комитета, создание фонда – это инициативы, ориентированные на формирование таких институциональных рамок. Основные цели создания еврорегиона «Карелия» [93]:

- создание условий для взаимодополняемости различных ресурсов (природных, экономических, трудовых);
- постепенное сглаживание различий в уровне и качестве жизни по обе стороны границы;
- сохранение культурного наследия;
- оптимизация таможенной и транспортной инфраструктуры вдоль 790 км линии карельского участка государственной границы.

Мировая практика трансграничного сотрудничества предполагает взаимодействие между равноценными партнерами. В случае

с Республикой Карелией формирование экономических связей, к сожалению, пока связано с неравноценностью положения участников трансграничного сотрудничества. Продолжается давление на лесной бизнес со стороны сопредельной Финляндии. Подобная ситуация может привести к деструктивным воздействиям на социально-экономическую устойчивость региональной экономики, в частности к экстенсивным формам лесозаготовки, к эмиграции квалифицированной рабочей силы в нецивилизованных формах, импорту низкотехнологичного оснащения, экспорту капиталов и т.п.

Вместе с тем в контексте вступления России в ВТО данные процессы могут быть в некоторой степени смягчены. Основанная цель ВТО – заложить основу свободной торговли без элементов протекционизма как на национальном, так и на международном уровне. Главная задача деятельности ВТО заключается в установлении для всех стран мира общих правил и процедур, касающихся как можно большего числа групп продуктов и услуг в пределах торговли [29].

Россия должна будет принять эти правила, иначе ее туда просто не примут. Но пока идут переговоры, не только на национальном, но и региональном уровне должна быть выработана адекватная ситуации стратегия действий. Карелия, не просто как приграничный с ЕС регион, а как трансграничный регион, может использовать свой шанс при вступлении России в ВТО. Причем, чтобы не продолжить путь сырьевого придатка, чтобы не стать сырьевой провинцией ЕС, региональная власть и региональный лесной бизнес должны выработать единую систему правил для успешной реализации внешне-торговой деятельности. Одно из важнейших направлений лесной политики Карелии должно быть связано с разработкой региональной системы лесной сертификации или максимальное использование уже разработанных в других регионах стандартов.

Данное направление мировой торговли развивается в контексте концепции устойчивого развития. Лесной сертификат свидетельствует о том, что продукция заготовлена без ущерба природе и социальной сфере. Независимая лесная сертификация дает существен-

ные преимущества, которые являются гарантией устойчивого развития лесного бизнеса, гарантией долгосрочных контрактов с солидными партнерами, а значит, и гарантией устойчивого сбыта продукции в перспективе, то есть повышает его конкурентоспособность.

Следует сказать, что крупнейшие мировые лесные компании активно включились в процесс сертификации лесов. Европа сертифицировала практически все леса. Россия тоже включилась в этот процесс. В настоящее время в России сертифицировано около 9 млн. га леса. Наиболее активно этим занимаются лесные компании Архангельской и Иркутской областей, а также Республики Коми и Красноярского края [48].

Республика Карелия занимает пассивную позицию, что может дорого обойтись ее лесному бизнесу. В данной ситуации можно предположить, что экономически слабый и институционально незащищенный лесной бизнес Карелии не готов сегодня выходить на социально ответственные модели поведения. Хотя данный вопрос требует дополнительных исследований.

«Лесная сертификация – это инструмент конкурентной борьбы: хочешь оставаться на рынке – организуй свое хозяйство и производство экологически и социально ответственно» [52]. В данном контексте встает закономерный вопрос, готов ли лесной бизнес Карелии интегрироваться в цивилизованный мировой рынок с учетом всех его требований или ему достанутся его окраины со всеми вытекающими последствиями.

3.2. Адаптация предприятий лесного сектора Карелии к рыночным условиям: институциональный анализ

Говоря о тех факторах, которые повлияли на степень готовности лесных предприятий к новому хозяйственному устройству на период начала реформ, можно констатировать, что их вхождение в рыночное пространство было отягощено недостатками деформированной плановой экономики и полным отсутствием рыночной мотивации. На момент акционирования лесная экономика характеризовалась неэффективностью управления, низкой рента-

бельностью, низким техническим и технологическим уровнем производства, отсутствием стимулов для роста. Нужно сказать, что в условиях институционального перехода лесные предприятия стали некой «опытной площадкой», демонстрирующей степень эффективности или неэффективности формирующихся институтов. То есть все «проколы» реформ в полной мере испытали на себе именно предприятия. Они стали проводниками неэффективных институтов, которые отразились в моделях их поведения, свидетельствующих о разных представлениях и стратегиях социально-экономического развития. Данные стратегии во многом определяются не только профессионализмом и наличием или отсутствием рыночной мотивацией у менеджеров, но и объективными причинами.

В представленном исследовании осуществлена попытка выяснить не только, как и какие институты регулируют реальное поведение экономических субъектов лесной экономики Карелии, но и спрогнозировать их готовность включаться в реструктуризацию. Под реструктуризацией понимается процесс, связанный с изменением структуры производства в отношении его основных факторов – капитала, труда и ресурсов. Непосредственно для предприятий это означает включение рыночных механизмов во взаимодействие с другими участниками лесных отношений – партнерами, банками, местными сообществами и властью. Основной методический прием исследования связан с определением поведения как набора действий, включающего: информацию, которой обладают предприятия в своем положении; результаты, на которые они ориентируются и оказывают влияние своими действиями; а также затраты и выгоды, которые они ожидают и получают в процессе своих действий. Напомним, что для анализа были использованы данные формализованных и глубинных интервью с руководителями лесных предприятий Карелии в период 1997-2004 гг.⁵ По значимо-

⁵ Для анализа использованы данные 38 формализованных и 27 глубинных интервью лесных предприятий Карелии, куда вошли леспромхозы, лесозаводы, деревообрабатывающие комбинаты, целлюлозные заводы. В ряде случаев, это были комплексы – лесозаготовка-лесопиление.

сти с точки зрения институциональных процессов этот период можно идентифицировать, как переходный между двумя лесными реформами. В 1997 г. в России был принят действующий сегодня Лесной кодекс. В 2004 г. начались активные государственные шаги в сторону разработки нового лесного законодательства. Кроме того, именно в этот период оформились инициативы мирового сообщества по ужесточению требований к лесопроодукции стран экспортеров, и началась реализация идей лесной сертификации.

Самый первый взгляд на полученный эмпирический материал позволяет говорить о том, что исследуемые лесные предприятия можно разделить на два больших типа – выживающие и реформаторы. В рамках данных типов представлены традиционные предприятия; их правопреемники – новые предприятия, созданные на основе обанкротившихся традиционных; новые, выкупившие имущество у обанкротившихся и новые лесные компании. Следует сказать, что данный исторический контекст вносит определенный вклад в выбор модели поведения предприятий. Кроме того, одним из факторов, определяющих во многом успешность и «рыночность» поведения предприятий, является их географическое положение. Весь лесной бизнес Карелии разделился на экспортно ориентированный и ориентированный на внутренний рынок.

Забегая вперед, можно сказать, что как среди выживающих, так и среди реформаторов встречаются и так называемые «государственники», и «рыночники». Причем, есть достаточно оснований экстраполировать эту ситуацию на весь лесной сектор экономики не только Карелии, но и России. Через эти типы поведения проявляется путь лесного предприятия от централизованной экономики к рыночным моделям. Тот набор показателей и элементов институциональной структуры, который в большей степени повлиял на поведение предприятий, включает следующие позиции:

- стратегии развития производства;
- кадровая политика;

- схемы получения сырья;
- рынки сбыта;
- деловая практика.

При анализе учитывалось переходное состояние не только экономики, но и социальной системы в целом. Это предполагает высокий риск со стороны предприятий, которые принимают решения в условиях неопределенности институциональной среды и неуверенности в будущих выгодах.

Стратегия развития производства и кадры. Первый и основной параметр связан непосредственно с теми процессами, которые характеризуют изменение количественных и качественных составляющих производства. Следует сказать, что лесной сектор с началом рыночных реформ, как и другие отрасли экономики, оказался в кризисной ситуации. Однако, говоря о снижении производства в переходный период 90-х гг., необходимо вспомнить, что снижение заготовок начало ограничивать развитие лесной промышленности еще в 70-е годы, изначально сдерживая производство пиломатериалов в бывшей Советской Карелии, позже и целлюлозно-бумажная промышленность испытала недостаток поставок сырья. Государственная статистика говорит о том, что спад производства лесных отраслей составлял от 50 до 80%. Результаты нашего исследования показали, что более, чем у 40% обследуемых предприятий физический индекс объема производства по сравнению с периодом начала реформ составил менее 0,5. У 2/3 предприятий этот показатель варьирует от 0,5 до 0,9, и только 2-3 % предприятий вышли на дореформенный уровень по объему производства. Одним из важнейших параметров производства является кадровый потенциал. И это достаточно серьезная проблема современного лесного производства. По статистике, практически в 2 раза сократилась численность работающих лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслей, а также существенно колебалась численность в целлюлозно-бумажной промышленности. За годы реформ на исследуемых нами предприятиях численность работающих сокращалась, но более медленными темпами, чем производство. В целом, несмотря на мощнейший финансовый кризис, массового высвобождения работающих не последовало. Западные эксперты оценивают это обстоятельство как не

вписывающееся в рыночную логику – адаптации к новым рыночным условиям не происходит. Тем не менее, даже самые рыночно настроенные менеджеры понимали, что на момент «обвала» производства и уровня жизни нельзя допускать массового сокращения работающих на лесных предприятиях, иначе это чревато социальными взрывами.

Качественный анализ уже на уровне производственных характеристик обследованных лесных предприятий и тех стратегий, которые выбрали для себя менеджеры, позволяет наблюдать формирование их мотивации и в некотором приближении оценивать степень ее «рыночности».

(Экспедиция 1998 г.). «Планы были «наполеоновские». Но в итоге стало ясно, что вся эта производственная структура попросту неработоспособна. Так как технология здесь просто древнейшая – хлыстовая заготовка. Необходимо возить хлысты, а основной зимний лесфонд находится в другом поселке, который в один конец пути – 110-120 км. Тащить 20 кубометров один раз в день на такое расстояние – это называется «возить воздух». К сортиментной заготовке мы приступить не можем, так как это требует огромных капиталовложений, превышающих стоимость леспромхоза. Это означает закупку новой техники, например сортиментовозов. Стоимость одного сортиментовоза около 150 тыс. долларов. Сейчас мы уже знаем, на что можно и как тратить деньги. Теперь мы знаем, что предприятие в таком масштабе сразу не надо раскручивать. Здесь надо менять технику, технологию и начинать с небольшого производства. Лесозаготовку мы развивать будем, а лесопереработку – нет, так как завод требует реконструкции. Кроме того, здесь в свое время был причал. И если еще его восстановить, тогда мы получим возможность паромных партий пиломатериалов (с реконструированного завода) в любое место. И уже будем не так зависеть от железной дороги. Это наши перспективы. Лесопильный цех пилит около 10-15 кубометров в смену обрезаемого пиломатериала, а раньше завод пилил в смену 200 кубов. Большие объемы там выпускать не имеет смысла, так как вывезти мы не сможем. Они выпускают там все, что здесь выпускал завод, за исключением

столярной продукции, потому что в наше время никому не будут уже нужны тысячи рам, дверей. Необходимо проводить заготовку по новой технологии и на новой технике. А затем, когда будем получать прибыль, начать переработку. Но опять же проблема – в людях. Хорошие специалисты ушли в более высокооплачиваемые организации: на железную дорогу, в связь, в энергосети. А чтобы они вернулись обратно, нужно предложить им здесь не меньше, чем они там зарабатывают. Для этого нужно наладить производство и сбыт. И нужно стабилизировать работу сначала в небольшом объеме, а потом говорить о развитии. Кардинальный вопрос – это менять формы оплаты и организацию труда. Для того чтобы минимальным составом выполнять все необходимые работы. А вторая задача – сократить численность до минимума и перейти на прием людей по договору – на конкретную работу, под конкретные объемы и оплату».

Представленный фрагмент интервью иллюстрирует серьезную рыночную мотивацию со стороны руководителя. Несмотря на ситуацию нестабильности и даже высокого риска (к этому времени рынок лесопродукции неоднократно колебался), руководитель намерен проводить политику изменения структуры производства в сторону эффективного размещения производственных мощностей и радикальные кадровые перемены. Нужно сказать, что данное конкретное предприятие в силу географического положения ориентировано на внутренний карельский рынок лесопродукции. Эта дополнительная проблема будет решаться благодаря развитию своей переработки. И это вполне оправдано сегодня. Как показала практика, лесозаготовка у большинства предприятий Карелии остается нерентабельной до настоящего времени.

Другое интервью, напротив, демонстрирует позицию «государственника» в отношении развития производства, хотя в его размышлениях присутствует вполне здравый смысл. Не квалифицированность менеджмента, отсутствие маркетинга, оппортунизм со стороны деловых партнеров в условиях отсутствия ясных «правил игры» спровоцировали финансовый кризис и как результат спад производства многих лесных предприятий.

Как Вы считаете, смогут эти заводы подняться? Мое мнение – там ждать нечего. Там остались такие люди, которые работать не будут. Низко квалифицированные, пьющие, предпенсионного возраста. Растерян интеллектуальный потенциал. Когда-то лесозаводы были экспортно ориентированными предприятиями. Вся Западная Европа была обеспечена их пиломатериалами. Как Вы думаете, за счет чего эти предприятия раньше были такими успешными? Раньше продажей пиломатериалов на экспорт централизованно занимался Карелесозэкспорт. Это делали квалифицированные специалисты. Когда каждый стал заниматься маркетингом и продавать лес, кому придется, начались проблемы. На первых этапах этого ничем нерегулируемого процесса выплыло много нечестных дельцов, которые заключали липовые договоры, получали лес или пиломатериалы и исчезали. С 1993 г. был ослаблен контроль над предприятиями, им была предоставлена самостоятельность, которая позволила некоторым директорам банально воровать. Нельзя нашим людям давать столько свободы». (Экспедиция 1999 г.).

Несмотря на то, что речь идет о приграничных предприятиях, они, тем не менее, остаются в ранге не просто выживающих, а «умирающих». И здесь вскрывается еще один дифференцирующий признак – отраслевая направленность предприятия. Как показала практика, лесозаготовительные предприятия оказались более мобильными, чем лесозаводы. Тяжелое фондоемкое производство лесозаводов, в отличие от леспромхозов требовало не сопоставимо более высоких инвестиционных вложений для модернизации. Как правило, приграничные леспромхозы и использовали это преимущество. В результате, даже на изношенной производственной базе «поднявшись на первых шагах жизни в рынке» через торговлю с Финляндией, они в дальнейшем начали диверсифицировать производство, выходя на лесопиление и деревообработку.

Как считают некоторые эксперты, во многом успешность предприятия зависит от грамотности, компетентности и мобильности менеджера. **«Вы считаете, руководство АО выбрало правильную стратегию? И это больше всего повлияло на то, что**

предприятие имеет сильное положение? Я считаю, что руководитель АО – сильный, энергичный. Он правильно сориентировался в новых условиях. Верно выработал стратегию развития предприятия. Мы живем в лесу. Наша основная деятельность – лесозаготовки. Не нужно шарахаться в другие сферы. Начались проблемы с сырьевой базой, директор моментально сориентировался. Мы начали делать проходные рубки. Здесь есть широкий фронт работ». (Экспедиция 1999 г.)

В настоящее время на рынке лесопродукции Карелии достаточно активным оперантом является акционерная холдинговая компания «Кареллеспром», контрольный пакет акций которого принадлежит государству. Чтобы лучше представлять его современную роль в системе лесных отношений, нужно обратиться к истории. В 1986 г. в Республике Карелия было создано Государственное объединение Кареллеспром, которое слило воедино организации управления лесами с заготовительными и перерабатывающими предприятиями, а также другие организации, занимающиеся лесным хозяйством и внешней торговлей. Роль Кареллеспрома изменилась в процессе приватизации, произошла его реорганизация в холдинговую компанию, что отразилось на функциях – от центрального организатора всей лесной отрасли в регионе к консалтинговой и торговой компании. Институт «спецэкспортеров» был разрушен после либерализации внешнеэкономической деятельности, но Кареллеспром сегодня контролирует 50-60 % экспорта лесопродукции.

«Кареллеспром» имеет акции в нескольких лесозаготовительных и лесоперерабатывающих предприятиях Карелии, кроме того, управляет государственными акциями в некоторых других компаниях. Среди дочерних предприятий «Кареллеспрома» есть как вполне экономически успешные, так и абсолютно «безнадежные». Главным фактором успешности этих предприятий является приграничное положение. Так, предприятия, удаленные от границы, на сегодня продолжают оставаться в состоянии стагнации. *«Мы сегодня работаем по услугам Кареллеспрома – оказание услуг по заготовке. Мы производим заготовку леса, передаем Кареллеспрому, и за это предприятие получает деньги. За счет этого на сего-*

дняшний день предприятие и существует. То есть направление очень-очень узкое – один вид деятельности. Мы бьемся, бьемся, и все на месте или того хуже. Ведь наш край должен кормить людей. Он так богат лесами, как никакой другой район Карелии. Нужно расширять производство, нужно его диверсифицировать, а руководство как будто не понимает». (Экспедиция 2004 г.).

Несмотря на все попытки руководства холдинга, усилия бесконечно меняющихся руководителей предприятий производство остается убыточным. «Сейчас у нас работает 350 человек, было 1200 – это когда мы заготавливали 400 тыс. куб. А в этом году, в лучшем случае, мы заготовим 70 тыс. куб. В 5 раз у нас сокращение лесозаготовок и в 3 раза уменьшилось количество работающих. Сегодня острая проблема – специалисты лесопромышленного комплекса. И руководителя найти проблема, и мастеров проблема найти, и среднее звено – везде проблема. Выскивать среди рабочих таких вот деятельных людей немножко как бы более грамотных почти невозможно. Даже есть у меня мастера, которые руководят процессом без образования среднетехнического. Вы знаете проблема, в чем еще. Проблема в том, что молодежь после обучения в большом городе – Петрозаводск для поселка очень большой город – она, как правило, не хочет возвращаться назад в поселок. Слишком уж у них разный жизненный уровень. Не все же рыбаки, не все же охотники, да. Не все любители выйти на природу. Я с директором школы в мае перед экзаменом буквально говорил. Есть способные ребята, у которых родители не могут дать образование. Я готов заключать договора с условием, что предприятие берет на себя ответственность по обучению, но эти ребята, эти люди возвращаются обратно. Начались экзамены в учебное заведение, но ни один ко мне не пришел» (Экспедиция 2004 г.).

Как образно выразился один из специалистов холдинга, «Попытки восстановить производство на данных предприятиях равносильно попыткам реанимировать умершую лошадь». Несмотря на перманентный кризис данных предприятий, совершенно отчетливо просматривается политика холдинга на сохранение монопроизводственной структуры, что существенно снижает рыночные па-

раметры предприятий. В такой ситуации политику холдинга можно рассматривать в качестве фактора, сдерживающего развитие производства.

На самом деле холдинг демонстрирует и другие, более эффективные модели управления, хотя они в большей степени связаны с фактором «приграничности». Так, одно из приграничных предприятий холдинга, совмещая лесозаготовку с переработкой, вполне успешно занимается торговыми операциями с западными партнерами, в большей степени с финнами. Это единственное предприятие, участвовавшее в опросе, директор которого оценил свое экономическое положение как благополучное. *«В прошлом году чистая прибыль составила 23 млн. руб. Постоянно модернизируемся. Мы перешли на новые технологии: более 75% леса заготавливается и вывозится сортиментным способом. Вот вчера в лес завезли трактор, он стоит 11,5 миллионов рублей. Последняя модель: лучше нет. Все более современное. Конечно, мы держимся благодаря тому, что во время успели. Рассчитываем расширяться, в том числе в сторону переработки, и уже в этом есть заделы – работает лесопильный цех. И Карелеспром – надежная защита».* (Экспедиция 2003 г.).

Эти два противоположных примера свидетельствуют об отсутствии четкой стратегии развития холдинговой компании «Карелеспром». И здесь есть определенные объяснения. Холдинг не является вполне самостоятельным рыночным агентом. Являясь проводником государственной политики, он порой демонстрирует несостоятельность государства в вопросах реструктуризации лесного производства в Карелии.

Рассмотрим еще один образец производственного «строительства», основанного на чисто рыночной рациональной идеологии. *«Переработка в Карелии недостаточная. Доска низкого качества. Если примитивно, круглый лес стоит 30-40\$, доска 100-120\$, мебельная плита – 600\$, мебель – 1000\$. Вот этот путь, который надо пройти. Сколько он займет лет 10-20, это зависит от того, кто придет. Можно делать окна, двери, хорошую бытовую продукцию. Это плохо, что ли поставлять окна и двери в Петербург?»*

Если бы мы могли получать 1000\$ за куб, мы бы не знали, куда деньги девать. Все надо делать поэтапно. Я сначала научился работать с корой и опилками. Я продаю кору, опилки, из горбыля делаю доску, щепу. Отходы, которые везде выбрасывают, дают у нас 30% финансовых поступлений. Кора и опилки продаются на топливо, щепа – на целлюлозу (щепка делается из горбыля, который обычно выкидывается). В городе все котельные переделаны на отходы деревообработки. Для меня это выгодно, никакой транспортировки, минимум затрат. Теперь следующая проблема. Вот есть еловый и березовый баланс, он продается за бесценок. Часть баланса забирает Кондопога, но цена 13\$ за куб. Я сейчас разрабатываю технологию, ставлю линию, которая позволит получать 40\$. Сделаю еловый, потом возьмусь за березу. Если бы сделал Тяжбуммаш такие станки, можно было бы работать. Мы научились переделывать котельные с угля на отходы за счет установки притопочных устройств. Эффект 300%, переделка стоит в 4 раза дешевле, чем строить новую». (Экспедиция 2000 г.).

Нужно сказать, что это вполне успешное рыночное предприятие, которое делает экономический «климат» в своем районе, создавая рабочие места, формируя грамотную кадровую политику. Ориентация на углубленную переработку древесины является стратегической задачей. Причем, это не декларация, это реальная работа, которая уже приносит серьезные экономические и социальные эффекты местному сообществу. *«У нас нет безработицы, я не могу найти ни одного рабочего, кроме бомжей, которые не могут работать».*

Дисбалансом на этом фоне выглядит ситуация еще одного из не приграничных предприятий. *«Балансы вывозить за границу – это нерентабельно, чтобы довести до границы, провозная плата – 11 \$ за куб. Нужно столько платить паромщикам, чтобы они доставили груз до Выборга или Санкт-Петербурга. Это одна из наших главных проблем, и в рыночной экономике мы сразу проигрываем. Месторасположение у нас не очень удачное. Почему Суоярвский, Муезерский, Воломский, Пяозерский леспромхозы хорошие – потому что они близко от границы. У них практически нет*

провозной платы. Зачем им вести лес с делянки в Суоярви, например. Финны приезжают на делянки и прямо оттуда вывозят лес, и провозная плата не входит в их себестоимость. А у нас никак не получается, мы привязаны к Сегеже, к Кондопоге». (Экспедиция 2000 г.).

На экономической «карте» Карелии представлены не только свои региональные лесные предприятия, но и те, которые были выкуплены крупными западными компаниями. В опросе, который был реализован в рамках данного исследования, участвовали два таких предприятия, причем оба принадлежат одной финской компании. Одно из них существовало еще в советские времена как СП, другое было приобретено не так давно. *«В настоящее время предприятие наращивает объемы заготовки древесины. Этому во многом способствует финская техника, используемая на лесозаготовках. У нас на балансе 3 харвестера и 7 форвардеров, которые работают в 2 смены. В ближайшее будущее предполагаем переход на 3-х сменную работу. Вывозим древесину автомашинами Сису. Немного занимаемся лесопилением, правда, этот вид деятельности не имеет перспективы. Лесопильные цеха старые, поэтому качество продукции не устраивает иностранных покупателей. Их будем сворачивать. В настоящее время 80% древесины заготавливаем в виде сортиментов, объем сортиментной вывозки будет увеличиваться. Ставим задачу увеличения объема вывозки без увеличения численности работающих». (Экспедиция 2000 г.).* Ситуация с годами только улучшается. *«Уровень зарплаты на нашем предприятии практически самый высокий в Карелии в лесной отрасли – средняя зарплата 7,5 тыс. рублей. Численность за последние 5 лет практически не сократилась. Из 510 работающих у нас сегодня 120 человек сторожей, т.к., имея технику по 7-10 млн. руб., есть смысл охранять её – на каждом пункте у нас по 4 сторожа, которые имеют периодичную сменность». (Экспедиция 2003 г.).*

На примере этих достаточно успешных в плане развития производства предприятий, имеющих сформированную рыночную мотивацию, можно наблюдать модель, которую некоторые россий-

ские эксперты связывают с западной экспансией. На эту тему достаточно жестко высказывался один из успешных лесных предпринимателей.

«Была допущена кардинальная ошибка, когда еще при советском режиме было создано совместное предприятие по заготовке круглого леса, которое этот лес вырубает и вывозит в Финляндию. На каждом кубометре круглого леса могут создаваться десятки рабочих мест: это, в первую очередь изготовление досок, из этой доски можно делать мебельную плиту мебель. Вывезти из леса, распилить, доставить, продать – уйма рабочих мест. Сырье – это в первую очередь работа, они отдали это сырье и рабочие места в Финляндию. Если мы хотим развиваться, нужно составлять программу развития и выполнять ее. А идея поставить огромный завод в районе, все это глупость. Объясняю: у меня работает 800 человек, на этом заводе будет работать 30 человек. Они «сгребут» весь круглый лес, который есть в районах, распилят его и вывезут в Финляндию, будут там делать из отходов бумагу, мебель и продавать нам. И у нас не будет, на чем развиваться». (Экспедиция 2003 г.).

Эта дискуссионная тема вскрывает самые глубинные проблемные «пласты» лесной экономики приграничного региона. Что на самом деле выгоднее и эффективнее? С точки зрения конкретного предприятия, все работает по рыночным схемам – успешное современное производство, налоги, сильная социальная функция. Наверное, в случае с вывозом круглого леса обвинения звучат вполне справедливо. Хотя рынок и справедливость – это категории разных моральных сфер. Что же касается строительства крупного деревообрабатывающего комбината, это достаточно спорно. Что потеряет и что приобретет территория? Потеряет выгоды, которые пока не смогли получить на протяжении 15 лет все функционирующие, и, как правило, выживающие предприятия. И, наверное, даже успешным компаниям будет сложно конкурировать с новым заводом, хотя по законам рынка это должно подтолкнуть их на поиск новых «ниш». С другой стороны – появление такого предприятия сможет «оживить» экономический климат региона. Мощное производство

может создать на территории мультипликативный эффект – новые рабочие места будут создаваться в новых лесозаготовительных фирмах. Кроме того, развитие сопутствующих производств и связанной с этим дополнительной инфраструктурой также будет работать на повышение занятости местного населения. В данной ситуации все будет зависеть от того институционального ресурса, который использует региональная власть перед запуском нового предприятия. Есть одно оригинальное мнение, что эффективные рыночные институты (они функционируют в нормально развитом обществе) по своей мощности превосходят анти – институты, которые также имеют место в рыночном обществе. Российское общество и российская экономика, как показывает жизнь, к сожалению, сегодня «стоит» на анти – институтах. Случай со строительством нового предприятия может быть попыткой преодолеть российские анти – институты с помощью эффективных рыночных на локальной территории [84]. Но это уже тема для другой дискуссии.

Полученные в ходе анализа модели «успешности» и «рыночности» в поведении менеджеров лесных предприятий не должны вводить нас в заблуждение. То, что продемонстрированные примеры несут в большей степени оптимистический оттенок, не означает, что лесной бизнес Карелии эффективно развивается и повышает благосостояние общества. Во-первых, для иллюстрации были отобраны самые содержательные, «яркие» случаи, во-вторых, из 38 опрошенных предприятий по состоянию производства только 8 можно отнести к категории успешных. Кроме того, по одному признаку определить способность предприятия к реструктуризации довольно сложно. Тем не менее, уже первые полученные результаты анализа позволяют говорить о том, что бизнес-среда лесного сектора экономики Карелии достаточно разнородна, что обусловлено такими внешними факторами, как приграничность и отраслевая принадлежность. Рыночная мотивация на данном этапе анализа выступает как внутренний, во многом решающий фактор, но не дающий в существующих условиях 100% эффекта.

Рынки сырья. Одним из ключевых элементов сложившейся институциональной структуры лесоуправления, оказывающих влияние на успешность работы лесного бизнеса, является система распределения лесных ресурсов и те механизмы, которые позволяют бизнесу получать сырье для успешного функционирования. На данной стадии своей деятельности лесные предприятия становятся активными агентами рынка – их целью является покупка сырья. Основной формой получения лесных ресурсов в настоящее время в России является аренда. Помимо нее действуют механизмы лесных аукционов и конкурсов. Нужно сказать, что имеется масса плюсов и минусов, как аренды, так и остальных действующих механизмов распределения леса, но важным на сегодня с точки зрения рынка является то, что система лесоуправления ушла от планового института «распределения леса по лимитам», что позволяет развивать рыночную среду в системе лесных отношений. В настоящее время формально институт распределения лесных ресурсов для уровня региона выглядит следующим образом. По Лесному кодексу право распределения лесного фонда среди лесопользователей принадлежит Правительству РК, при котором создана Лесо-сырьевая комиссия. Именно эта структура решает основные принципиальные вопросы – «кому, сколько, почем и как надолго». Первоначально конкретные вопросы решаются на муниципальном уровне, где претендент на лесосырьевую базу (через аренду или конкурс) должен получить рекомендацию. Следующим структурным звеном этой системы является лесная служба, которая сегодня в Карелии представлена территориальным агентством лесоуправления Кареллесхоз, являющегося подразделением Министерства природных ресурсов РФ. Агенты лесной службы – территориальные лесоуправления (или лесхозы) занимаются вопросами отвода леса – определения расчетной лесосеки, выделения конкретных участков лесонасаждений, корректировкой объемов вырубаемой древесины. То есть конечным звеном поставки леса является лесхоз.

В зависимости от целей, возможностей и предпочтений менеджеры лесных предприятий выбирают ту или иную форму покупки

сырья. Эта стадия во многом формирует и готовность к реструктуризации, и будущий успех лесных предприятий. Напомним, что наши исследования начинались в 1997 г., когда практика арендных отношений и аукционов еще не была так широко распространена. Тем не менее, вызывает особый интерес тот «доарендный» период, так как именно он связан со становлением цивилизованных рыночных отношений в лесоуправлении, «ломкой» традиционных стереотипов в отношениях собственности и обмена.

Распределение форм получения сырья лесными предприятиями Карелии, участвующими в опросе, представлено в таблице 3.2.1.

Таблица 3.2.1

Формы получения лесных ресурсов

Форма получения сырья	Количество	Доля, %
Аренда + краткосрочная лицензия	11	28
Краткосрочная лицензия	9	24
Субаренда	4	11
Давальческое сырье	5	13
Закупка у лесозаготовителя или торговой компании	9	24

Здесь также наблюдается дифференциация предприятий по отраслевому фактору. Леспромхозы значительно легче вышли на вариант аренды или получения леса в краткосрочное пользование, чем перерабатывающие предприятия. Для леспромхозов «поле возможностей» было расширено – лесозаводы стали для них практически не конкурентами. В результате быстро развивший в период 1993-1996 гг. экспорт леса вызвал дефицит сырья для перерабатывающих предприятий Карелии. То конкурентное преимущество, которое получили леспромхозы на начальном этапе реформ, не было исключительно их заслугой и его, наверное, неправомерно рассматривать как «хороший урок рынка». Хотя нужно понимать, что активные агенты рынка, получив такое преимущество, его не просто используют, а начинают воспроизводить его, наращивая свои капиталы – финансовый, трудовой и социальный.

Тем не менее, при выходе на рынки сырья лесные предприятия сталкивались с несколькими основными проблемами, среди которых можно выделить следующие: конкуренция за сырье, правила лесопользования, состояние лесного фонда (таблица 3.2.2.).

Что касается конкуренции, то среди опрошенных нами предприятий это самая доминирующая проблема – более половины респондентов считают ее наиболее серьезным препятствием для развития производства. На конкурентоспособность при этом, как считают опрошенные менеджеры, влияет экспортный фактор, о котором шла речь ранее, и отсутствие ликвидных основных фондов, что делает вообще невозможным успех в борьбе за сырье даже на внутреннем рынке.

Таблица 3.2.2

Проблемы лесных предприятий на рынке сырья

Проблема	Частотность	Доля, %
Конкуренция	20	53
Правила лесопользования	33	87
Состояние лесного фонда	15	39

Нужно сказать, что аренда имеет как краткосрочную (5 лет), так и долгосрочную форму (до 49 лет). Получение леса в аренду на 49 лет означает для предприятия стабильное положение. Первый этап внедрения аренды в систему лесных отношений характеризовался достаточно «мягкими схемами». Как считают менеджеры, получить лес в аренду в 1998 г. было значительно легче, чем в 2004 г. Понятно, что предприятия, особенно традиционные с устойчивым положением и имиджем имело все шансы на лесосырьевую базу. И претендовать другому рыночному агенту, даже самому активному, на сырье в такой ситуации не приходилось. *«Им все отдано в аренду на 50 лет. Но начини там, что-то развивать, вопрос сразу упрется в лесосеку. Оставшегося кусочка не хватит, чтобы развились нормальные предприятия. У меня на сегодня 30% леса района. Покупаю в месяц 4-5 тыс. кубометров. Пока покупаю в Суоярви, но буду и в других местах».* Хотя в этих словах звучит

некоторая досада, менеджер находится в постоянном поиске новых рыночных ниш и это свидетельствует о наличии у него устойчивой рыночной мотивации. И еще одно подтверждение тех конкурентных преимуществ, которые получает арендатор. *«Но, мы имеем одно большое преимущество – в конце марта 1998 г. мы взяли леса в аренду на 5 лет. И сейчас мы являемся здесь в Беломорском районе владельцами практически всего делового лесфонда».* (Экспедиция 1998 г.).

За право аренды предприятия конкурируют достаточно жестко. Некоторые используют запрещенные, нелегитимные приемы, что свидетельствует о распространении оппортунизма в их поведении. *«Я всегда привожу пример, когда по Сортавале вопрос решался аренды и когда вышел представитель одной фирмы, которая претендовала на аренду, и говорит всякую «дрянь», какую можно было сказать о нашем предприятии. Хотя он каждый день у нас обеспечивался горячей водой для своей техники и так далее. Когда мы вышли в коридор и говорим, как можно про нас говорить такое, когда вы с нами рука об руку. А он и сказал: если бы я про вас такое не сказал – мне аренду не дали бы. Я про вас плохое сказал – мне тоже чуть-чуть досталось. Вот подход какой. Разве так можно?!».* (Экспедиция 2003 г.). Такие примеры говорят о высокой степени деформализации института аренды, что негативно отражается на поведении агентов рынка, подталкивая их на не всегда рыночные решения.

Одной из существенных проблем для лесного предприятия при его действиях на рынке лесного сырья является несовершенная система правил лесопользования. По значимости она не уступает проблеме конкуренции, а с годами приобретает более острый и более сложный характер. Можно обозначить несколько блоков, которые отражают самые болезненные, по мнению менеджеров лесных предприятий, вопросы. Сюда можно отнести:

- плату за ресурсы;
- заключение арендных договоров и условия конкурсов;
- соблюдение условий аренды и конкурсов со стороны лесхозов;
- санкции лесхозов.

Нужно сказать, что вопрос о плате за ресурсы стоит у всех без исключения менеджеров как успешных, так и выживающих предприятий. Попытка власти ввести повышающие коэффициенты, учитывающие, в том числе и приграничный фактор, вызвала мощную негативную реакцию. Причем, менеджеры постоянно апеллируют к ситуации в других регионах России, где «древесина на корню» стоит дешевле. *«17 июня вышло постановление Главы РК, повышающее минимальную ставку платы за лес. В нескольких районах арендная плата увеличена сегодня в 2,12 раза – самая высокая арендная плата. Мы спрашивали на заседании Союза лесопромышленников, какие были критерии подхода к этому увеличению: расположение границ, реализация на экспорт...? Что побудило разделить Карелию на 6 регионов: минимальный коэффициент 1,1; максимальный 2,2? Ответа не получили. Мы должны заплатить дополнительную попенную плату 9,7 млн. рублей. Мы в этом году планировали и утвердили инвестиционную программу – 27 миллионов рублей мы должны были иметь собственных средств, амортизационных отчислений плюс прибыль и использовать их на приобретение комплектов новой техники. Но, получив такое постановление, пришлось эту программу свернуть, так как возможностей у нас не оказалось. Когда говорит правительство, что как бы увеличило плату, и эти затраты пойдут на себестоимость и тем самым уменьшат предприятиям процент налога на прибыль, то цифры эти, если посмотреть, не увязываются. Если мы платили налог 4 млн. рублей, будем платить 2 млн., но дополнительная попенная плата – 9,7 млн. рублей».* (Экспедиция 2003 г.).

На самом деле вопрос о минимальной ставке древесины на корню в России является едва ли не «краеугольным камнем» системы лесоуправления. Основная проблема, которая вызывает массу дискуссий, как со стороны ученых, так и со стороны практиков, это не сопоставимо низкая цена за лес в России по сравнению с западными странами. Так, в структуре стоимости товарной продукции (по сосне) стоимость 1 куб.м. древесины на корню в России составляет 3\$, в Швеции – 26\$, в Германии – 31\$, в Финляндии – 40\$. В чем же причина такого различия? Существует несколько объяс-

няющих с точки зрения профессионалов обстоятельств. Во-первых, заниженная цена на лес является как бы компенсацией лесозаготовителю-арендатору за те затраты, которые он несет при строительстве дорог. В Финляндии, например, в стоимость древесины на корню входит и стоимость уже существующих дорог. Во-вторых, при том уровне передела древесины, которая доминирует в России, и в частности в Карелии, и при той разрозненности отдельных звеньев лесохозяйственного производства принципиальное повышение цены за лес приведет к «коллапсу» лесной промышленности. Вместе с тем существует мнение, что причина достаточно банальна. Под не оправдано высокими, так называемыми, общими расходами лесозаготовителей скрывается сверхприбыль, которая не показывается налоговым органам. Вопрос стоит о присвоении этой сверхприбыли, поэтому повышение цены за лес на самом деле не будет так разорительно для лесозаготовителя, как это кажется. Правомерно ли сегодня ставить вопрос об увеличении платы за лес? Здесь мнения разделились. Некоторые либерально настроенные чиновники уверены, что это необходимая мера. Среди ученых доминирует позиция не об увеличении платы, а о принципиальном изменении подходов к ее расчету. При этом рассматривается как минимум два подхода – рентный и налоговый. Вопрос до сих пор до конца не решен, но стоит в ряду архиважных при разработке новых подходов в государственной лесной политике. А пока несформированный институт вызывает напряжение в системе лесных отношений – рыночные агенты (в нашем случае это лесные предприятия) несут высокие транзакционные издержки.

«Лесной ресурс» является важнейшим рычагом, позволяющим районной администрации ставить свои условия лесному бизнесу, в особенности «пришлому», который не связан моральными обязательствами перед местным сообществом. Для участия в лесном конкурсе потенциальные арендаторы должны обратиться в районную мэрию за рекомендацией. Мэрия, таким образом, имеет возможность проводить неформальный отбор претендентов. Именно благодаря этому властному ресурсу, администрация заставляет бизнесменов производить «добровольные» «благотворительные»

отчисления на поддержание социальной сферы поселка и района. Часто с арендатором заключается договор о спонсорской помощи (до 50% от суммы аренды) или его вынуждают делать перечисления во внебюджетные фонды. Нужно сказать, что менеджеры, участвующие в опросе, не говорили об этом откровенно, но в подтексте это звучало. *«Знаете, как дают рекомендацию? Просто так ничего не делается. И нам некуда деваться»*. Понятно, что администрация действует в интересах местного сообщества. Но «предусловия» договоров аренды иногда приобретают «драконовский» характер. Но если районная власть занимается банальным социальным «рэккетом», то региональная – просто диктует «правила игры». И у нее тоже есть свои оправдания – через «лесной ресурс» легче всего заставить лесные предприятия работать на пользу региона, но через него можно и «расправиться» с неугодными, можно пойти на компромисс с лобби. *«Сегодня образовалась куча фирм. Я думаю, дадут нам работать или не дадут. Получается вроде как конкуренции, но вновь созданные фирмы перед нашим леспромхозом никакой конкуренции не выдержат. Может сработать только властный ресурс»*. И еще один пример: *«Рассчитываем расширяться, в том числе в сторону переработки, и уже в этом есть заделы – работает лесопильный цех. Но дальше становится страшно. Получим ли аренду? Ведь у нас власть такая»*. Одно мнение было более, чем откровенным: *«И вот лес рубиться и будет рубиться. Поэтому они создают конкуренцию. Правительство выделяет лес, кому-то это интересно, а интерес всегда имеет денежное выражение, поэтому всегда защищается»*.

Такие практики, получившие довольно широкое распространение на карельском лесном рынке, демонстрируют непрозрачность института аренды. Не закон, а власть (муниципальная, региональная) диктует «правила игры» на лесном рынке, причем со временем они только ужесточаются. Арендаторы в такой ситуации «падают в ножницы» – соглашаться на все и включиться в эту неформальную «игру» или держаться формальных правил и потерять шанс на право аренды. Неэффективные институты чаще опираются на традиции и неформальные правила.

Следующей проблемой для лесных предприятий являются их взаимоотношения с лесхозами, которые имеют достаточно сложный, многогранный характер. Для них это еще один серьезный барьер на пути к рынку. Такие вопросы, как расчет за лесовосстановление, отвод конкретных участков леса под рубки и штрафные санкции иногда значительно снижают рыночные «амбиции» лесопользователей. По установленным правилам лесопользования лесовосстановление проводится или силами лесхоза, или лесопользователями. В последнем случае лесхоз компенсирует затраты. И здесь, как правило, возникает проблема – лесхоз берет на себя долговое обязательство и не выполняет его. *«Они компенсируют нам затраты не по фактическим затратам, а по тем технологическим картам и нормативам, которые утверждены ими».* (Экспедиция 2003 г.).

Кроме того, лесхозы сами выбирают лесные делянки для арендаторов и конкурсантов – полностью от их власти зависит предоставить более или наоборот менее удобный вариант, что уже влечет за собой неоднозначные последствия. При решении проблем, связанных с нарушением правил рубок или некотором отклонении от них, лесхозы обладают огромным неформальным властным ресурсом, так как именно от них зависит, применять санкции или нет. Как правило, лесопользователи вынуждены «договариваться» с лесниками. Существует огромное количество способов обойти все возможные штрафы и санкции, при этом мизерная зарплата лесников сильно подкрепляет их стремление решить вопрос неформальным способом, а несовершенная система контроля и учета дает основания надеяться на то, что никто и никогда не сможет доказать, что между предпринимателем и лесником имела место неформальная договоренность. Это еще одно основание говорить о том, что существующая система правил лесопользования стоит на неформальной, а, следовательно, непрозрачной основе. Такие неформальные институты, являясь основным регулятором рынка лесного сырья, существенно нивелируют рыночные отношения в системе лесопользования, искажая сам принцип свободной конкуренции.

Как было отмечено выше, одной из проблем при выходе на рынки сырья лесных предприятий Карелии является состояние лесного фонда. Это последняя стадия, когда казалось бы цель достигнута, и осталось только взять то, за что уже заплачено. И здесь возникают дополнительные препятствия, которые иногда сводят на нет все усилия лесного предприятия. *«Лесфонд района отличается своей разрозненностью, недоступностью, неэффективностью. Леса убыточные, дорожной сети нет. А чтобы осваивать объемы, приближенные к расчетной лесосеке, им пришлось взять большую площадь. Это не дало результата, они осваивают не больше 10-20% расчетной лесосеки в год. В итоге у них ничего не получилось, деньги кончились. Это уже второе предприятие, образованное на базе банкрота. Кажется, они тоже плохо кончат, появилась картотека, по пенсионному фонду растут пени»* (Экспедиция 1998 г. – интервью с директором лесхоза). *«В нашем районе леса почти не осталось, что можно увидеть, если пролететь на самолете. Район по лесистости (всего 60%) самый плохой в Карелии. Из оставшейся части только 20% спелого леса, остальное – молодняки. Расчетная лесосека по району 200 тыс. куб. м., а вырубается только 20 тыс. куб. м. Поэтому лесозаготовителям очень тяжело работать, они едва теплятся»*. (Экспедиция 2000 г. – интервью с директором лесхоза).

Таким образом, для лесного предприятия, которое вышло на рынок сырья, существующие институциональные и природно-хозяйственные проблемы создают ограничения, которые для одних снижают экономическую эффективность производства, для других практически становятся разорительными и приводят к прекращению хозяйственной деятельности. Результаты исследования показали, что даже у вполне успешных предприятий возникали обозначенные выше проблемы. То есть на рынке сырья помимо объективных факторов (приграничность, отраслевая направленность и состояние лесного фонда), существенное влияние на деятельность лесного бизнеса оказывают неэффективные институты, которые снижают экономическую, инвестиционную и социальную составляющую лесных предприятий. Данные ограничения нивелируют

рыночную мотивацию «менеджерского корпуса» и сужают возможности реструктуризации самих предприятий. Анализ позволил сделать выводы, что на этапе закупки сырья «реформаторские настроения» снижаются: из 38 опрошенных предприятий только 6 продолжают оставаться в данном контексте, хотя им приходится адаптироваться к существующей институциональной структуре не всегда рыночными способами.

Следующим важным звеном в деятельности лесных предприятий являются **рынки сбыта**, которые в зависимости от географического расположения предприятия приобрели либо экспортную ориентацию, либо остались во внутренних границах региона и Европейского Севера России. Нужно сказать, что в связи с существенным повышением удельного веса лесодобывающих производств с началом рыночных реформ структура лесной экономики Карелии стала во многом определяться состоянием спроса и цен на древесное сырье в Европе. Колебание этих параметров на европейском рынке вызывает экономическую нестабильность региона. Так, за последние 10 лет европейский рынок сырья испытывал спады и подъемы (для масштабов европейского производства незначительные), которые отзывались резким падением производства на карельских предприятиях. С началом либерализации внешнеэкономической деятельности приграничные лесные предприятия самостоятельно вышли на западные рынки, в основном на торговлю с Финляндией. «Карельский бизнес представляет интерес для малого и среднего финского бизнеса, в то время как с глобальной точки зрения он является малым и периферийным» [45, с.71). Данный контекст создает на карельском рынке в некотором роде дискриминационную ситуацию, когда приграничные предприятия диктуют цены на внутреннем рынке. «Близость к границе ведет к тому, что цены на потребляемое в Европе сырье в Карелии выше, чем в более отдаленных от границы регионах. Например, необработанный лес из Карелии поступает в основном в Финляндию, и устанавливаемая там цена (за вычетом транспортных расходов) определяет не только цену, но и себестоимость древесины на Европейском Севере. В результате карельская древесина оказывается

на российском рынке слишком дорогой и неконкурентоспособной» [45, с.83).

Данные факторы определяют поведение лесных предприятий Карелии на рынках сбыта продукции. Среди опрошенных предприятий доминирует экспортная составляющая, хотя примеры, когда предприятие полностью отправляет продукцию на экспорт, представлены незначительно – таких было только 4. В основном в стратегии продаж существует следующая пропорция: в среднем, около 60% продукции экспортируется, остальное – продается на внутренних рынках. Выход на внешние рынки можно считать попыткой к реструктуризации, хотя не все предприятия используют эту возможность эффективно с точки зрения стратегического развития производства.

Такая ситуация прослеживается примерно на половине экспортно ориентированных предприятий, то есть несмотря на свою приграничность, они остаются в разряде выживающих. «Выживающие», как правило, используют экспорт сырья для поддержания деятельности предприятия. Эта стратегия является своего рода реакцией на кризис после существенного падения, попыткой расплатиться с долгами и продержаться до лучших времен. Нестабильное экономическое состояние предприятий не позволяет их менеджерам строить более долгосрочные планы: изношенное оборудование, устаревшие технологии препятствуют производству высококачественной продукции для внешних рынков. Нужно сказать, что среди менеджеров «выживающих» предприятий существует три принципиально разных позиции. Первые держатся сегодня за экспорт сырья, но надеются на лучшие времена, когда смогут выйти на более глубокий уровень переработки. *«Сегодня мы еще очень слабы. Но если нам удастся выстоять, мы потихоньку начнем раскручиваться. Обязательно нужно развивать переработку. Будем пилить – однозначно».* Другие не собираются в будущем ничего изменять в структуре производства, даже если состояние предприятия улучшится. *«Если удержимся, сможем подняться, будем инвестировать в новую технику, но вкладывать средства в переработку – зачем нам это надо. Сегодня экспорт сырья –*

стратегическое направление республики, и это оправдано». Третьи просто уже ни на что не надеются и ждут смены собственника. Данные модели поведения демонстрируют разную степень «реформаторства». Некоторые предприятия способны не только выжить, но и перейти к реструктуризации.

Другая часть работающих на экспорт предприятий, участвующих в опросе, смогла достичь некоторых успехов. Среди них есть и традиционные, и вновь созданные компании, а также те, куда вложены иностранные капиталы. Экспорт для этих предприятий стал не только антикризисной мерой, но и возможностью инвестировать сначала в лесозаготовку, а затем и в переработку. Перед ними стоит основная задача – соответствовать требованиям рынка и по количеству, и по качеству, и по ассортименту. *«Вот это работа маркетинговой службы и авторитет фирмы, на том рынке, на западном. Сказать однозначно, что мы там можем выплеснуть весь объем, заготовленный по Карелии, наверное, будет не правильно. Это очень солидных партнеров надо искать, хотя по пиловочнику, наверное, проблем не будет, а по балансам они ограничивают квоты, буквально от и до, потому что Финляндия сама заготавливает где-то порядка 60 млн. кубометров и перерабатывает, да плюс еще от нас тут что-то берет. А у переработанной древесины есть шанс попасть на рынок? Какую-то она выдерживает конкуренцию? Наша древесина выдерживает, да. Готовые пиломатериалы выдерживают, и ее с удовольствием берут. И Англия берет, и Голландия. Без доработки даже? Без доработки».* (Экспедиция 1999 г.).

Нужно сказать, что ориентация лесного бизнеса только на экспорт сырья является достаточно негативным явлением, отражающим низкий уровень экономического развития не только самих предприятий, но и экономики страны в целом. Это означает отсутствие со стороны власти стратегии на повышение добавленной стоимости от лесных ресурсов и, следовательно, на повышение благосостояния и качества населения. Тем не менее, такая практика достаточно распространена для карельских предприятий. Аргументы в защиту таких практик иногда выглядят достаточно убедительными.

тельными. *«Когда говорят, чтобы мы все вывезли за границу, мы отвечаем. Господа, что мы вывозим? Давайте посмотрим: 20-25% выход дров из 270 тысяч объема заготовки. Это в пределах 60 тысяч кубов дров. Куда они идут? На нужды двух администраций – на отопление поселков и городов, где применяют дрова. Дальше: 25-26% это лиственные породы в составе насаждений. Кто об этом не знает? Министерство природных ресурсов не знает, что такая наша лесосека?! Ведь знает. Куда их девать? Есть рынок сбыта внутренний? Нет его. Вот мы и вынуждены продавать за границу. И только 15-17% идет хвойных пород, и это экспортный пиловочник, который и имеет ценность сегодня соответственно экспорту. Если цена пиловочника сегодня на внутреннем рынке достигает 25-27\$ или евро, то экспортная цена – 45-50\$. Разница ведь есть». (Экспедиция 2003 г.). «И что сегодня говорить, что круглый лес не надо за границу везти. У нас свой интерес продать лес за границу как можно выгоднее для предприятия, и для государства получается выгоднее. А что мы получаем, если мы продаем дешевле, и продаем предприятиям, которые нам не платят. Я говорю про ЦБК: сколько мы договаривались, встречались и сколько раз они оставались в должниках». (Экспедиция 2004 г.).*

Такие примеры показывают всю противоречивость процессов формирования внешних и внутренних рынков сбыта лесопродукции приграничных регионов. С одной стороны внешний рынок является ограничителем для развития внутреннего – и мы об этом уже говорили. С другой стороны – агенты внешнего рынка оправдывают свое поведение отсутствием развитого внутреннего рынка. Этот замкнутый круг можно разомкнуть только на институциональном уровне. Следует сказать, что в России в середине 90-х гг. уже была осуществлена попытка через таможенное законодательство отрегулировать потоки лесной продукции. Но, к сожалению, эти меры не оказали позитивного воздействия на рыночные процессы. Слабый лесной бизнес под таким прессингом попал в очередную волну банкротств, а цена вопроса состояла уже в сохранении экономического статуса Карелии. Через вмешательство региональной власти повышенные таможенные пошлины на древесное

сырье были отменены, но сохранились для обработанных лесоматериалов. И это практически в течение 10 лет тормозило развитие рынка переработанной продукции. *«Есть такое мнение, что самим лесозаготовителям невыгодно перерабатывать? А почему не выгодно? Основная причина – наша политика – и таможенная и пр. Вот, например, у нас в районе один предприниматель развернул производство – 650 человек работало. Работал, торговал доской, круглый лес практически не продавал, всё перерабатывал, и опилки даже продавал. А сейчас он закруглился с этим делом, людей работает в 2 раза меньше. На уровне государства необходимо пересмотреть законы и отдать приоритет российской переработке (создать выгодные условия). Сейчас это невыгодно из-за высоких пошлин. Почему бы Москве не задуматься над этим вопросом? Неужели там экономистов нет?»* (Экспедиция 2002 г.).

Сегодня в России повторяется прошлый сценарий. Вновь повышены пошлины на необработанную древесину. Что ждет карельских лесозаготовителей? Заставит ли эта мера работать их на региональном рынке и поддержать, таким образом, отечественного производителя? В ситуации, когда 85% лесозаготовительных предприятий находятся практически в состоянии банкротства, это достаточно проблематично. *«Это фактически конец, конец нашим леспромхозам. Придут другие, новые хозяева. Пока войдут в дела, пока сориентируются, пройдет 1-2 года. Есть ли в этом смысл? Если только очень далеко идущий, которого мы не дождемся»* (Интервью с лесным предпринимателем, 2006 г.). Внутренний рынок остается без сырья, лесозаготовительное производство продолжает падать, и видимо, в ближайшие 2 года не поднимется. Лесную экономику Карелии продолжает «лихорадить». *«Можно поддерживать и постоянные связи с потребителями, но только не с карельскими. А предприятия за пределами Карелии способны поддерживать постоянные связи и платить за продукцию. Все предприятия нуждаются в постоянном надежном партнере, в регулярности поставок. И есть такие предприятия, которые заинтересованы в нашей работе. Нам нужны такие потребители, которые могут заплатить. В Карелии таких почти нет, они за преде-*

лами республики». По мнению специалистов, единственная надежда спасти экономику и регион связана с началом процесса формирования вертикальной интегрированной структуры, включающей весь процесс лесопромышленного производства. Такая структура должна объединить уже существующие холдинги, которые занимают в рейтинге российских лесных предприятий не последние места.

В целом, оценивая поведение лесных предприятий Карелии на рынке сбыта, можно сделать несколько выводов. Во-первых, в основном наблюдается ориентация лесного бизнеса на экспорт сырья, что нельзя в полной мере считать признаком «реформаторства». Во-вторых, для некоторых предприятий это только временный этап, который должен перейти в расширение производства в сторону глубокой переработки и экспорта. То есть для них экспорт – это возможность инвестировать, а инвестирование рассматривается как продолжающийся процесс. Следовательно, такие стратегии, которые были отмечены лишь у нескольких предприятий, можно рассматривать как «реформаторские». В-третьих, конкуренция между внутренним и внешним рынком лесопродукции свидетельствует о зависимости лесного рынка Карелии от неустойчивости сырьевых западных рынков, что в свою очередь говорит об отсутствии действенных институтов рынков продаж как на региональном, так и на федеральном уровнях. В условиях неэффективных институтов «выживающие» лесные предприятия на рынках продаж действуют по самым простым схемам, не обременяя себя инвестиционными стратегиями. «Реформаторы», которые еще не достаточно сильны, и которых очень мало, тем не менее, даже при сложившихся институтах рассматривают экспорт не единственной возможностью для будущей реструктуризации.

Деловые практики. При принятии решений у лесных предприятий есть возможность сделать выбор – выстраивать ли свое поведение согласно рыночной логике и, таким образом, двигаться в сторону реструктуризации, или действовать, опираясь на «традиционный капитал», не стремясь инвестировать свое движение к рынку. Рыночное поведение предприятий можно наблюдать через

их деловые практики, которые в данном исследовании рассматривались через инвестиционные практики, отношения с банками и отношения с партнерами по бизнесу.

Нужно сказать, что на фоне морально и физически устаревших основных фондов, устаревших технологий уровень инвестиций лесных предприятий остается крайне низким. Данные тенденции демонстрируют сложившуюся еще в советский период практику, когда основной капитал доводился до полного износа. Так, в 1997 г. объем инвестиций составил менее 25% уровня 1990 г. и продолжает снижаться. На опрошенных предприятиях около 40% менеджеров отметили, что они инвестируют производство через приобретение новой техники и оборудования, остальные не имеют такой возможности. Хотя все респонденты считают, что инвестиции необходимы для развития. Отсутствие инвестиционных программ на лесных предприятиях, в которых они крайне нуждаются, свидетельствует об отсутствии сформированного финансового института между банками и предприятиями. В настоящее время средний и малый бизнес практически не имеет возможности кредитоваться через банки. *«Любой проект, который осуществляется, должен инвестироваться. Инвестиции должны быть, прежде всего, обеспечены банками, как и во всём мире. А у нас система кредитования сегодня очень сложная: большие % и жёсткие условия, наши банки боятся всего. Если бы Вы получили какие-нибудь крупные кредиты, то работа вашего предприятия улучшилась бы? У нас есть темы, которые мы можем реализовывать, и их окупаемость хорошая, но мы боимся брать кредиты, перед этим надо очень хорошо всё продумать».*

Инвестиции на опрошенных предприятиях обычно осуществляются из собственных средств или средств, взятых в займы у других предприятий. Причина того, что банки не кредитуют предприятия, связана с их нестабильным финансовым положением. *«Древесина есть. Если ее оценить в тех деньгах, сколько она сейчас стоит на рынке, то можно и кредит в банке взять. Но ни один уважающий себя банк не даст кредит нашему леспромхозу, так как мы имеем право рассчитывать с банками только в послед-*

ную очередь, сначала нужно заплатить налоги в бюджет». Другой причиной, не позволяющей предприятиям брать кредиты в банках, является высокий банковский процент. «Сегодня главная проблема в России – производство не развивается под 30% годовых. Если я беру в кредит млн. долларов, а через три года должен отдать 2 с половиной миллиона, это неправильно. Деньги перетекут туда, куда им выгодно, никакой контроль их не удержит. Они будут возвращаться в банковской сфере, там где 30%. Если отрегулировать так, чтобы в банке было 5%, а в производстве 15%, вот тогда деньги перетекут в производство. Чтобы это было, нужно опустить ставки рефинансирования, но этого мало – нужно снизить налоги с предприятий. Вы знаете как это делается в Финляндии? Вот я и финский бизнесмен решили сделать предприятие. Я беру рублевый кредит под 33%. Мне надо будет отдать 2 миллиона, причем проценты с меня начинают требовать немедленно. А финский бизнесмен возьмет под 6% годовых и отдавать проценты ему нужно будет только через 3 года, причем 20-30% ему отдает государство – это называется бонус, ведь он создает рабочие места. Помогать надо не всем, а выборочно».

Среди 38 опрошенных предприятий только 5 имели отношения с банками для получения кредита, при этом они подчеркнули, что получить такие кредиты им было очень нелегко, но еще более серьезная проблема для них – выплатить этот кредит. Банковские кредиты возможны только для ограниченного круга лесных предприятий Карелии, для большинства они просто не доступны. Таким образом, для нормального развития, предполагающего инвестирование производства и дальнейшую реструктуризацию, у лесных предприятий Карелии нет институциональных и финансовых условий. Только единицы способны выйти на отношения с банками.

Деловые операции являются элементом институциональной структуры любой экономической системы, включающей, так называемые, правила обмена. Они определяют порядок взаимодействия между независимыми фирмами и разными бизнесами, регулируют выбор деловых партнеров, характер деловых отношений, порядок

исполнения сделок. Нужно сказать, что неразвитость в российском обществе института контрактных отношений, который защищает экономического агента от оппортунизма, накладывает на него дополнительную нагрузку – самостоятельно решать вопросы минимизации рисков. Большинство лесных предприятий, которые участвовали в опросе, при заключении деловых соглашений используют типовую письменный договор – таких случаев было 30 из 38. Примечательно, что в таких договорах не учитываются многие нюансы, непредвиденные обстоятельства и даже форс-мажор. Оформление договора не занимает много времени – 1-2 дня, иногда вопрос решается в течение 1 часа. Это связано с тем, что менеджеры, как правило, работают только с проверенными партнерами.

Такая практика свидетельствует о недостаточном осознании менеджерами роли контракта в рыночных отношениях. Тем не менее, среди участников опроса были менеджеры, которые склонны придавать значение процедуре оформления сделок – договора тщательно готовятся, детально прописывается каждая позиция не зависимо от того, известен партнер или нет. *«Что главное – правильно договор оформить. Я уже наученный жизнью, и потом так работает весь запад. Не важно, знакомый, не знакомый. Дружба дружбой, а табачок врозь»*. Многочисленным нашим менеджерам научили западные партнеры. *«Вы с финнами работаете как с партнерами? С ними очень тяжело работать: они очень жадные. Вот упрутся на березовый баланс, и все. Спорят, спорят. Аванс 1000\$, а мы 1,5 часа спорим за эту тысячу. Нужно более жестко работать»*. Понимание и отстаивание своих позиций также является школой рынка. *«Я считаю, что сегодня это оборудование стоит не дороже 300 евро. Присылают прайс-лист: бывшее оборудование в употреблении до 10 лет. Смотрим на прайс-лист и думаем: вот это да! Я понимаю, что надо торговаться, но они такую планку задвинули. Они там совсем другие люди. Они народ тяжелый»*.

Несмотря на то, что большинство менеджеров стремятся работать с проверенными партнерами, почти половина из них считает, что нарушение договора является серьезной проблемой. Наруше-

ния контракта включают просроченные платежи, не возврат долгов и откровенный обман, хотя последняя позиция в настоящее время встречается крайне редко. Реакция, которая наступает в результате таких нарушений, демонстрирует степень рыночности поведения лесных предприятий. Эти данные представлены в таблице 3.2.3. Почти каждое третье предприятие не принимает никаких мер, когда контракт нарушен. Все, что они пытаются делать, это вести переговоры, прекращают совместный бизнес или просто ничего не делают. Почти половина (45%) используют формальные способы принуждения, то есть применяют оговоренные договором санкции, а если это не приносит результатов – обращаются в арбитражный суд.

Таблица 3.2.3

Последствия нарушения контрактов

Последствия	Частотность	Доля, %
Ничего не происходит	6	16
Переговоры	1	3
Прекращение совместного бизнеса	4	10
Санкции	17	45
Нет нарушения контракта	10	26
Всего	38	100

В практике лесных предприятий это не означает решения проблемы – в 70% случаев, как говорят менеджеры, предприятия не получают причитающийся долг. Это может быть объяснением, почему некоторые предприятия не принимают никаких мер при нарушении договоров. Правовая система России неадекватно обеспечивает деловые операции. Несмотря на плохую репутацию, предприятия, тем не менее, обращаются в арбитражные суды, что говорит о том, что они пытаются выходить на цивилизованные рыночные способы решения проблем. Но ограниченная возможность формальных институтов является серьезным недостатком. *«Два лесхоза нам должны сегодня в пределах 1 миллиона рублей за прошлые годы. Не только нам, но и другим предприятиям. Та задолженность, которая образовалась в 2000 году – 18 миллионов. Помните, наверное, ситуацию, есть долг, но выплатить его не*

могли, даже были отдельные попытки подавать в суд. Но эти деньги так и повисли. Если бы это коснулось или дошло до суда: предприятия в своем иске указали, в том числе инвестиционно вернуть свои потери, то конечно суд бы рассматривал. Ну, как в наше время судиться с государством? Но с другой стороны, каким путем мы должны доказывать свои позиции?».

Это объясняется не только неспособностью суда решить спор, но и неуправляемой организационной структурой российского бизнеса, что влечет за собой оппортунизм со стороны партнеров. Часто не возврат долгов имеет очень сложную запутанную систему финансовых отношений. *«Конечно, оплачивают нашу продукцию они плохо и долги у них перед нами высокие. Эти предприятия практически неплатежеспособны. И мы тоже имеем долги и перед лесхозом, Учебным центром в Петрозаводске. Получается так, что если посчитать все наши долги по всем видам платежей в бюджет, то наше предприятие оказывается фактически банкротом. Почему? Потому что очень высокие налоги, а собственного капитала предприятию не достает, высокие цены на топливо».*

Одной из отличительных черт работы лесных предприятий 90-х гг. были бартерные операции, которые использовались почти повсеместно. У 75% опрошенных предприятий бартер значился в качестве условия платежей, хотя в настоящее время его доля значительно сократилась. *«Ни Кондопога, ни Сегежа ни заплатили мне ни одного рубля за балансы, которые мы поставили им в январе 1998 г. С Кондопоги мы получили вексель на 100 тыс., которым удалось частично погасить налоги перед пенсионным фондом. С Сегежей всегда расчеты проходят по бартеру, через каких-то третьих лиц. Я им поставляю балансы, затем пишу разные бумаги, затем передаю мешки сегежские, они продают мешки и возвращают мне уже либо продукты, либо ГСМ. Живых денег здесь получить невозможно. За деньги мы продавали в начале работы нашей «Кареллесэкспорту», когда у них были деньги, и они сами вывозили отсюда. Продавали мы продукцию на ЛДК, через одну фирму, которая покупала у нас лес и пилила на ЛДК, пока комби-*

нат не обанкротился». (Экспедиция 1998г.). В частности в те сложные времена бартер был инструментом погашения конфликтных ситуаций между деловыми партнерами – если у предприятия возникали сложности с оплатой продукции, менеджеры договаривались об изменении формы платежей и заключали новые сделки с частичным использованием бартера. Понятно, что бартер не является рыночным инструментом, и его активное использование свидетельствует о серьезных финансовых проблемах предприятий. «А те потребители, что находятся в пределах Карелии – это бартерные варианты, бартерный вариант хорош, если он только в пределах 10 – 15 % от общего объема, а на остальное нужны деньги, так как людям зарплату платить надо и налоги тоже выплачивать государству. Такую ситуацию я не предполагал, так как сам я из Питера – и там 5% бартер, а 95% деньги, а здесь, наоборот. В Карелии тотальная неплатежеспособность предприятий. У нас нет практически оборотных средств. Мы иногда вынуждены из-за этого бартера снижать цены на свою продукцию: на балансы, пиловочник. Чтобы выжить. Ведь нужно как-то кормить людей». (Экспедиция 1999 г.).

Оценивая в целом практику деловых операций лесных предприятий Карелии, можно выделить несколько основных проблем, которые не только затрудняют их хозяйственную деятельность, но и зачастую сводят на нет все попытки движения в сторону рынка. Во-первых, финансовые институты не создают условий для инвестирования производства, что при имеющемся уровне изношенности техники и устаревших технологиях закрывают путь к развитию более 2/3 лесных предприятий Карелии. Во-вторых, сложившаяся деловая практика свидетельствует о том, что экономические агенты не используют полностью преимуществ формальных договоров, которые предназначены не столько для гарантии деятельности сторон, сколько служат промежуточным инструментом сделки, открытым к изменению в процессе ее осуществления. Это в свою очередь говорит об отсутствии формальных институтов, защищающих права лесных предприятий, и, как следствие, недостаточном развитии деловых практик, как неформального рыночного института.

Подводя итог анализу экономического поведения лесных предприятий Карелии с точки зрения их движения к рынку, можно сделать следующие выводы. Напомним, что за основной критерий оценки деятельности предприятий в исследовании была принята стратегия их развития в контексте рыночной реструктуризации. В ходе анализа были выявлены два основных типа предприятий – выживающие и реформаторы. Как первые, так и вторые в своем поведении проявляли признаки рыночности, хотя в целом лишь у 1/5 опрошенных предприятий можно наблюдать наличие рыночной мотивации и конкретные шаги в сторону формирования рыночных моделей поведения. Причем, чем больше у предприятия было благоприятных стартовых возможностей, тем оно успешнее функционировало в рыночном пространстве. Но нужно заметить, что сегодня еще трудно говорить о сформированном «чистом» типе предприятий, осуществляющих реструктуризацию, все выявленные тенденции пока только показывают ориентацию в этом направлении.

На этом фоне основная напряженность на пути к реструктуризации происходит между формальным регулированием и неформальной сложившейся практикой. Полученные результаты говорят о том, что именно неформальная практика сводит на нет все попытки предприятий строить и развивать рыночные отношения. Важным является то, что формальные институты при этом позитивно не эволюционируют, не происходит отторжения неэффективных практик, напротив, они закрепляются и продолжают снижать все рыночные усилия предприятий. То есть рыночные институты все еще слабы. При разрушении старых формальных структур лесного производства пока еще не созданы эффективные институциональные условия, что поставило многие предприятия на «грань выживания». Примеры позитивных изменений свидетельствует не столько о начале формирования эффективных институтов, сколько о степени адаптации успешных предприятий при использовании всех благоприятных внешних факторов.

В настоящее время лесная экономика Карелии является экономикой открытого экспорта, что, несомненно, оказывает влияние на

социально-экономическое развитие и самой лесной экономики, и региона в целом. В сложившейся ситуации самые серьезные требования к реструктуризации исходят из-за рубежа. Изменение экономической политики и формальной структуры отрасли в 90-е гг. поставили лесные предприятия в новые институциональные условия, обусловив конкуренцию между внутренним и внешним рынками в пользу последнего. В настоящих обстоятельствах экспорт ставит участников рынка в неравное положение, в сравнении с их зарубежными конкурентами, имеющими финансовые и институциональные ресурсы совершенно другого характера. Но если предприятия действительно выбирают ориентацию на рыночные отношения, экспорт требует структурных изменений, что является ключевой характеристикой реструктуризации. Сегодня эта ориентация уже просматривается, но не имеет достаточной институциональной основы.

3.3. Социальная устойчивость лесных поселений Республики Карелия: оценка проблем и перспектив развития

Устойчивость любой системы обеспечивается набором механизмов, охватывающих экстенсивные (запас свободной энергии), интенсивные (производительность) и структурно-информационные (гармоничность) характеристики системы. Для характеристики социума в качестве таких параметров используются: экстенсивный – продолжительности жизни; интенсивный – трудовой потенциал населения; информационный – половозрастная структура населения, структура расселения людей по типам населенных пунктов и структура населения по показателю «уроженцы-пришлые». [26].

В свою очередь данные характеристики обусловлены объективными и субъективными причинами. К объективным можно отнести социально-демографическую структуру населения, имеющуюся у него возможность работать, то есть наличие производственной инфраструктуры (хозяйствующих субъектов, предоставляющих рабочие места); возможность лечиться, получать образование

и отдыхать, то есть наличие социальной инфраструктуры. Субъективные параметры жизнеспособности социума связаны с социальным самочувствием, социальными ориентациями и ценностями населения, которые определяют не только его экономическое поведение, но и его жизненный тонус.

Устойчивость – это способность социальной системы сохранять себя в меняющихся условиях среды, сохранять в условиях нестабильности. Нестабильность – важная, но далеко не единственная характеристика условий жизни людей, которая влияет на устойчивость социальной системы. Применительно к задачам анализа социальной устойчивости нужно принимать во внимание как минимум два аспекта нестабильности – природный и экономический [16].

Природная нестабильность может быть охарактеризована неблагоприятными климатическими условиями. Территории северных районов Республики Карелия попадают в полосу рискованных климатических зон. Эта форма нестабильности существенно влияет на жизнеспособность конкретных индивидов, выступая фактором патологии. Нужно сказать, что статистика подтверждает – этот вид заболеваний является доминирующей причиной смертности среди сельского населения Карелии [31].

Природную нестабильность жизни людей северных лесных поселков можно связать с экономической нестабильностью через истощение лесосырьевых запасов. Изменение в сторону ухудшения лесной экосистемы, которое произошло в результате сильно концентрированных рубок леса в 60-е годы прошлого столетия, повлияло на устойчивость социума территорий, прилегающих к местам этих рубок. Здесь можно отметить два аспекта. С одной стороны – разрушение лесного ландшафта негативно влияет на природоохранные свойства леса (ухудшаются почвы, мельчают водоемы и т.п.), что косвенно снижает общий жизненный тонус населения. С другой стороны – отсутствие леса означает проблемы для предприятий – в условиях отсутствия сырьевой базы, оно либо сворачивает производство и перебазируется на другие места, либо медленно «умирает». Сегодня мы можем говорить, что природная

нестабильность существенным образом снизила устойчивость лесных поселков не только Республики Карелия, но и других многолесных регионов России.

Ставя задачу оценки социальной устойчивости, мы исходим из того, что лесные поселки представляют из себя социальные системы, включающие экономические и социальные субъекты и их связи и отношения. Для того, чтобы понять, имеют ли эти системы шансы на жизнь, необходимо оценить характеристики жизнестойкости их населения и уже через население определить способность такой системы, как лесные поселки, сохранять себя в условиях существующей нестабильности. «Поскольку именно человек в условиях глубокого системного кризиса экономики оказался ключевым звеном, способным найти оптимальный путь использования природного или технического потенциала в постоянно меняющихся и крайне неблагоприятных условиях начала 90-х годов» [16].

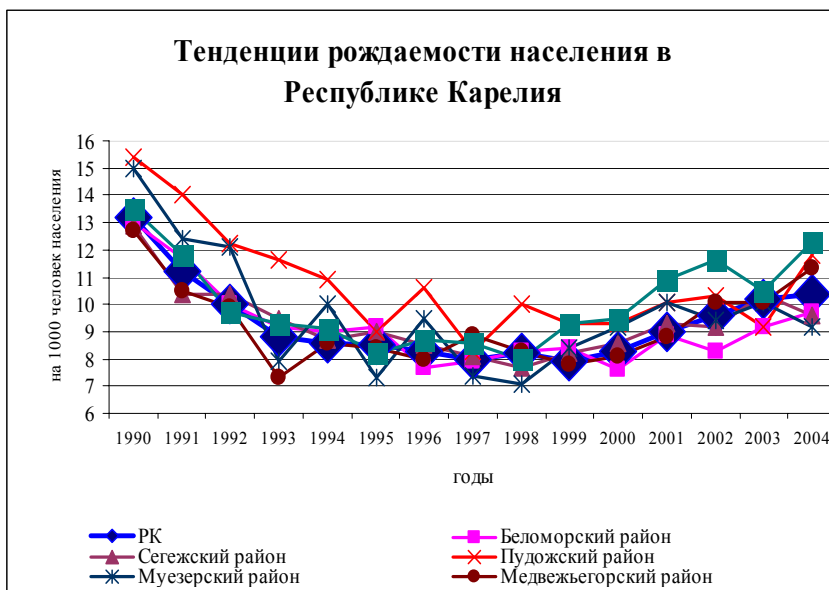
Существует довольно расхожее мнение, что жизнеспособность социума определяется, главным образом, нравственными, интеллектуальными, духовными (т.е. идеальными) особенностями. Однако часть этих особенностей имеет и чисто материальные проявления, которые поддаются исследованию и количественному анализу на основе статистически наблюдаемых материальных показателей.

Анализируя лесные поселки Карелии с точки зрения социальной устойчивости, можно сказать, что в сравнении с общей ситуацией в регионе по социально-демографическим характеристикам они имеют сниженные параметры. Так, за последние 14 лет, что совпало с происходящими в российском обществе рыночными преобразованиями, на исследуемых территориях значительно упали показатели рождаемости [10].

До 1999 г. наблюдается их общее существенное снижение, но особенно это заметно в северных районах – Беломорском, Муезерском и Медвежьегорском. В дальнейшем начался некоторый рост рождаемости, который, тем не менее, не преодолел 2-х разового падения этого показателя в сравнении с 1990 г. Естественно, это общероссийская тенденция, но нужно понимать, что не рождение

детей на севере значительно более серьезная проблема, чем для других территорий. Условия сурового климата, истощение лесосырьевых запасов и монопромышленное производство вряд ли будут привлекательными для молодых мобильных людей. То есть эти территории не будут пополняться населением, а значит, трудовыми ресурсами (диаграмма 3.3.1).

Диаграмма 3.3.1

Тенденции смертности в лесосырьевых районах Карелии еще более усугубляют демографическую ситуацию. Наблюдается аналогичная картина – для лесных поселков эти показатели превышают общерегиональные [10] (диаграмма 3.3.2.). Основными причинами смерти являются болезни системы кровообращения, несчастные случаи, отравления и травмы.

Это особенно актуально для лесных поселков, где наряду с высоким уровнем алкоголизации населения и как следствие, частыми отравлениями, достаточно высок уровень производственного травма-

тизма. Наиболее высоким травматизмом в России отличаются области Европейского Севера. Лесозаготовки и вывоз древесины на переработку содержат преимущественно низкотехнологичные производственные операции с высокой долей ручного труда и большим количеством рискованных операций. Вообще лесодобывающие регионы России традиционно имели высокую долю тяжелого ручного труда, причем снижение этой тяжести сегодня происходит от периферии к центру. Данное обстоятельство объясняется более высоким технологическим уровнем промышленности в центре страны и более низким в районах, освоенных недавно, особенно, в период социалистической индустриализации. Как известно из истории, интенсивное промышленное освоение Карелии началось 20-30-е гг. 20 века.

Диаграмма 3.3.2

Низким технологическим уровнем определяется сохранение в настоящее время большого числа вредных производств. В кризисный период в связи с высоким износом оборудования, применением некондиционного сырья и т.п. вредность этих производств еще более возросла. Для условий лесного сектора Карелии эти проблемы до сих пор остры. Так, статистические

данные [33] свидетельствуют о том, что в настоящее время в лесном секторе республики доля занятых тяжелым физическим трудом и в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим требованиям достаточно высока и практически не имеет тенденции к снижению (диаграмма 3.3.3). Высокие безопасные технологии пока слишком дороги для предприятий. В результате население продолжает жить и трудиться в условиях риска для здоровья и жизни.

Диаграмма 3.3.3

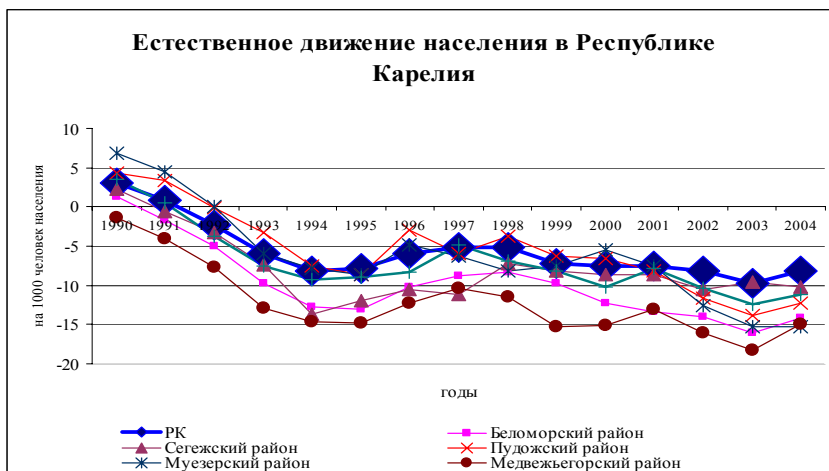

Распределение занятых тяжелым трудом во многом сходно с распределением занятых во вредном производстве и в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим требованиям. Для Карелии – это деревообрабатывающее и целлюлозно-бумажное производство. Здесь стоит привести один пример. Несмотря на недавнюю модернизацию одного из крупнейших целлюлозных комбинатов Карелии, его оборудование не достигает по экологическим нормам европейского уровня. То есть работники продолжа-

ют трудиться во вредных условиях. Здесь целый веер «вредностей» – загазованность, шум, вибрация. Причина состоит в том, что уже в момент закупки новое оборудование было морально устаревшим. Это большая проблема нашей экономики. Высокие технологии пока слишком дороги для предприятий. В результате население продолжает жить и трудиться в условиях риска для здоровья и жизни. В таких условиях параметры смертности остаются на очень высоких значениях.

На фоне показателей рождаемости и смертности характеристики естественного движения населения лесосырьевых районов региона выглядят совсем удручающе. Начиная с 1992 г., в Карелии не растет население. В настоящее время естественная убыль (превышение числа умерших над числом родившихся) в среднем по региону составляет 7 промилей на 1000 человек, в то же время, для таких лесосырьевых территорий, как Медвежьегорский и Беломорский районы этот показатель достигает 18 и 15 промилей соответственно [10]. И хотя в последние 2 года отмечено некоторое повышение рождаемости, это не является поводом для оптимизма (диаграмма 3.3.4).

Диаграмма 3.3.4

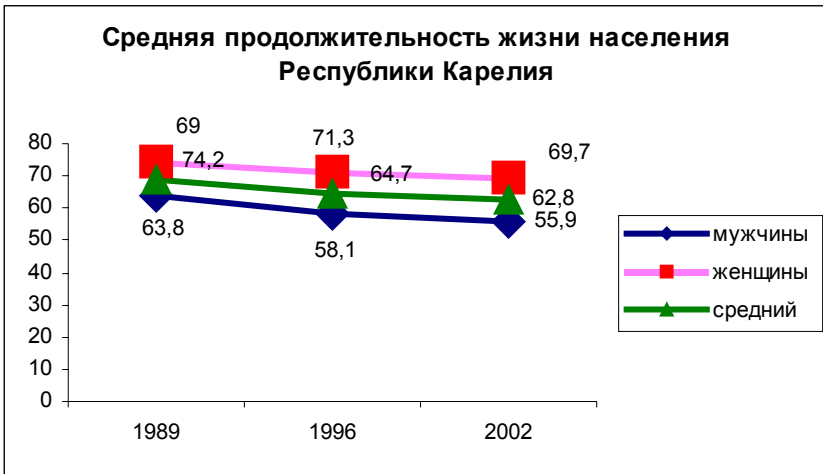

В 2004 г. на лесосырьевых территориях смертность населения превысила рождаемость в среднем в 2,5 раза, в то время, как в 1997 г. этот коэффициент составлял 1,8 [10]. Ситуацию со смертностью в значительной степени определяет динамика умерших в трудоспособном возрасте, численность которых растет опережающим темпом. Тенденция повышения смертности охватывает все возрастные группы сельского трудоспособного населения Карелии, наиболее высоки ее показатели в возрасте от 30 до 49 лет [31].

В результате, в условиях низкой рождаемости и высокой смертности, особенно мужского населения в трудоспособном возрасте, которая превышает женскую смертность в 3,5 раза, происходит быстрое старение населения лесных поселков. Сегодня возрастная структура населения на селе более «старая», чем в городе. Лесные поселки имеют еще более выраженную форму «постарения». Они стали поселками пенсионеров. Кроме демографических факторов данные тенденции обусловлены также удаленностью от центра, отсутствием нормальной социальной инфраструктуры, специфической лесной отрасли, не обеспечивающей женской занятости.

Ключевым фактором устойчивости социума является уровень продолжительности жизни. Он представляет собой комплексный фактор, включающий не только демографическую составляющую, но и такую характеристику, как комфортность жизни. По данным Госкомстата РК, в настоящее время средняя ожидаемая продолжительность жизни в сельской местности Карелии составляет для женщин – 67,4 года, для мужчин – 53,3 года. По региону эти значения несколько выше – 69,7 и 55,9 лет соответственно [32]. В среднем женщины в Карелии живут на 14 лет дольше. Следует сказать, что общая тенденция имеет понижательный характер: за прошедшие 15 лет продолжительность жизни как у мужчин, так и у женщин сократилась в среднем почти на 10%, а именно – у мужчин почти на 8 лет, у женщин – на 4,5 года (диаграмма 3.3.5).

Данные свидетельствуют, что в лесных поселках люди живут значительно меньше, чем в городах. С точки зрения устойчивости это крайне низкий параметр. Для сравнения, в Финляндии люди, работающие в лесной промышленности, живут в среднем 75 лет.

Чем же определяется продолжительность жизни? Почему в более или менее одинаковых климатических условиях наши люди живут значительно меньше, чем финны? «Экстенсивным показателем устойчивости системы обычно является показатель, характеризующий запас имеющейся в ней свободной энергии. Для социальной системы наилучшим показателем в этом отношении является продолжительность жизни. Сохранение и расширенное воспроизводство материальных и духовных ценностей в обществе осуществляется отдельными его членами. Соответственно, чем дольше существует каждый элемент общественной системы, тем большую полезную работу он в принципе может выполнить. Причем его ценность как хранителя и передатчика традиций и знаний с возрастом не снижается и даже растет. Отсюда сравнение «энергетического» потенциала социума разных регионов вполне адекватно можно оценить показателем средней продолжительности жизни индивидов» [16].

Социологическая теория рассматривает такой параметр социальной системы, как продолжительность жизни, в контексте благоприятных климатических условий, здоровья, факторов риска, ком-

фортности жизни и труда. Исследования российских социологов доказывают, что уровень продолжительности жизни имеет высокую корреляцию с плотностью населения [46, 47, 15, 38].

Практически все регионы традиционного расселения с высокой плотностью населения имеют более высокий уровень ожидаемой продолжительности жизни. К ним относятся регионы центральной и черноземной полосы России. На севере данный показатель резко сокращается. Для справки, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. численность постоянного населения Республики Карелия составила 716,3 тыс. человек. Среднее значение плотности населения – 4 человека на 1 кв. км, причем эта величина варьирует от менее 1 человека в некоторых северных районах до 10 – в некоторых южных районах. По численности населения регион занимает 67 место среди субъектов федерации и 9 – в Северо-Западном федеральном округе. Вся территория Республики Карелия отнесена к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним [31].

Итак, по продолжительности жизни северные регионы значительно уступают центральным и южным. И это имеет свои объяснения – чем комфортнее условия жизни, чем легче ее обустроить, тем больше вероятность, что сюда будет стремиться больше людей. На самом деле, плотность населения коррелирует с продолжительностью жизни через комфортность жизни. В регионах с дефицитом разнообразия условий для жизнедеятельности, где и погодные условия, и социально-бытовое обустройство населенных пунктов не отвечают нормам комфортности, экономические потрясения при отсутствии альтернативных вариантов деятельности, могут оказаться решающим фактором, способным подрывать здоровье или жизнь людей. Жизнь в таких условиях сопряжена с повышенным риском.

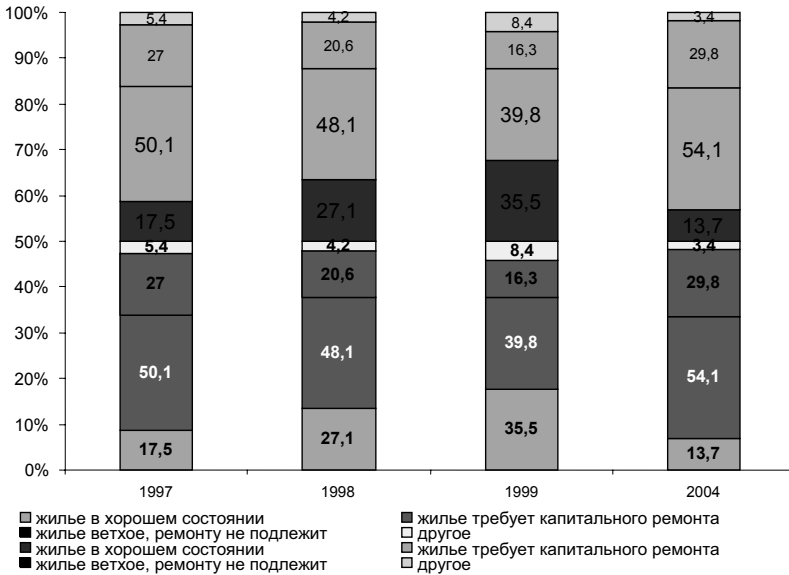
Условия жизни в лесных поселках Карелии не отличаются самым минимальным уровнем комфортности и устроенности. Следует сказать, что основной жилой фонд лесных поселков относится к разряду ветхого. И это естественно – поселки, построенные в 50-е годы прошлого столетия, задумывались как временное жилье для

лесозаготовителей. Дома барачного типа не имели элементарных удобств. К настоящему времени эти бараки пришли в полную негодность, но в них продолжают жить люди. Нужно сказать, что данная ситуация характерна для многих лесосырьевых районов Карелии – в первую очередь, Муезерского, Беломорского, Сегежского, Пудожского и др. Это подтверждают результаты обследований лесных поселков данных районов.

Как показывают результаты обследований (диаграмма 3.3.6), качество жилья оценивается респондентами – жителями лесных поселков, как в основном неудовлетворительное. Только от 13,7 до 35,5% респондентов считают, что их жилье находится в хорошем состоянии. Данный параметр имеет такой разброс в виду того, что, во-первых, обследование проводилось в разных поселках, во-вторых, сами оценки респондентов не всегда соответствуют действительности [6]. Так, некоторыми жителями барак, который еще не развалился, считается хорошим жильем.

⁶ Данные комплексных экономико-социологических обследований сельских территорий РК в период 1997-2004 гг., реализованных в рамках проектов «Социально-экономическая адаптация населения в условиях формирования рынка труда и занятости» (№ 96-02-02172), 1996-1998 г.г., проект РГНФ, руководитель Морозова Т.В.; «Адаптация населения к условиям экономики переходного периода», (№96-06-88002к), 1996, проект РФФИ, руководитель Козырева Г.Б.; «Стратегия устойчивого развития лесосырьевых районов Республики Карелия» (№ К 0985), 1997-2000, проект ФЦП Интеграция, руководитель Морозова Т.В.; «Экономическая активность населения и социальные стандарты потребления в период экономических реформ», (№ SP-99-3-20), 1999-2000 г.г., проект МОНФ руководитель Морозова Т.В.; «Создание независимого аналитического центра «Социо - Логос» (№ 036/1-01-ТК), 2001, проект МОНФ руководитель Морозова Т.В.; «Проблемы формирования институтов рынка в условиях переходной экономики», (№02-06-80482), 2002-2004 г.г., проект РФФИ, руководитель Козырева Г.Б.; «Организация и проведение экспедиционного экономико-социологического обследования экономического поведения предприятий Республики Карелия», (№03-06-88036), 2003, проект РФФИ, руководитель Козырева Г.Б.; «Социальное партнерство как инновационный механизм формирования социально-ориентированной политики занятости региона», (№ 03-0200385а), 2003-2005, проект РГНФ, руководитель Морозова Т.В.

**Качество жилья лесных поселков
(% ответов)**

Вместе с тем в ветхом, не подлежащем ремонту жилье, живут от 16,3 до 29,8% респондентов. Капитального ремонта, на который нет средств ни у самих жителей, ни у предприятия, ни у местной власти, по мнению респондентов, требует от 40 до 55% жилых помещений. В целом, 60-70% респондентов живут в плохих или ветхих, или требующих капитального ремонта домах.

К сожалению, за 7 лет (с 1997 до 2004 гг.) эта тенденция сохранилась и даже усилилась. То есть, жилищное обустройство для лесных поселков Карелии является серьезнейшей проблемой. Особую остроту она приобретает, когда жилье приходит в негодность на фоне падения благосостояния семьи, экономического падения градообразующего предприятия и общего экономического спада в стране. При не работающих институтах эту проблему можно решить, если просто украсть

лес. Потому что тот закон, который позволял жителю лесного поселка получить 100 куб. м. леса для строительства или ремонта дома, сегодня не работает, хотя его никто не отменял. Таким образом, несмотря на то, что уже несколько лет работает Программа «Социальное развитие села до 2010 г.» [5], куда попадают и лесные поселки, проблема жилья здесь не решается ни на уровне государства, ни на уровне градообразующего предприятия. Приходится констатировать, что на сегодняшний день комфортность жизни на этих территориях по параметрам жилищного устройства не отвечает требованиям устойчивости.

Жилищные проблемы стоят в одном ряду с проблемой социально-бытового обустройства, то есть социальной инфраструктуры и связанной с ней системой социального обслуживания. В лесных поселках, как и на всех сельских территориях, сокращается сеть учреждений социальной инфраструктуры, сужается доступ селян к основным социальным услугам – образованию и здравоохранению. Основная причина состоит в передаче социальной сферы с баланса предприятий на баланс местных администраций, которая не имеет достаточных средств не только для ее развития, но и просто для ее содержания. Так, на сельских территориях за последние 10 лет больничных коек стало меньше на 30%, работающих врачей – на 25%. За период с 1995 по 2003 г. произошло сокращение школ – на 10%, клубов – на 7%, библиотек – на 5%, прекратили работу 55% киноустановок. Кроме того, существенно сузился ассортимент бытовых услуг. Практически перестали работать химчистки, прекратили свое существование на селе такие виды услуг, как ремонт мебели, прокат, ремонт бытовых приборов. Существенно снизили свои показатели фотографии, парикмахерские, мастерские по ремонту обуви. Объем бытовых услуг в общей структуре платных услуг в сельской местности Карелии сократился с 31,5 % в 1991 году до 4,4 % в 2000 году. Например, в 8,5 раз сократились услуги по ремонту и строительству жилья, в 3,5 раза – по ремонту и пошиву одежды, в 2,5 раза – по ремонту бытовой аппаратуры. С другой стороны, в 2,4 раза увеличились расходы на ритуальные услуги, в 3 раза – на транспортные, что связано не увеличением количества услуг, а с удорожанием транспортных расходов [18, 31, 32].

Социально-бытовое обустройство в лесных поселках Карелии также, как и жилищное остается на крайне низком уровне и также не соответствует требованиям устойчивости.

Напомним, что одной из основных характеристик устойчивости в нашем анализе была принята продолжительность жизни. Причем, она рассматривалась через целый ряд факторов. А именно, анализ социально-демографических показателей: рождаемости, смертности, естественного движения, а также некоторых параметров, характеризующих комфортность проживания: жилищная обеспеченность, социальное обслуживание, условия труда, позволил количественно и качественно оценить социальное состояние лесных поселков Карелии, и сделать некоторые, пока только предварительные выводы. Уже на данном этапе анализа можно утверждать, что такой агрегированный показатель устойчивости, как продолжительность жизни, для лесных поселков оценивается сниженными параметрами.

Теперь попробуем рассмотреть следующий важный параметр устойчивости социальной системы – ее структурную составляющую. Для этого нам необходимо проанализировать поло-возрастную, расселенческую и структуру населения по показателю «уроженцы-пришлые». Оптимальное сочетание этих трех структур может дать высокий социальный эффект. Но возможны и другие варианты – например, доминирование в социальной структуре пришлого населения может не только нарушить баланс, но и разрушить ее изначальную природу.

Одним из факторов, определяющих устойчивость социальной системы, является механическое движение населения или миграция. Именно данные процессы, охватившие в послевоенные годы Карелию, обусловили не только резкое повышение численности населения, но и изменили его внутреннюю структуру. Приток населения в регион был связан с новым размещением и расширением лесозаготовительного производства. Этим процессам сопутствовало строительство Западно-Карельской железной дороги и дальнейшее освоение прилегающих к ней лесных массивов. За счет пришлого населения из других районов СССР в Карелии произошло

изменение территориального размещения населения, его социально-демографической и национальной структуры.

Бурное развитие лесной промышленности в послевоенные годы обусловил формирование на территории Карелии новой поселенческой структуры. Именно в это время появились лесные поселки. «С возникновением лесных поселков стала формироваться по существу новая система расселения, которая в значительной мере стала разрушать традиционную гнездовую. На смену групповому размещению поселений приходило иное пространственное рассредоточение населенных мест. Независимо от того, что одни лесные поселки возникали в непосредственной близости от деревни или группы деревень, другие на слабо освоенной или вообще незаселенной территории, в обоих случаях они превращались в своеобразные центры, стягивающие население» [19]. К началу 1959 г. по удельному весу проживающего населения лесные поселки образовали основной социально-отраслевой тип сельских населенных мест. В это время в лесных поселках проживало почти 40 % всего сельского занятого населения республики [там же, с. 44].

Эти процессы существенно повлияли на трансформацию социально-территориальной структуры Карелии, основными результатами которой стало сокращение аграрных поселений, формирование нового типа расселения сельского населения – не аграрного и аграрно-индустриального. Но самым серьезным социальным изменением стало формирование разнородной этнодемографической структуры в районах лесопромышленного освоения. Если вспомнить историю России, огромные малонаселенные ее регионы на стадии первоначального промышленного освоения лесов и недр заселялись двумя категориями людей – невольно узниками ГУЛАГа и добровольно – наиболее активной, авантюристичной частью населения. В Карелии, как известно, на лесозаготовки приехали мобильные люди в основном из Белоруссии, Украины и других регионов. Кроме того, ряды лесозаготовителей пополнились бывшими заключенными, которые остались на поселении как неблагонадежный контингент. То есть социальная структура

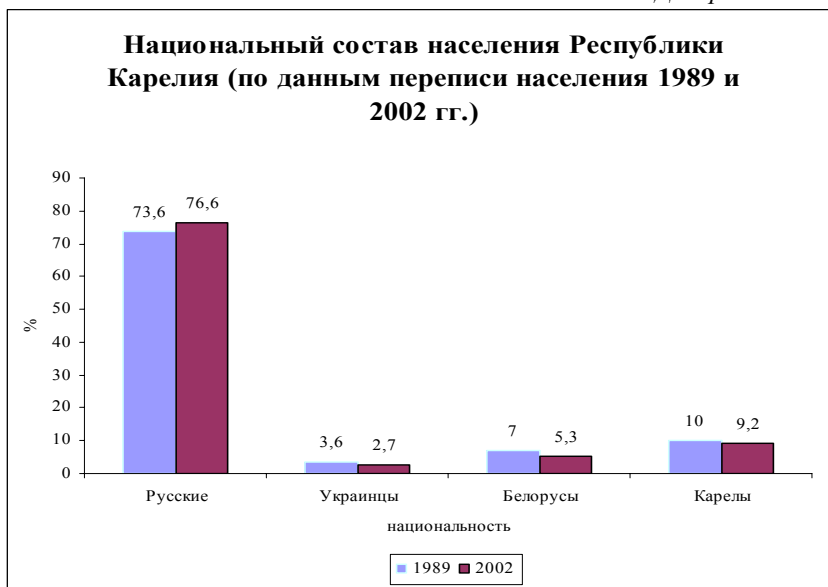
особенно лесосырьевых территорий Карелии была существенным образом «разбавлена» по идеологии «пришлыми людьми», «освоителями».

Этот процесс имел неоднозначный характер. С одной стороны, для мобильных социальных групп свойственно большее физическое здоровье и работоспособность, что, исходя из соображений устойчивости, повышало жизнеспособность социальной системы, в частности тех лесных поселков, куда они приезжали. Люди создавали семьи, рожали детей, как бы распространяя импульс здоровья и работоспособности. С другой стороны, большинство их не намеревалось жить на Севере всю жизнь. Для вальщика леса – главное стоимость кубометра спиленной им за день древесины. То есть со стороны этих «пришлых людей» наблюдалось агрессивное отношение к живой природе, что проявлялось в браконьерстве, незаконной заготовке лесных ресурсов. Способствовало такому поведению и то, что в стране вокруг них создавался романтический ореол. Такая двойственность внесла дисбаланс в социальную структуру лесных поселков. Вместе с тем социологически подтверждено, что дети «пришлых людей» уже более лояльны к окружающей среде, где они родились и выросли. Попав в ситуацию экономического неблагополучия, те, кто получил импульс мобильности от родителей, скорее всего, уезжают, а те из них, кто остается, продолжают влиять на состояние социальной среды.

Какая же из тенденций является доминирующей, позитивный или негативный эффект имел сам феномен «пришлых людей» для конкретных лесных поселков Карелии? Это спорный вопрос, но на, наш взгляд, сейчас можно говорить о том, что все-таки эти процессы имели в большей степени позитивный характер. При той малонаселенности территории и огромных запасах лесных ресурсов к послевоенному периоду без существенного вливания трудовых ресурсов регион бы не смог развиваться. По крайней мере, предшествующие миграционные процессы некоторым образом сбалансировали поселенческую структуру общества. И как показала жизнь, белорусы и украинцы, а это были наиболее представительные национальные группы, которые приехали осваивать север, достаточ-

но прочно осели на этих территориях. Результаты обследования лесных поселков Карелии подтверждают, что они вполне гармонично вписались в жизнь местных сообществ. По данным статистики, к моменту переписи 1989 г. в Карелии проживало 7% белорусов и 3,6% украинцев, и это означает, что эти группы прочно вошли в социальную структуру населения. К настоящему моменту национальная структура региона несколько изменилась (диаграмма 3.3.7) – доля украинцев и белорусов снизилась, что является последствием глубокого экономического кризиса. То есть экономическая нестабильность как внешний возбуждающий фактор вывел из равновесия устоявшуюся систему.

Диаграмма 3.3.7

После 1959 г. в Карелии происходило сокращение численности населения, проживающего в лесных поселках. Решающую роль в данном процессе сыграла миграция людей в другие районы республики и за ее пределы, вызванная замедлением темпов хозяйственной

деятельности и малоблагоприятными условиями жизни, несовершенной системой северных льгот. Особенно быстро численность населения снижалась в 70-е гг. К концу 1980-х гг. истощение лесосырьевой базы привело к закрытию подразделений леспромхозов (лесопунктов) в поселках, а затем к сокращению количества самих поселков. К 1990-м гг. лесных поселков в Карелии стало в 2,5 раза меньше, чем в начале 1960-х. Это произошло за счет уменьшения небольших лесных поселков или их объединения в более крупные. Так, по данным Кареллеспрома, если в 1959 г. в республике насчитывалось 347 лесных поселка, то в 1966 г. их было 294, а в 1998 г. осталось 126. К 2000-у г. в лесных поселках проживало 23% сельского населения Карелии. На фоне таких структурно-территориальных изменений продолжалась миграция населения [19].

Понятно, что в условиях потери работы, ликвидации объектов социальной инфраструктуры (школ, медицинских пунктов, магазинов и т.п.) население было вынуждено покидать обжитые места. Лесные поселения закрывались или жизнедеятельность в них постепенно затухала. [19]. Нужно сказать, что люди уезжали не только из закрывающихся поселков. Из более благополучных в экономическом и социальном плане лесных поселков уехала наиболее мобильная часть населения или те, у кого остались родственники в других регионах. Те, кто остался, особенно там, где не осталось ни производства, ни минимальной социальной сферы, или выживает, или медленно умирает. Проблема «умирания» поселков несет очень высокую гуманистическую нагрузку. Стоит вопрос об ответственности. Кто должен решить судьбу конкретных людей?

Вместе с тем не все лесные поселки пришли в упадок, некоторые продолжают существовать и остаются в зоне экономической активности. В настоящее время в Карелии основными районами, в которых сосредоточены лесозаготовительные производства являются Суоярвский, Пудожский, Сегежский и Муезерский. В этих районах от 70-90% населения проживает в лесных поселках. В целом в лесных поселениях живет 36% сельского населения Республики Карелия.

В ситуации экономической нестабильности социальные системы включают компенсационные механизмы, которые носят, прежде всего, социальный характер и определяют сохранение и приумножение материальных и духовных ценностей. Данный контекст позволяет перейти к рассмотрению интенсивных факторов социальной устойчивости, которые мы очертили таким понятием, как производительность социальной системы, которая обеспечивает ее самовозобновление. Производительность определяет сохранение и приумножение материальных и духовных ценностей [16].

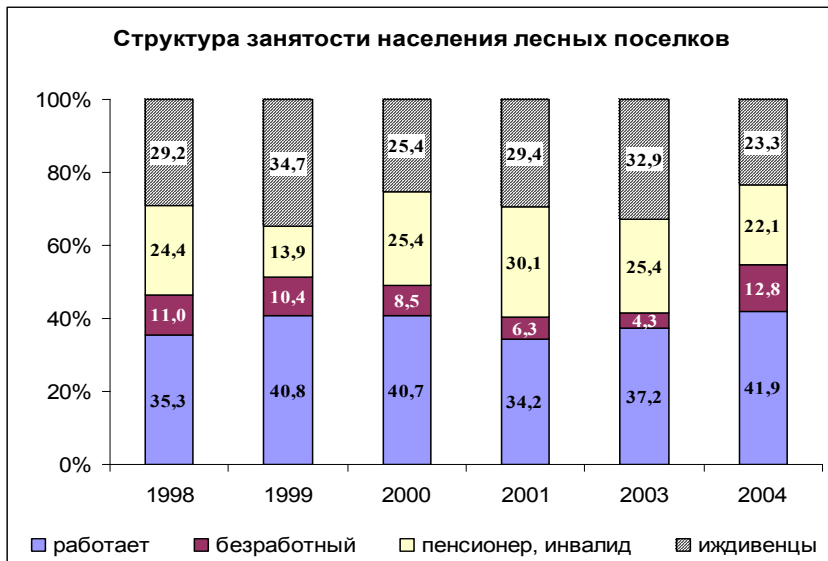
Поэтому основными показателями для оценки воспроизводства мы принимаем трудовой потенциал общества. В первом приближении трудовой потенциал регионов и других территориальных образований можно оценить по доле членов общества, занятых в экономике. Таким образом, одной из важнейших проблем социальной устойчивости выступает проблема занятости.

По данным наших исследований, в структуре занятости лесных поселков самую высокую долю занимает работающее население – за исследуемый период (1997-2004 гг.) она колеблется от 34 до 42% и имеет незначительную тенденцию к росту. Но нужно сказать, что социальная нагрузка на работающее население лесных поселков достаточно высока – в общей структуре доля пенсионеров, инвалидов и иждивенцев составляет от 45 до 60%. Не благополучная с точки зрения устойчивости социально-демографическая структура населения лесных поселков Карелии обостряет проблему безработицы. Наши исследования зафиксировали высокий уровень безработицы в лесных поселках – он варьирует по годам от 4,3 до 12,8%. Превышение уровня безработицы 10% отметки свидетельствует о критической ситуации на рынке труда (диаграмма 3.3.8.).

Специфика сельского рынка труда состоит в том, что в структуре потребности на рабочую силу преобладают вакансии временного и сезонного характера. Так, в 2003 г. среди заявленных вакансий сельскими работодателями Карелии, в том числе лесных предприятий, временные вакансии составили 61,9%, сезонные – 2,7%, постоянные – 32,7%. Причем, по каждой второй вакансии не была

оговорена заработная плата, около 30% вакансий содержали условия с заработком ниже прожиточного минимума.

Диаграмма 3.3.8

Нужно сказать, что проблемой является не просто безработица в лесных поселках. Там, где свернуто производство, население уже давно (практически все годы реформ) не имеет постоянной работы. К настоящему времени на территории Карелии полностью прекратили свою деятельность некоторые традиционные леспромхозы, что вызвало не просто закрытие предприятий и ликвидацию рабочих мест, а фактически лишило жителей лесных поселков материальной основы жизни. Особенно остро эти проблемы стоят в монопромышленных районах Карелии, а это – Муезерский, Пудожский, Суоярвский и др. районы. В отличие от пенсионеров трудоспособное население здесь «брошено» на выживание. Кто-то выживают посредством натурального хозяйства, кто-то занимается собирательством, охотой, рыбалкой. Многие просто опускаются. В Карелии есть прецеденты полностью маргинализированных посел-

ков, где население – 100% алкоголики. То есть, оказавшись в состоянии социальной эксклюзии и депривации, жители лесных поселков обречены на нищенское существование.

Существует еще одна острая проблема занятости – длительные периоды безработицы, и это на себе почувствовали многие лесные поселки. Длительная бездеятельность отбивают у людей желание трудиться. В результате, когда начинает стабилизироваться ситуация, появляется работа, люди от нее отказываются.

«Да в нашем поселке по сравнению с другими положение значительно лучше. В районе есть чисто лесной поселок. Там из действующих предприятий только лесхоз и лесопункт. Зимой у них работали 60 человек, дали им бензин, топоры, лопаты, машину. Возили целую зиму на работу. Заготовили они 2 тыс. куб. метров древесины. Люди отвыкли от работы, их дубиной не заставишь что-то делать. Сидит поселок, комбикорм уже третий год ест. А раньше были орденоносцы. Теперь ждут пособие по безработице» (из интервью директора лесхоза). С точки зрения устойчивости такие социальные феномены не могут давать положительной оценки социуму. Жизнеспособность такого социума на нуле – налицо его деградация.

Нужно сказать, что помимо совершенно бесперспективных ситуаций социальная реальность предлагает более сложные варианты. Занятость в лесных поселках определяется в основном политикой градообразующего предприятия, которое формирует определенный заказ на рабочую силу. Сегодня, когда уровень механизации начал стремительно расти, для работы на современном производстве требуются высококвалифицированные рабочие и инженеры. Руководитель предприятия заинтересован именно в таких кадрах. В настоящее время в силу объективных и субъективных причин те специалисты (как рабочие, так и инженеры), которые работают на лесных предприятиях, не всегда и даже достаточно часто не соответствуют требуемому уровню. Об этом говорят многие директора и менеджеры предприятий. Ситуация имеет разрешение, если специалист мотивирован на свой профессиональный рост. К сожалению,

как это не парадоксально, среди потенциальных работников, которые бы могли после соответствующего обучения или переобучения успешно работать, слишком мала доля тех, кто на это идет. Следует сказать, что среди молодежи сложилась особенно критическая ситуация. С одной стороны они жалуются на отсутствие достойной работы, достойной зарплаты, а с другой – отказываются от получения новой специальности даже при имеющейся возможности. Так, в Пудожском районе молодые люди не идут на курсы операторов новых машин лесозаготовительного производства, продолжая заниматься не квалифицированным низкооплачиваемым трудом. Кроме того, большинство специалистов из «местных», кто уже имеет такую подготовку, отказываются от работы, ссылаясь на ее высокую интенсивность.

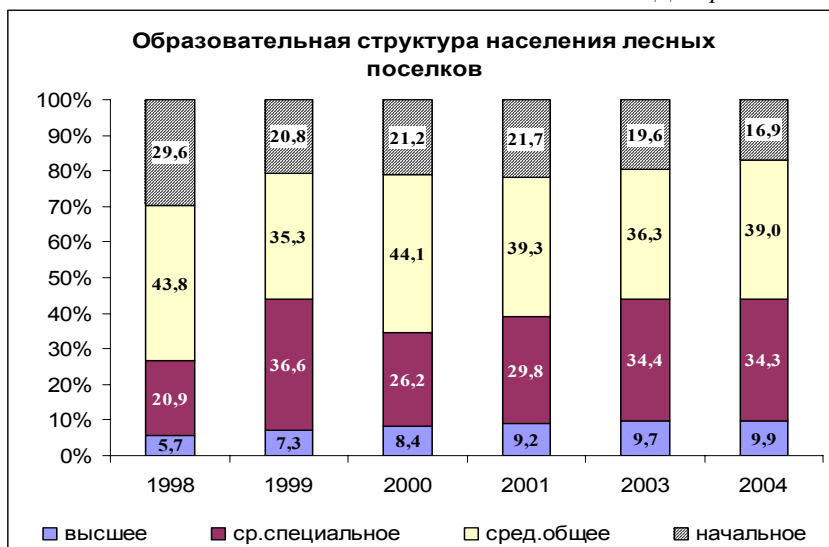
В таких условиях руководитель предприятия вынужден заявлять о рабочих вакансиях на региональный рынок труда или вообще приглашать работников из других регионов. Остается не ясным, является ли эта проблема чисто внутренней, то есть причина исходит только от нежелания или страха местного населения, сознательно идущего на депривацию, также как и в предыдущем примере. Или дело все-таки в нежелании руководства предприятия, которое не хочет связывать себя обязательствами перед тем, кто не внушает ему доверия. В любом случае, такие примеры, получившие распространение в практике, свидетельствуют о низких параметрах жизнеспособности социальной среды лесных поселков. Как молодежь, так и зрелое население, характеризуются слабо выраженной трудовой мобильностью.

С проблемами заниженной трудовой мобильности населения лесных поселков коррелируют проблемы его образовательного уровня (диаграмма 3.3.9.).

Результаты обследований показали, что в общей структуре удельный вес населения, имеющего высшее и неполное высшее образование, не превышает 10%. Данная тенденция вообще свойственна для сельской местности. Для лесных поселков Карелии более характерна сниженная доля населения, имеющего среднее спе-

специальное образование. В ряде случаев в образовательной структуре она уступает доле тех, кто имеет общее среднее образование. Нужно сказать, что локальные рынки труда с доминированием мужской занятости характеризуются в основном более низким уровнем образования и специальностями, не требующими высшего образования и часто не требующие даже среднего специального образования. Данные процессы свидетельствуют о том, что в периферийных регионах квалификационная структура труда экономической системы развивается по складывающимся еще в дореформенный период тенденциям. Высокий удельный вес неквалифицированного труда мало изменился за годы реформ. И здесь нужно учитывать исторически сложившуюся ситуацию: складывающаяся структура экономики лесосырьевых регионов России особенно послевоенных лет ориентировалась в большей степени на интенсивную лесозаготовительную деятельность, не требующую высококвалифицированной рабочей силы. Данные тенденции закрепились в последующие годы.

Диаграмма 3.3.9

Вместе с тем не следует забывать, что в лесной промышленности работает почти половина занятого населения Республики Карелия, что накладывает на лесной бизнес высокую социальную ответственность. По данным государственной статистики, распределение занятости по отраслям лесной экономики происходило следующим образом [33].

Таблица 3.3.1

**Численность занятых в лесной промышленности
Республики Карелия, чел.**

Отрасли / год	1991	1997	1999	2001	2002	2003	2004	2005 оценка
Лесозаготовительная	26458	17084	19470	20793	16280	15974	15529	12880
Деревообрабатывающая	12991	8095	6589	10521	7150	7020	6730	6300
Целлюлозно-бумажная	4432	12532	12368	12908	14880	14769	14995	14900

Данные статистики показывают, что 2-х кратное сокращение численности работающих произошло в лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслях. Это объясняется тем, что именно данные отрасли наиболее остро испытали на себе «груз» экономических реформ. Разрушение традиционной структуры производства и технологических связей в новых, не известных ранее обществу институциональных границах обусловили не только падение производства, но во многих случаях привело к ликвидации многих, в том числе социально значимых леспромхозов и лесозаводов. Целлюлозно-бумажная промышленность смогла вернуть свои позиции по численности персонала, хотя экономический кризис затронул и это производство. Нужно сказать, что и «Кондопога», и «Сегежа» к началу реформ были достаточно модернизированными предприятиями. Кроме того, «Кондопога», имея серьезное влияние на региональную власть, в трудные времена смогла продержаться на административном ресурсе.

Таблица 3.3.2

Среднемесячная зарплата рабочих и служащих лесного сектора экономики Республики Карелия

	Среднемесячная зарплата, руб 2005	Доля среднемесячной заработной платы, % (2005)
Промышленность РК	9200	100
Лесной сектор	8200	89,1
лесозаготовительная	7600	82,6
деревообрабатывающая	5800	63,0
целлюлозно-бумажная	9900	107,6

Трудовой потенциал определяется не только количеством, но и качеством занятости. И в первую очередь, этот параметр оценивается величиной заработной платы. Следует отметить, что лесной сектор в целом имеет достаточно высокий средний показатель заработной платы (таблица 2.3.2.). На сегодня ее доля в региональном среднем уровне зарплаты по промышленности составляет 89,1%, причем для целлюлозно-бумажной промышленности этот показатель равен 107,6%, для лесозаготовительной – 82,6%, для деревообрабатывающей – 63% [33]. Достаточно низкий по отношению к другим отраслям уровень зарплаты в деревообрабатывающей отрасли связан с низкими параметрами ее мобильности: слабым менеджментом и отсутствием маркетинговой стратегии, что не позволяет сегодня этому производству работать в рамках контрактов и застрахованных рисков.

Несмотря на достаточно высокий средний уровень зарплаты (по отрасли – 8200 руб.) существуют серьезные проблемы в оплате труда, как лесозаготовителей, так и деревообработчиков. На самом деле в условиях использования диаметрально отличных друг от друга технологий такой высокий уровень средней зарплаты свидетельствует об очень высокой дифференциации данного показателя. Понятно, что труд вальщика по традиционной технологии оплачивается значительно ниже, чем труд оператора на машине класса «Харвестер». Можно предположить, что один из них получает 3000, а другой – 20000 руб. Здесь на самом деле просматривается

некое социальное противоречие или даже конфликт. Когда-то престижный и высокооплачиваемый труд вальщиков сегодня ставится в ранг низко квалифицированного, хотя остается тяжелым и опасным. Оплата такого труда не компенсирует трудозатраты и является унижительной. Хотя экономически это объясняется достаточно просто – его производительность значительно уступает технологически новым видам труда.

В такой ситуации встает закономерный вопрос: можно ли это положительно оценить с точки зрения устойчивости? С одной стороны – да. С экономической точки зрения, новые технологии, повышая производительность, снижают долю ручного труда в структуре затрат, экономят материальные и трудовые ресурсы. Социальная сторона на первый взгляд тоже соответствует устойчивости – работник имеет намного более комфортные условия труда и получает достойную компенсацию. Но если вернуться к традиционному вальщику, положение приобретает несколько другой окрас. Действительно, он работает в опасных для здоровья условиях, интенсивность его труда значительно выше, чем у его коллеги, а зарплата, напротив, значительно ниже. Можно ли ликвидировать это противоречие? В идеале можно – всех перевести на новые машины. Реально – через 5-7 лет, но сегодня это почти невозможно. А пока рынок вытесняет старые технологии, государство должно включить институциональный ресурс. В этом будет состоять его социально ответственная роль. Потому что социальная ответственность должна делиться между бизнесом и властью. Иначе люди будут оставаться заложниками излишней «рыночности» бизнеса и безответственности власти.

Одним из индикаторов устойчивости социального состояния общества является степень устроенности жизни, который измерялся нами в ходе экономико-социологических обследований домохозяйств лесных поселков. Нужно сказать, что в нашем исследовании этот индикатор задумывался как некий интегральный показатель, который включает через субъективную оценку респондента целый ряд других показателей: материальная обеспеченность, жилье, работа и другие проблемы, связанные со здоровьем, детьми и

т.п. Для анализа мы выбрали только три самых представленных в распределении позиции: материальная обеспеченность, жилье, работа. Результаты распределений домохозяйств по степени устроенности жизни представлены на диаграмме 3.3.10.

В целом ситуация выглядит следующим образом. Устроенность жизни в оценках респондентов лесных поселков имеет в большей степени негативную, нежели позитивную направленность. То есть положительные оценки – жизнь вполне устроена и жизнь скорее устроена, чем нет, варьируют в значениях от 26 до 62%. Отрицательные же оценки имеют более высокие значения и варьируют от 37 до 70%, то есть их вес превышает положительные оценки в среднем на 10%. Это может означать, что в целом у населения лесных поселков жизнь скорее не устроена, чем устроена.

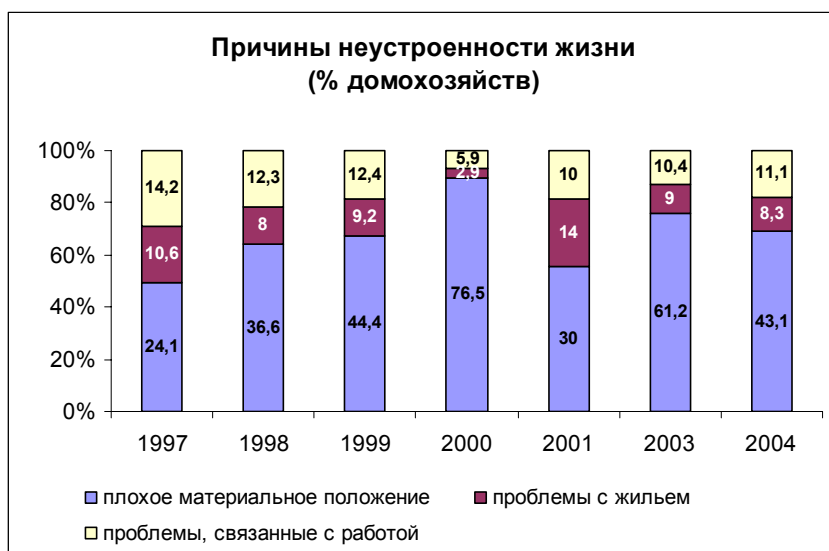
Диаграмма 3.3.10

Чем же объясняется неустроенность жизни жителей лесных поселков Карелии? Как видно из диаграммы 3.3.11, доминирующую позицию занимает мнение – плохое материальное

положение. В общем распределении домохозяйств доля этой оценки составляет в разные периоды от 26 до 76%. Тенденция изменений за 7 лет имеет волнообразный неустойчивый характер, но при этом просматривается основная доминанта – доля домохозяйств, жизнь которых не устроена из-за плохого материального положения, еще достаточно высока. Так, в 2004 г. в лесных поселках более 40% домохозяйств испытывали эти проблемы.

Диаграмма 3.3.11

Проблемы с жильем и работой в неустроенности в жизни занимают менее значимую позицию, но работа почти во всех случаях является более важной. Таким образом, результаты исследований показывают, что более половины домохозяйств лесных поселков испытывают неустроенность в жизни, связанную в основном с плохим материальным положением. Такое состояние социальной системы не может быть оценено как устойчивое.

Продолжая анализировать состояние устойчивости лесных поселков Карелии, обратимся к такому индикатору, как расходы бюджета домохозяйств, которые косвенным образом отражают не просто уровень доходов, а уровень зависимости этих доходов от внешних обстоятельств. Как домохозяйства лесных поселков тратят свой семейный бюджет в условиях экономической нестабильности, демонстрируют данные диаграммы 3.3.12.

Диаграмма 3.3.12

На этих данных отчетливо просматриваются несколько типов потребительского поведения. Во-первых, нужно сказать, что среди опрошенных домохозяйств совершенно не представлены типы, которые не отказывают себе ни в чем. Следует отметить, что данная позиция была заложена в анкету, но осталась без внимания респондентов. Это свидетельствует о том, что с учетом

репрезентативности выборки экономическое неблагополучие обусловило исчезновение в лесных поселках вполне достаточных в материальном отношении домохозяйств.

Во-вторых, более или менее сносное существование ведет достаточно ограниченный круг домохозяйств лесных поселков. Наше обследование показало, что количественно данный тип занимает примерно от 10 до 25% в общей структуре домохозяйств, при этом имеет отчетливую тенденцию к снижению во времени. Причем в границах этой группы размещены как домохозяйства, позволяющие себе все текущие расходы и товары длительного пользования, так и те, чей бюджет выдерживает только текущие расходы без излишеств. То есть в условиях экономической нестабильности устойчивость в потребительском поведении потеряли до 15% домохозяйств лесных поселков. Нужно учесть, что точкой отсчета в нашем исследовании является 1997 год, к моменту которого уже более половины домохозяйств лесных поселков значительно снизили свои материальные характеристики.

В-третьих, в лесных поселках достаточно распространен и имеет тенденцию к существенному росту (от 16,2% в 1997 г. до 45,8% в 2003 г.) тип потребителя, ориентирующийся на суженный спектр потребления, который способен сегодня расходовать свой бюджет только на еду, оплату жилья и товары первой необходимости. Эти данные свидетельствуют о том, что процессы депривации населения в лесных поселках Карелии начали приобретать массовый характер.

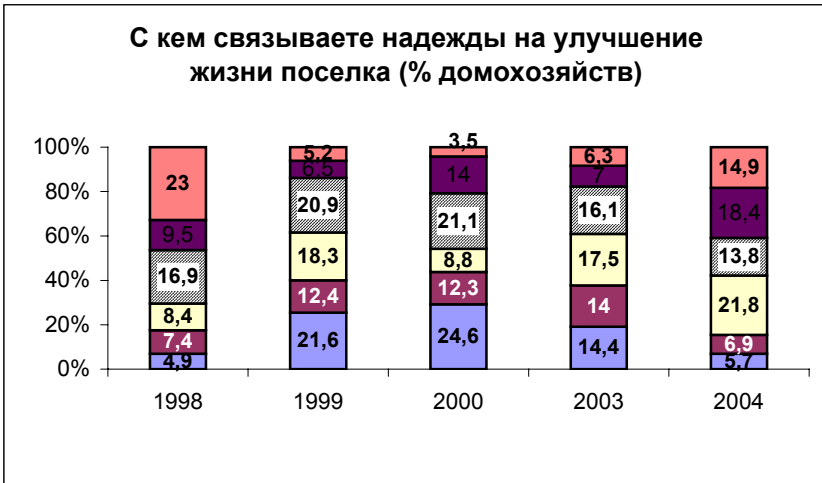
Справедливость этого вывода подтверждается четвертой тенденцией, выявленной в процессе исследования. Самым представленным среди домохозяйств лесных поселков (от 30 до 50%) является потребительский тип домохозяйств, вынужденных сегодня отказывать себе практически во всем. Набор их потребительских ориентаций включает только самую простую еду и оплату жилья.

Следующая группа домохозяйств, которая была зафиксирована в нашем исследовании, относится к самой низшему по потребительскому поведению рангу – необратимой депривации, когда

средств семейного бюджета не хватает даже на самую простую еду. Нужно сказать, что представленность этой группы в общем распределении имеет достаточно позитивную тенденцию – доля таких домохозяйств в динамике существенно снижается – от 20% в 1998 г. до 2,6% в 2003 г., что говорит о повышении ранга потребительского поведения 1/5 домохозяйств лесных поселков. Тем не менее, данная позитивная тенденция не сглаживает остроту проблемы. Общий вывод состоит в том, что в настоящее время половина домохозяйств лесных поселков Карелии находится в состоянии депривации, для некоторых групп это состояние уже не обратимо.

На основании данных выводов и в контексте поставленных в исследовании задач зададимся вопросом, в какую сторону отклонен «маятник» социальных систем под названием лесные поселки? Можно ли считать движением в сторону жизнеспособности переход некоторой части эксклюзивных групп в группу временных и необратимых депривантов? Является ли свидетельством этому также процесс формирования устойчивого «ядра» из потребительских групп, которые сегодня хоть и не допотребляют, но все-таки также стремятся к улучшению ситуации? Важно то, что доминирующая группа потребителей, которая в количественном измерении достигает 50%, демонстрируют свою способность выживать в условиях глубоких социальных и экономических кризисов. А это уже движение в сторону жизнеспособности социальной системы.

Оценивая состояние устойчивости лесных поселков, попробуем проанализировать те субъекты, с которыми местное население связывает свои надежды на будущее (диаграмма 3.3.13.). Примечательно то, что респонденты однозначно не определились, кто или что поможет им в первую очередь. Доминирующие позиции не занял ни один из субъектов. Среди предложенных для выбора субъектов более стабильной поддержкой среди респондентов пользуется региональная власть. Она, правда, постепенно снижает свой рейтинг, но разброс мнений не так велик – от 21 до 13,8%.

Следующую по значимости рейтинговую оценку получило градообразующее предприятие. В данном случае разброс мнений значительно шире – от 8,4% в 1997 г. до 21,8% в 2004 г. Что особенно важно, наблюдается позитивная тенденция – рейтинг предприятий в оценках местных жителей существенно вырос. Может быть, это частично связано с некоторой экономической стабилизацией, в результате которой жители увидели определенные позитивные изменения, которые коснулись, в том числе и их. Вообще, по мнению многих жителей лесных поселков, что было выяснено в ходе глубинных интервью, предприятия должна переоценить свою социальную роль. Ведь здесь концентрируются основные ресурсы поселков – природные, материальные, финансовые, трудовые. Советская модель социальной ответственности может быть понятна, но не достаточно эффективна.

Настораживающим фактом является существенное, почти в 3 раза, снижение рейтинга самих местных жителей по их роли в судьбе поселка. Это может означать нарастание состояния эксклюзии, тем более, что снижение роли местных жителей происходит на фоне повышения пессимизма. Поселку ничто не поможет –

так ответили почти 15% респондентов в 2004 г., в то время, как в предшествующий период так считали не более 6%. Одновременно в оценках жителей лесных поселков существенно, практически в 2 раза, повысился рейтинг российской власти, что может свидетельствовать о начале процесса формирования доверия государству как системе.

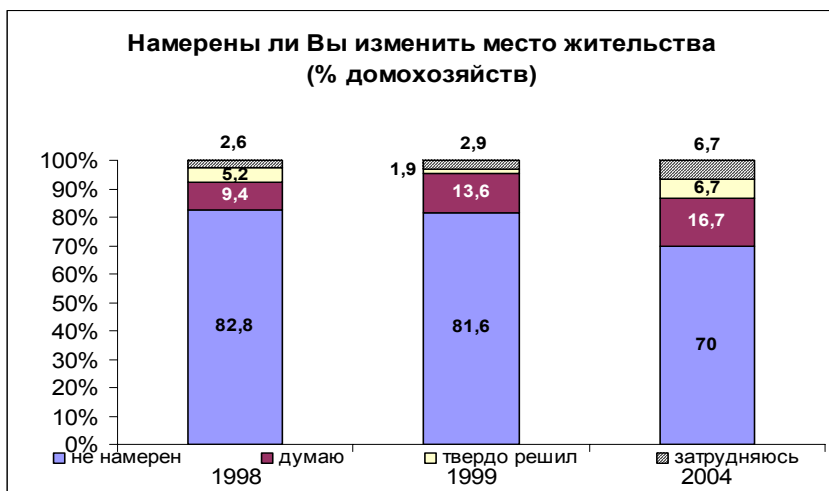
Вопрос о роли субъектов в жизни поселков является важным в контексте формирования устойчивых социальных связей и отношений. Сегодня, когда в нашем обществе очень высок уровень персонафицированности доверия, особенно в малых социальных системах, какими являются лесные поселки, высока роль социальных связей, которые тесно переплетены с производственными. В условиях несовершенных формальных институтов неформальные отношения доминируют в российском обществе, являясь стабилизатором социальной системы. Если вспомнить К. Поланьи с его системой реципрокности, основанной на взаимовыгодных обменах, можно предположить, что именно на этой системе сегодня держатся лесные поселки [75].

Системы, где сохранены социальные связи, где на их основе формируются социальные сети, включающие не только первичное, но и вторичное социальное окружение, способны не только к выживанию, но и к самовоспроизводству. Там, где предприятия медленно «чахнут» или «умирают», появляются новые субъекты, выполняющие для сообщества поддерживающие функции. Например, частные предприниматели, фермеры, сильные домохозяйства, функционирующие в рамках поселка. В большинстве случаев, эти структуры начинают обеспечивать жизнедеятельность как населения, так и объектов социальной сферы [19].

Социальная система может иметь шансы на свое существование при одном простом условии – если в ней останутся люди, если они не умрут и не уедут. Если люди остаются в лесных поселках и пытаются решать свои жизненные проблемы даже самостоятельно без власти и без градообразующего предприятия, то эта система способна к самовоспроизводству. Мы попытались определить, на сколько остро стоит проблема,

связанная с намерением уехать из поселка и как она менялась по прошествии 7 лет (диаграмма 3.3.14.). И чем оптимистичнее выглядели данные, тем больше появлялось поводов для дополнительных размышлений. Во-первых, несмотря на незначительную долю респондентов, думающих на тему отъезда, или твердо решивших уехать, тенденция начала приобретать устойчивую направленность. Эта доля увеличилась за период 1998 – 2004 гг. с 14 до 23%. Во-вторых, высокая доля в общем распределении домохозяйств тех, кто не собирается никуда уезжать, может говорить о том, что людям просто некуда деться. Лесные поселки стали своего рода «анклавами» маргиналов. И это не обязательно опустившиеся люди. Наши наблюдения позволяют утверждать, что это люди, не сумевшие вписаться в общую социальную структуру, не имеющие предпринимательских навыков, не захотевших отказаться от своих идеалов, вставших на путь поиска справедливости и т.п. Но иногда маргиналы становятся носителями новых идей и новых моделей жизни. Не исключено, что среди жителей лесных поселков Карелии найдутся такие.

Диаграмма 3.3.14

Итак, подведем итог нашему анализу. Основная задача исследования была связана с попыткой оценить социальную устойчивость лесных поселков Карелии. Напомним, что оценка осуществлялась по трем составляющим: продолжительности жизни, социальной структуре и производительности или состояния трудового потенциала лесных поселков Карелии. В результате проведенного анализа получены следующие выводы.

Во-первых, продолжительность жизни применительно к лесным поселкам Карелии не отвечает требованиям устойчивости. Об этом свидетельствует не только количественная оценка самого показателя, которая крайне низка и отстает от средне российского уровня. Об этом говорят те параметры, через которые он проверялся, а именно – комфортность жизни и труда, наличие факторов риска для здоровья, плотность населения. По все этим параметрам лесные поселки являются зоной не комфортности и риска.

Во-вторых, социальная структура лесных поселков выступает в качестве гармонизирующей составляющей и рассматривается через такие параметры, как расселенческая структура, механическое движение населения, его социальное состояние и настроение, наличие плотных социальных сетей. Это наиболее благоприятная составляющая устойчивости, позволяющая делать менее пессимистические прогнозы.

В-третьих, производительность социальной системы, которая проверялась через состояние трудового потенциала, на сегодняшний день не может быть оценена однозначно. С одной стороны, высокая доля занятых в лесных отраслях, высокий средний уровень заработной платы. С другой стороны, проблемы качества занятости: занятость и обучение молодежи, безработица, несоответствие квалификационной структуры труда предъявляемому спросу, несбалансированность уровня заработной платы, отсутствие эффективных компенсационных механизмов за труд во вредных условиях и условиях риска. Эти факторы существенно снижают жизнеспособность лесных поселков.

Если попытаться найти точку, которой соответствует место лесных поселков Карелии в континууме социальной системы: жизнеспособность – деградация, то, по всей видимости, она скорее будет приближена к состоянию деградации. В такой ситуации можно прогнозировать несколько сценариев развития лесных поселков.

Первый сценарий – самый пессимистический и крайне не желательный, когда лесные поселки в ближайшие 10 лет прекратят свое существование. При этом хозяйственная деятельность может быть продолжена вахтовым методом. Население постепенно частично уедет, частично просто умрет.

Второй сценарий связан с формированием и развитием в «недрах» социальных систем механизмов самоорганизации. Там, где предприятия медленно «чахнут» или «умирают», появляются новые субъекты, выполняющие для сообщества поддерживающие функции. Например, частные предприниматели, фермеры, сильные домохозяйства, функционирующие в рамках поселка. В большинстве случаев, эти структуры начинают обеспечивать жизнедеятельность как населения, так и объектов социальной сферы. Это направление в некоторой степени уже начало развиваться.

Третий сценарий – самый оптимистический, который основан на механизмах социальной ответственности как государства, так и бизнеса. Со стороны предприятия социальная политика развития и поддержки, как своих сотрудников, так и территории, должна строиться на принципах хороших партнеров – стейкхолдеров. Эта модель поведения ориентирована на социальные инвестиции, когда бизнес вкладывает в развитие социума, работая на повышение его устойчивости. Интерес двойной – с одной стороны сотрудники работают на имидж предприятия, повышая его социальный капитал, с другой – государство обеспечивает определенные гарантии по его поддержке. Если такая модель отношений станет основной в лесном комплексе, лесные поселки «оживут». Эта модель наилучшим образом согласуется с принципами устойчивого лесопользования.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ УСТОЙЧИВОГО ЛЕСОУПРАВЛЕНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

4.1. История формирования и современное состояние системы лесной сертификации как механизма устойчивого лесоправления

Одним из эффективных механизмов, способных установить баланс между целями государства, бизнеса и социума, является лесная сертификация. Система лесной сертификации возникла как ответ на гражданские инициативы мирового общественного движения. В основу данных инициатив положены принципы концепции устойчивого развития и одного из ее направлений концепции устойчивого лесоправления. Как уже отмечалось, формирование таких прогрессивных взглядов началось еще до Рио-де-Жанейро на Стокгольмской конференции 1972 г. Основным поводом для этого послужила информация о том, что к настоящему времени на планете Земля уничтожено 2/3 мировых запасов лесов. Учеными экологами делаются достаточно угрожающие прогнозы: всемирное потепление климата, масштабные экологические катастрофы, и как результат – мощные социальные потрясения.

Под влиянием таких прогнозов активизировалась просветительская и пропагандистская деятельность экологических общественных движений, которые в свою очередь активизировали позицию правительственных и неправительственных структур экономически развитых стран. В мировом сообществе начался поиск адекватных механизмов, способных реализовать принципы концепции устойчивого развития, основанные на балансе экономического, экологического и социального компонентов развития. Такие механизмы должны иметь не декларативную и не запретительную, а конструктивную основу. Концепция устойчивого лесоправления

развивается в контексте формирования именно таких конструктивных механизмов. Подтверждением служит то, что в мировом сообществе появился высокий спрос на лесопroduкцию, выращенную и заготовленную в устойчиво управляемых лесах.

Устойчивое лесопользование не противоречит признанию того факта, что негативное воздействие на окружающую среду неизбежно, однако может быть существенно сокращено. Лесопользование, организованное по принципам устойчивости, должно быть максимально приближено к естественным условиям произрастания лесов. При этом функционирование лесной промышленности не ущемляется и сохраняется на максимально возможном уровне. Общество в свою очередь получает дополнительные прямые и косвенные социальные эффекты.

Такая система заложена в основу лесопользования скандинавских стран и позволяет кардинально увеличить конкурентоспособность лесопroduкции. Условием высокой конкурентоспособности является доведение до покупателя информации об условиях выращивания и заготовки древесины. Данная информация является ключом к формированию механизмов устойчивого лесопользования.

Под влиянием международных инициатив в настоящее время изменения в мировой торговле лесоматериалами связаны с появлением разного рода запретов, обусловленных ориентацией потребителя на экологически чувствительные рынки. В ряду таких запретов стоят:

- полный запрет на экспорт;
- частичный запрет на экспорт;
- бойкот;
- запрет на сплошные рубки;
- ограничения;
- лесная сертификация [29, с.18].

Лесная сертификация появилась как альтернатива бойкотам и является одним из наименее запретительных нетарифных барьеров торговли лесоматериалами. Среди потребителей лесопroduкции, ориентированных на экологически чувствительные рынки, существ-

вует понимание того, что некачественное лесное хозяйство оказывает сильное негативное влияние на окружающую среду, а также на социум, в первую очередь, на работников отрасли.

Сама идея лесной сертификации возникла в недрах концепции устойчивого лесопользования и развивалась вместе с ней, пройдя Рио-де-Жанейро, Хельсинский, Монреальский и другие международные переговорные процессы. В результате страны Европы и Северной Америки, а также страны, эксплуатирующие тропические леса, на практике приступили к реализации экологических принципов в области лесопользования, охраны и защиты лесов [73]. Эта практическая деятельность получила название «лесная сертификация».

Задуманная как комплекс экологических мер, направленных на обеспечение постоянного, неистощительного лесопользования, в результате влияния ряда политических и экономических факторов на некоторых лесных рынках, лесная сертификация стала мощным средством конкурентной борьбы посредством введения жестких ограничений на торговлю древесиной и продукцией ее переработки. Сильное давление на рынках Европы было оказано на производителей лесопродукции скандинавских стран (Швеция, Финляндия), когда государства-импортеры (Германия, Нидерланды, Великобритания) вводили эмбарго на импорт лесной продукции, обосновывая эти решения не соблюдением экологических правил лесопользования при заготовке древесины. Эти процессы на европейских лесных рынках затронули и интересы России, что выразилось в сокращении экспорта круглых лесоматериалов, особенно в тех субъектах Российской Федерации, которые традиционно поставляли древесину в Финляндию. К ним относятся Республика Карелия, Ленинградская и Мурманская обл., поставляющие финской компании «Стора-Энсо» около 15—20 % потребляемых ею круглых лесоматериалов. Серьезный экономический урон от введения «экологического эмбарго» на экспорт круглых лесоматериалов в 1996 г. был нанесен лесному сектору Карелии, где лесозаготовительные предприятия, работающие на территориях, граничащих с Финляндией, были вынуждены резко сократить объемы лесозаготовок, так как значительная часть лесного фонда в соответствии с экологическими тре-

бованиями западных лесных рынков была переведена из категории эксплуатационных лесов в категорию особо охраняемых. Развитие ситуации в данном направлении заставило многие европейские лесные компании пересмотреть свои подходы лесоуправлению.

Смысл сертификации как инструмента торговой политики состоит в изменении экологических и социальных аспектов лесоуправления и лесопользования. Лесной сертификат свидетельствует о том, что продукция заготовлена без ущерба природе и социальной сфере. Несмотря на первоначально кажущуюся экологическую перегруженность и не рыночность системы сертификации, эффекты включенных в этот процесс лесных компаний вполне внушительны.

Независимая лесная сертификация дает существенные преимущества, которые являются гарантией устойчивого развития лесного бизнеса, гарантией долгосрочных контрактов с солидными партнерами, а значит, и гарантией устойчивого сбыта продукции в перспективе. Уполномоченной Комиссией ЕС принято следующее определение: «Система лесной сертификации и связанная с ней классификация являются *рыночными инструментами*, которые, прежде всего, нацелены на продвижение устойчивого лесоуправления и использование лесной продукции, поступающей из восстанавливаемых и устойчивых источников» [29]

Крупнейшие мировые лесные компании активно включились в процесс сертификации лесов. Такие страны, как Швеция, Германия, Финляндия, Австрия сертифицировали уже 100% лесных площадей, Польша – более половины. К этому же показателю стремятся Прибалтийские страны. Россия начала включаться в это движение. На сегодняшний день в России сертифицировано около 9 млн. га леса, что составляет около 1% ее лесного фонда. В настоящее время (на начало 2006 г.) в мире имеется более, чем 260 млн. гектаров сертифицированных лесов, 95% из которых принадлежат региону UNECE. Примерно 60% сертифицированных лесных площадей расположены в Северной Америке, и около 36% – в Западной Европе. Возможности поставок сертифицированного леса в настоящее время составляют примерно 22% от потребления [64].

Институционализация системы лесной сертификации прошла определенный исторический путь. Первой в мире системой сертификации лесов стала система FSC (или Лесной попечительский совет), созданная с целью предотвратить исчезновение тропических лесов по инициативе общественных организаций, лесных хозяйств и деревообрабатывающих предприятий. Большая часть лесов, сертифицированных по данной системе, расположена в Северной Америке и Европе. Задуманный в 1990 году, этот Совет был учрежден в 1993 году в Торонто в Канаде. Внедрение системы FSC активно поддерживается Всемирным Фондом Природы и Всемирным Банком.

В настоящее время Центральный офис организации находится в Бонне (Германия). Высшим органом власти FSC является Генеральная ассамблея членов FSC, которая проводится каждые два-три года. В состав входят три палаты, каждая с одной третью голосов, представляющие социальный, экономический и экологический блоки. В каждой палате поровну представлены как «северные» (развитые), так и «южные» (развивающиеся) страны. Конкретные стандарты разрабатываются на национальном уровне с применением многостороннего процесса [81].

Различают три типа сертификата FSC:

- Сертификат лесопользования и лесопользования (FM). Проводится оценка предприятия, ведущего лесное хозяйство или осуществляющего лесопользование (анализ документации, полевой контроль). Предприятие получает сертификат, но не получает права на использование товарного знака.
- Сертификат цепи поставок «от производителя к потребителю» (CoC). Оцениваются все входящие в цепь поставок предприятия, начиная с лесных хозяйств и заканчивая розничными торговцами, которые перерабатывают и/или закупают сертифицированную продукцию и желают продавать ее как сертифицированную. Это требование не касается только предприятий розничной торговли, продающих изделия непосредственно конечному потребителю. Системы контроля цепи поставки вместе с соответствующей документацией позволяют

проследить каждый шаг обработки лесопродукции. Предприятие получает сертификат и право использовать товарный знак.

- Совместный сертификат (FM-CoC). Выдается предприятию, ведущему лесное хозяйство или осуществляющему лесопользование и проходящему сертификацию не только лесопользования, но и цепи поставки. В этом случае предприятие обязано доказать, что движение древесины в рамках лесозаготовительного предприятия гарантирует не смешение сертифицированного и не сертифицированного сырья. Предприятие получает сертификат и право использовать товарный знак на продукцию.

Сертификат FSC – письменно оформленный документ, удостоверяющий, что ведение лесного хозяйства и лесопользование в конкретном районе соответствуют определенному стандарту, отвечающему критериям ответственного лесопользования. Срок действия сертификата FSC – пять лет. Ежегодно проводится мониторинг соответствия ведения лесного хозяйства и цепи поставок предъявляемым требованиям «Принципов и Критериев FSC».

Для того чтобы подтверждать и укреплять лидирующие позиции на рынке лесной сертификации, FSC активно развивает международную сеть. Расположенный в Бонне (Германия) центр FSC контролирует работу ряда офисов. В Италии находится офис, занимающийся вопросами сертификации в Европе. В Северной Америке действуют FSC-офисы США и Канады. В Панаме – офис, курирующий ситуацию в странах Латинской Америки, объединил 11 национальных рабочих групп. В Ганне открыт африканский офис, в Бангкоке – офис по Юго-Восточной Азии. В ближайших планах – создание китайского национального офиса, который будет расположен в Пекине. Важным событием можно считать появление FSC офиса в России. Его создание – итог двухлетних переговоров и своеобразное подтверждение популярности в нашей стране этой сертификационной системы [80]

Международная система FSC стремится к максимальной информационной открытости. Готовность к постоянному диалогу

обеспечила ей уважение ключевых организаций, связанных с лесом: природоохранных, социальных, правительственных и бизнес – структур. Очень много международных компаний используют FSC-сертифицированные продукты. Несколько строительных проектов, например, аэропорт в Сан-Франциско, здание суда в Лондоне, ряд строительных объектов в Голландии были выполнены из FSC-сертифицированных лесоматериалов. Финансовые фирмы также реагируют на экологическую чувствительность рынка: например, в Англии в одном из крупных банков приняли решение, что все инвестиции будут привязаны к лесной сертификации. [80].

Кроме системы FSC, в настоящее время в Европе активное развитие получила другая система лесной сертификации. Весьма многочисленная группа мелких лесных лесовладельцев Европы, которые играют существенную роль в лесной экономике, считает систему FSC слишком сложной, дорогой и бюрократичной. По их мнению, она не соответствует принятым на Западе стандартам управления, не предполагает разделения функций между различными органами, не обладает достаточной независимостью. В связи с этим высказывается мнение, что она вряд ли займет монопольное положение в качестве единственной аккредитационной и маркировочной системы в мире ⁷.

Поэтому почти все европейские страны разработали собственные системы сертификации, объединенные в Панъевропейскую систему сертификации лесов. Она ведет свою историю с 1993 года, когда в Хельсинки состоялась конференция министров европейских стран по охране лесов. Именно тогда было положено начало так называемому Хельсинскому процессу в области лесной сертификации. На Хельсинской Конференции были приняты следующие критерии устойчивого лесоуправления, положенные в основу Панъевропейской системы лесной сертификации:

- Поддержание и надлежащее увеличение лесных ресурсов и их вклада в глобальный углеродный цикл

⁷ Сравнительная оценка пяти основных систем добровольной сертификации / Лесной комплекс Гринпис России / Архив новостей / <http://www/defra.gov.uk/news/2004/0411096.htm>

- Поддержка здоровья и жизнестойкости лесных экосистем
- Поддержание и стимулирование продуктивных функций леса (как по производству древесных, так и недревесных продуктов)
- Поддержание и сохранение биологического разнообразия лесных экосистем
- Поддержание и необходимое усиление защитных (в том числе водозащитных и водоохраных) функций леса
- Обеспечение социально-экономических условий и функций леса.

Этот процесс получил развитие – Хельсинские критерии были подтверждены на Лиссабонской конференции в 1998 году. Критерии дополняются 27 количественными и описательными индикаторами для мониторинга и оценки на национальном уровне. Каждая страна имеет возможность вести их дальнейшую разработку.

В августе 1998 года в Вене состоялась встреча представителей лесного хозяйства и лесной промышленности из Финляндии, Германии, Франции, Австрии, Норвегии и Швеции, на которой было принято решение о разработке системы оценки устойчивого лесопользования, адаптированной специально к европейским условиям. В нее закладывались следующие принципы:

- аудиторская оценка независимой организацией;
- разработка стандартов, основанных на общеевропейских критериях оценки;
- региональная сертификация и мониторинг.

Венская встреча обозначила ключевое звено устойчивого лесопользования – обеспечение национальной основы сертификации, особенно при разработке стандартов, что было обусловлено:

- национальной значимостью лесов;
- сложившимися традициями в лесопользовании;
- лесным законодательством;
- инфраструктурой лесного хозяйства;
- структурой лесовладения.

В октябре 1998 года в Хельсинки был принят меморандум PEFC.

Окончательно Панъевропейская система лесной сертификации была оформлена в июне 1999 года в Париже. Статус организации подписали Национальные Советы из 11 стран.

В настоящее время участниками процесса PEFC являются национальные Советы 14 стран – членов Панъевропейского Совета лесной сертификации. Это Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Ирландия, Испания, Латвия, Норвегия, Португалия, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция, Чехия. В развитии данного процесса участвуют также Люксембург, Великобритания, Венгрия и Словения.

Участниками процесса PEFC являются и ее Чрезвычайные члены:

- Конфедерация Европейских лесовладельцев;
- Европейская конфедерация деревообрабатывающей промышленности;
- Конфедерация Европейской бумагоделательной промышленности;
- Европейская конфедерация землевладельцев;
- Европейская организация торговли лесом;
- Союз европейского лесоводства⁸.

PEFC – зонтичная система, целью которой является обеспечение механизма взаимного признания среди национальных и региональных лесных сертификационных систем посредством применения минимальных требований и общего логотипа для лесопродукции. (ссылка)

Торговая марка с логотипом PEFC используется для маркировки поступающей из леса продукции. Она должна регистрироваться в Совете PEFC. Требования к процедуре аудита и сертификации в рамках данной системы основываются главным образом на Европейских стандартах. PEFC не является аккредитационным органом и оставляет аккредитацию третьей стороне (например, национальным службам аккредитации).

Всего в настоящее время в мире существует более 50 национальных и региональных сертификационных систем. В Северной Америке применяется три системы: SFI (Sustainable Forest

⁸ Сравнительная оценка пяти основных систем добровольной сертификации / Лесной комплекс Гринпис России / Архив новостей / <http://www/defra/gov/uk/news/2004/0411096.htm>

Initiative, Инициатива по устойчивому лесопользованию), TFS (Tree Farm System, Система лесоразведения), CSA (Canadian Standard Association, Канадская ассоциация стандартизации). Многие европейские страны разработали свои сертификационные системы, в том числе и Финляндия. Инициатива по созданию финской национальной системы сертификации была предпринята в 1996 году Центральным Союзом сельскохозяйственных производителей и лесовладельцев Финляндии, Финской федерацией лесной промышленности, Финской ассоциацией сохранения природы и WWF Finland. На их предложение откликнулось 29 различных организаций: все участники финской лесной промышленности, основные экологические организации кроме финского отделения Гринпис.

Анализ институционализации процесса лесной сертификации показывает, что в мировом сообществе нет единого мнения по вопросу применения различных систем. Некоторые лесные компании из Швеции, Финляндии, Индонезии, Бразилии, Южной Африки, Новой Зеландии, Канады предпочитают использование международной системы сертификации лесопользования на базе стандартов ИСО. Разработанные специально созданным в 1993 году Техническим Комитетом 207 стандарты ИСО серии 14000 относятся к охране окружающей среды. Поэтому многие компании отвергали эти стандарты, как не отражающие специфику лесного сектора. В качестве компромисса Рабочей Группой под руководством Новой Зеландии был создан стандарт ИСО 14061, призванный в частности, оказать помощь заинтересованным компаниям в применении положений стандарта ИСО 14001. Стандарты ИСО относятся к так называемым «процедурным стандартам», определяющим лишь аспекты систем, посредством которых осуществляется управление лесопользованием. Причем в них преобладает экологическая составляющая. Лесным организациям предоставляется самим определить, какие цели деятельности они выбирают для себя и каким образом их достигать. Эти два вопроса нуждаются в дальнейшей проработке, скорее всего на национальном уровне⁹.

⁹ В. Чучров Различные системы сертификации: правильный выбор / <http://www.drevesina.com//materials/http/09/b157/>

Вместе с тем основными конкурирующими между собой международными системами сертификации являются система Лесного попечительского совета (FSC) и система Панъевропейского лесного сертификационного совета (PEFC). На их основе разработано восемь межгосударственных методик сертификации устойчивого лесопользования и лесопользования.

Следует сказать, что и FSC, и PEFC имеет свои плюсы и минусы. Главное их достоинство – они дают производителю возможность свободно выходить на международные рынки и продвигать свою продукцию. Наличие сертификата повышает авторитет предприятия и конкурентоспособность его продукции, прежде всего на экологически чувствительных рынках развитых стран. Потребитель же получает гарантию того, что он имеет дело с продукцией, которая поступила легально и из устойчиво управляемых лесов. Обе эти системы применяют знак соответствия, который ставится на продукцию и используется в торговле.

Сертификаты FSC и PEFC определяют наличие положительного взаимодействия человека и лесных экосистем. Сертификация – это способ предотвращения неадекватного лесохозяйствования и средство стимулирования устойчивого управления лесным хозяйством на основе целенаправленных, долговременных, экономически выгодных для предприятий и безопасных для лесных экосистем взаимоотношений.

Несмотря на гуманистическую направленность FSC и PEFC систем, в мире обозначилась не только их конкуренция, но и политическая борьба. Об этом свидетельствуют инициативы Ассоциации Неправительственных организаций по охране окружающей среды, которые не участвует в развитии PEFC. Проверки деятельности системы со стороны Ассоциации выявили, по крайней мере, 3 основных требования, по которым PEFC несовершенна.

Во-первых, подвергается сомнению способность системы улучшать лесопользование в Европе. «Существующие стандарты сильно варьируются, а соответствующие критерии и индикаторы становятся недостаточными на определенных территориях. Помимо этого, экологические стандарты PEFC крайне неопределенны. Так, в последних старовозрастных лесах Европы (например, в Норвегии и Финляндии) по-прежнему продолжается ведение

рубков. Не соблюдаются традиционные права коренных народов и права рабочих, игнорируются существующие конфликты (например, проблема народности Саами в Швеции)».

Во-вторых, не подтверждается в полной мере готовность системы следовать программным документам, подписанным в Рио-де-Жанейро. «PEFC до сих пор не выработала четкой системы по достижению консенсуса в отношении приемлемых, адаптированных к местным условиям стандартов сертификации. Распределение голосов ясно отражает интересы крупных структур. Ассоциации частных владельцев леса и участвующие отрасли промышленности на данный момент контролируют весь процесс принятия решений в региональных, национальных и европейских органах PEFC. Сбалансированное представительство экологических, социальных и экономических интересов не гарантировано ни практически, ни документально ни в одной национальной (например, в Финляндии, Швеции, Норвегии и Германии) или европейской системе PEFC».

В-третьих, система PEFC не гарантирует международной совместимости. «PEFC была разработана в Европе исключительно для европейских стран. Этот факт способствует игнорированию лесных проблем на территориях, расположенных за пределами Европы, помимо этого происходит ограничение доступа к отраслям лесной промышленности севера. Таким образом, подрываются основные достижения, сделанные в Рио и на Межправительственном лесном форуме (IFF), где было признано, что леса являются всемирным достоянием, а проблемы леса затрагивают все мировое сообщество». В результате выносится следующее резюме: без четкого и строгого руководства по «взаимному признанию» PEFC станет лишь ширмой для разного рода попыток установить статус-кво в области лесоуправления. Кроме этого, такого рода взаимное признание, без сомнения, наводнит рынок огромным количеством разнообразных сертификатов (и логотипов), что дезориентирует потребителя» [39].

Таким образом, на примере развития двух самодостаточных систем мы можем наблюдать острую и непримиримую конкуренцию на рынке сертификационных услуг, которая не всегда согласуется с деловой этикой ведения бизнеса. Поэтому еще раз под-

тверждается потребность общества в институтах, способных противостоять оппортунизму. Данное обстоятельство наводит на мысли, что Россия, включившись в процесс сертификации, не имея развитых институтов ведения бизнеса, может оказаться, образно выражаясь, между Сциллой и Харибдой. Жесткие требования экологически чувствительного рынка с одной стороны оказываются с другой стороны лишь «оболочкой» – нужно только заплатить, и товар дойдет до потребителя. Такая ситуация может негативно повлиять на формирование еще очень не устойчивых деловых практик российских лесных компаний.

Тем не менее, развитие системы лесной сертификации стало одним из важнейших направлений лесной политики России. Сегодня можно говорить, что в России начал формироваться спрос на товар «лесная сертификация» хотя пока он в большей степени носит вынужденный характер. Одним из факторов, обусловивших это, является предстоящее вступление страны в ВТО. Основанная цель ВТО – заложить основу свободной торговли без элементов протекционизма как на национальном, так и на международном уровне. Главная задача деятельности ВТО заключается в установлении для всех стран мира общих правил и процедур, касающихся как можно большего числа групп продуктов и услуг в пределах торговли.

Признание на мировых рынках Национальной системы лесной сертификации в России является на сегодня одним из важнейших условий повышения конкурентоспособности российской лесобумажной продукции, позволяющим войти российскому лесному бизнесу во Всемирную торговую организацию в качестве полноправного партнера.

В данном контексте актуализируется не только экологически и социально оправданное поведение лесных компаний, но и политика государства, которая должна быть ориентирована на формирование институциональных основ лесной сертификации. В данном направлении Россия сделала определенные движения. На сегодняшний день в России существуют 2 совета по национальной лесной сертификации: Национальный совет по добровольной лесной

сертификации, созданный под эгидой Союза лесопромышленников и лесозэкспортеров (бизнес – совет), и Российский национальный совет по лесной сертификации, созданный по инициативе Министерства природных ресурсов РФ (правительственный совет) [65].

Данные структуры работают в параллельном режиме над созданием национальных стандартов и национальных систем сертификации. В течение 2005 года два Совета так и не пришли к компромиссному варианту объединения, а это значит, что в России, кроме уже существующей системы сертификации FSC, будут развиваться сразу две национальные системы добровольной лесной сертификации. При этом правительственный совет стремится получить признание своей национальной системы лесной сертификации на международном уровне как в PEFC, так и в FSC. Бизнес – совет больше склоняется к FSC стандарту.

В настоящее время одной из ключевых задач обеих структур является гармонизация стандартов с российским законодательством. Они должны учесть всю сложность ситуации, когда новый Лесной кодекс до конца не разработан, а существующий переходный вариант не устраивает многих участников лесных отношений, в первую очередь, местные сообщества, которые при заданном векторе развития больше потеряют, чем приобретут от деятельности лесного бизнеса. Этот дисбаланс должен быть снят лесной сертификацией.

Руководитель правительственного совета по лесной сертификации А. Исаев так оценивает ее значимость для общества: «Национальной системе нужно быть. Она должна отвечать российскому законодательству, которое сейчас меняется. Готовится новый Лесной кодекс, правда, его второе чтение отложили, потому что поднялась такая волна, которая заставляет думать о том, что случится, если этот кодекс будет принят. Но дело не в этом, мы полагаем, что существование национальной системы очень важно, поскольку мы опираемся на сотрудничество с владельцем лесного фонда, которым в нашей стране является государство, и мы полагаем, что такая форма собственности на леса будет сохраняться ещё долгое

время. Вторая компонента – особенность территории России, которая охватывает практически все зоны, начиная от лесотундры, заканчивая территориями юга России. И региональный аспект нашей огромной лесной территории требует дифференцированного подхода, который будет включен в национальную систему» [51].

Вместе с тем, несмотря на наметившиеся прогрессивные инициативы в сторону устойчивого лесоправления, необходимо учитывать достаточно негативное отношение лесного бизнеса к введению лесной сертификации. У части лесопромышленников есть свои причины уклоняться от добровольной сертификации. Большинство лесных предприятий России пока не готовы нести связанные с сертификацией дополнительные затраты. Во-первых, предприятия лесной отрасли, проводящие сертификацию, вынуждены нести издержки на выполнение экологических и социальных требований. По прогнозам специалистов, потенциальная стоимость сертификации может составлять 10 центов на гектар. Во-вторых, те предприятия, которые готовы сертифицировать свою продукцию, сталкиваются с проблемой отсутствия в России квалифицированных аудиторов, аккредитованных при международных центрах сертификации. Здесь таится еще одна опасность – развитие рынка сертифицированных услуг может пойти по теневому варианту, то есть может способствовать формированию практик получения сертификата за дополнительное вознаграждение.

Но основная претензия российского лесного бизнеса связана с тем, что под видом прогрессивной идеи проводится политика его дискриминации. Эту позицию разделяют многие бизнесмены и представители правительственных структур. Так, начальник отдела лесопромышленного комплекса Министерства промышленности, энергетики и науки Свердловской области А. В. Мехренцев сказал: «Лесная сертификация, откровенно говоря, навязывается России и уже довольно жестко из-за рубежа. И не только «зелеными» другими защитниками леса, но также компаниями и фирмами – потребителями российской лесопродукции. Последнее очень настораживает. По существу идет ползучая дискриминация наших лесных товаров. Например, несертифицированные пиломатериалы

или фанера покупаются по более низкой цене. Это здорово бьет по карману и без того бедных отечественных лесопромышленников. А если учесть, что лесная отрасль еще жива только благодаря экспорту, то складывается впечатление, что началась блокада российской лесопродукции, чтобы уничтожить конкурентов» [85]

Действительно, если судить внешне, то получается, что под предлогом лесной сертификации проводится некий бойкот со стороны зарубежных потребителей отечественных лесных товаров. В результате скорейшее проведение лесной сертификации в регионах с большими объемами лесного экспорта равнозначно победе или поражению в борьбе за европейский товарный рынок. Сложившаяся практика априори агрессивных действий Гринписа наносит серьезные удары по российским лесоэкспортерам. «В порядке вещей становится порча лесопродукции, заливка ее краской, проведение других акций, цель которых одна – не допустить российский лес якобы неизвестного происхождения на рынок европейских стран»¹⁰. Таким образом, Гринпис провоцирует, потребители реагируют. Так, в Республике Карелия акция «зеленых», связанная с проведением рубок в недозволенных местах, вызвала реакцию со стороны финских компаний, закупающих лес у Кареллеспрома. Причем, финская компания не отказалась от леса, она предложила за него половину цены.

Такое развитие ситуации в процессе продвижения российских лесотоваров на мировой рынок возвращает нас к изначальной позиции. Сертифицирование делает прозрачным происхождение лесных товаров, здесь просматривается вся цепочка их производства – от заготовки древесины до выхода товарной продукции, а сертификат свидетельствует, что она произведена с соблюдением всех требований цивилизованного лесопользования. К сожалению, эта обструкционистская политика будет проводиться до тех пор, пока у нас не будут пересмотрены все основные принципы лесопользования. То есть мировая практика показывает, что сертификация не только необходимое условие продвижения российской лесной

¹⁰ Г. Маликова. Если наша продукция не будет отвечать стандартам качества, нас просто не пустят на мировой рынок /<http://www.drevesina.com>.

продукции на экологически чувствительные рынки, но и важный инструмент экологически обоснованного, экономически выгодного и социально эффективного управления лесами.

Рассмотрим теперь принципиальные методологические основания, на которые опирается проект Национальной российской системы лесной сертификации. Общая схема отражает взаимодействие в условиях рынка основных субъектов деятельности в лесу и иллюстрирует взаимосвязь систем сертификации, обслуживающих рыночные отношения на всех этапах их проявления. Объектами сертификации являются участки лесов, на территории которых ведутся лесное хозяйство и лесопользование, субъектами – лесохозяйственные организации, лесозаготовительные предприятия, имеющие в аренде участки лесного фонда, а также лесоперерабатывающие предприятия и иные заготовители.

Система ориентирована на признание и утверждение в рамках Панъевропейской системы лесной сертификации, одновременно при ее разработке использованы некоторые принципы, критерии и процедурные положения системы сертификации FSC (Лесного попечительского совета), отвечающие российским условиям и не противоречащие требованиям Панъевропейской системы.

Первым этапом реализации рыночных отношений в лесном секторе экономики является передача в аренду (купля-продажа) лесных участков. Здесь в роли «продавца» от имени государства выступают региональные органы лесного хозяйства, а в роли «покупателя» – лесопользователи. На этой стадии объектом сертификации являются лесные ресурсы, или древесина, отпускаемая на корню, и второстепенные лесные ресурсы.

Следующим рыночным актом в сфере лесной экономики является реализация круглых лесоматериалов, заготовленных лесопользователями. На этой стадии объектом лесной сертификации является процесс лесопользования, характеристиками которого служат:

- технология лесозаготовок;
- технические средства, реализующие технологию;
- организация производственного процесса лесопользования;
- меры по сохранению и восстановлению лесной среды;

- взаимодействие лесопользователя с органами власти и местным населением.

Целью сертификации лесопользования является подтверждение его соответствия установленным принципам устойчивого лесопользования в экономической, экологической и социальной сферах. Главным интересантом здесь выступает предприятие – лесопользователь, так как наличие сертификата соответствия процесса лесопользования принципам устойчивого лесопользования повышает авторитет предприятия и конкурентоспособность его лесопродукции как на мировых, так и на внутренних рынках. Согласно международным требованиям, в том числе требованиям Всемирной торговой организации (ВТО), для стимулирования и регулирования лесного экспорта не должны применяться директивные меры по лицензированию, квотированию, сертификации и т.п. В соответствии с этими требованиями сертификация лесопользования при ориентации на экспортные поставки лесопродукции может быть только добровольной.

Заключительным этапом реализации рыночных отношений в лесном секторе является поставка на рынок продукции лесопереработки (пиломатериалы, целлюлоза, бумага, мебель и т.д.). На этой стадии объектом лесной сертификации является производственный процесс лесопереработки, а также «цепочка поставок» древесного сырья, из которого изготовлен конечный продукт. Целью сертификации процесса лесопереработки также является подтверждение его соответствия принципам устойчивого управления в экономической, экологической и социальной сферах.

Сертификация «цепочки поставок» осуществляется для подтверждения того, что древесное сырье, из которого изготовлена продукция лесопереработки, заготовлено с соблюдением принципов устойчивого лесопользования, т.е. поставлено предприятиями, сертифицированными на соответствие этим принципам. Сертификация лесопереработки осуществляется по заявке предприятия – переработчика древесного сырья. На экспорт продукции лесопереработки распространяются те же требования международных организаций, в том числе и ВТО, что и на экспорт любых других товаров. И одним из этих требований является добровольность сертификации выставляемых на рынок товаров и услуг.

Таким образом, в настоящее время Российская система лесной сертификации (РССЛ) проходит апробацию в мировых сертификационных комитетах. Очевидно, что национальная система сертификации должна учитывать региональную специфику. В настоящее время процесс включения регионов в разработку своих стандартов начался, примером чему является деятельность региональных групп по лесной сертификации Республики Коми? Новгородской области, Хабаровского края и других регионов. Их разработки позволили уточнить количество измеряемых критериев устойчивости лесопользования, необходимых для проведения сертификации. В дальнейшем эти разработки, учитывающие опыт сертификации по системе ЛПС за рубежом, облегчат аналогичную деятельность рабочих групп в других регионах. Важным является вопрос о соотношениях национальных и региональных стандартов и возможности их адаптации и гармонизации с международными системами.

Российское представительство WWF объявило о создании Ассоциации экологически ответственных лесопромышленников России. Среди целей этой ассоциации – продвижение продукции ответственных лесопользователей России на международный рынок, налаживание контактов с многочисленными группами компаний-покупателей сертифицированной лесной продукции. Покупательские группы сегодня контролируют существенную часть торговли лесом во многих европейских странах. Мировой спрос на продукцию из устойчиво управляемых лесов пока существенно превышает предложение [77].

Несмотря на то, что российские компании начали сертифицировать леса по FSC стандарту, актуализируется разработка региональных стандартов ЛС. Для Республики Карелия, которая является лесосырьевым приграничным регионом, ориентированным на экспорт, эта проблема стоит особенно остро.

В рамках исследования была предложена следующая проектная идея разработки регионального стандарта лесной сертификации.

Тенденция

Республика Карелия занимает пассивную позицию в области сертификации лесов. Сегодня в регионе существует только три проекта по ЛС. Такая позиция может существенно снизить

конкурентоспособность лесного бизнеса Карелии, а в последствии закрыть ему дорогу на западные рынки.

Факторы, обостряющие ситуацию

- Несовершенство и противоречивость действующего лесного законодательства РФ
- Отсутствие действующей Национальной системы ЛС
- Отсутствие в лесной политике Республики Карелия направления по ЛС
- Неготовность (финансовая, информационная, организационная) лесных предприятий участвовать в ЛС
- Незрелость инфраструктуры предоставления сертификационных услуг

Вызовы к лесной сертификации

- Экологическая политика лесных предприятий не соответствует принципам устойчивости: распространена практика нарушения правил лесопользования, имеют место нелегальные рубки
- Социальная политика лесных предприятий не соответствует принципам устойчивости: не ведется эффективная политика занятости местного населения, нарушаются права акционеров
- Отсутствие действенного механизма формирования устойчивого лесопользования
- Потеря со стороны карельского лесного бизнеса в ближайшей перспективе потенциальных западных рынков лесопroduкции

Проектный замысел

Для успешной адаптации Национальной системы ЛС и предотвращения в ближайшем будущем проблем, связанных с реализацией лесопroduкции карельских лесных предприятий на мировых рынках, требуется разработка Регионального стандарта лесной сертификации.

Цель проекта

Формирование действенного механизма устойчивого лесопользования

Возможности. Средства, Ресурсы.

- Институциональный ресурс. Действующий Лесной кодекс РФ, проект Национальной системы ЛС.
- Организационный ресурс. Союз лесопромышленников Карелии, профессионалы в сфере лесного хозяйства, экономики, социологии, экологии.
- Финансовый ресурс. Консолидация источников финансирования: международные и российские фонды, республиканские средства, частные пожертвования.
- Ресурс гражданских институтов. Совет НПО при Законодательном собрании РК
- Идеологический ресурс. Потребность регионального сообщества в решении острых проблем лесопользования

Риски осуществления проекта

- Финансовые и организационные проблемы лесных предприятий при прохождении процедуры ЛС
- Формирование «серых» схем прохождения лесопroduкции на западные рынки
- Монополизация рынка сертификационных услуг

Участники проекта, их интересы, выгоды

Лесные предприятия

- Повышение конкурентоспособности на западных рынках
- Повышение прибыльности
- Повышение уровня корпоративной культуры и социальной ответственности
- Повышение имиджа предприятия

Региональная законодательная и исполнительная власть

- Действенный механизм влияния на лесной бизнес
- Повышение имиджа Карелии на западных рынках
- Повышение эффективности и прозрачности лесопроизводства
- Увеличение ВРП
- Повышение эффективности политики занятости в лесных поселках

Территориальный орган управления лесами

- Повышение эффективности и прозрачности лесопользования
- Повышение уровня контроля за лесным фондом
- Формирование цивилизованных механизмов взаимодействия между лесохозяйственником и лесозаготовителем

Региональное сообщество

- Доступность и прозрачность информации в системе лесопользования
- Возможность участия различных социальных групп в лесопользовании, развитие гражданских институтов
- Улучшение социальной ситуации в лесных поселках

Как уже говорилось, в настоящее время в России сертифицировано около 9 млн. га леса. Наиболее активную позицию приняли лесные компании Архангельской и Иркутской областей, а также Республики Коми и Красноярского края [39]. Уже в 2006 году отсутствие сертификации может стать барьером для вхождения России на мировой рынок. Именно с этого года страны ЕС не будут пропускать на рынок продукцию, если происхождение леса не обосновано, и он не прошел сертификацию. По оценкам экспертов, уже через 5 – 10 лет российский экспортный рынок будет открыт только для сертифицированной продукции, а к 2007 году ее доля составит в России не менее 70% [64]

Таким образом, с формальной точки зрения об устойчивом лесопользовании будет свидетельствовать прохождение лесной сертификации всеми участниками рыночных отношений в системе лесопользования, включенными в процесс лесовыращивания, лесозаготовки и лесопереработки. Будет ли при этом лесопользование реально устойчивым, зависит от того, в каком направлении будет развиваться институциональная среда системы лесопользования России. И здесь снова встает вопрос о прозрачном лесном законодательстве, которое в качестве формального института распределяет полномочия между участниками лесных отношений оптимальным образом. Лесная сертификация может быть действительно конструктивным механизмом устойчивого ле-

соуправления. Для этого система управления лесными ресурсами должна распределить функции между структурами в соответствии с основным рыночным принципом – максимизацией прибыли. Кроме того, система управления лесами должна работать на максимизацию экологического и социального эффектов. В настоящее время Россия пока не продемонстрировала данного варианта институционального развития.

4.2. Проблемы формирования социальных моделей устойчивого лесопользования

Лесной бизнес России и ее регионов функционирует в быстро изменяющемся институциональном пространстве. Во-первых, изменяется организационно-правовая структура бизнеса – от самостоятельного предприятия, корпорации (как вертикальной, так и горизонтальной) до бизнес-контуров, не имеющих институциональной оформленности. Во-вторых, происходит трансформация лесного законодательства – за 15 лет принципиально изменилась организационная система лесопользования от распределения по лимитам, краткосрочной, долгосрочной аренды до (и это реальная перспектива) частной собственности на лес. В-третьих, ужесточаются требования мирового рынка – механизмы лесной сертификации становятся каналом успешного прохождения лесной продукции от поставщика до потребителя. Одним из ключевых проходных критериев выступает социальная ответственность бизнеса. В контексте вступления России в ВТО данные вопросы особенно актуализируют исследования его поведения.

В формате данных институциональных процессов существенно трансформируется качественная модель региона как социально-экономической системы. Республика Карелия, являясь регионом лесосырьевой ориентации (образно выражаясь, сидит на лесосырьевой игле), находится в состоянии выбора (бифуркации) – продолжить сырьевой путь, в результате потеряв не только природные ресурсы, но и человеческий капитал или

выйти на социальные модели развития. Под социальными моделями понимаются концепции регионального развития, ориентированные на поддержание устойчивости социума.

Такие модели развития территорий и бизнеса находятся в формате концепции устойчивого развития, одним из направлений которой является устойчивое лесопользование. С точки зрения устойчивого лесопользования, устойчивый социум – это рабочие места, безопасный труд, достойная заработная плата, социальные гарантии, не нарушение прав акционеров, возможность участвовать в управлении лесами. Все эти параметры включены в список критериев социальной устойчивости. Одним из наиболее востребованных механизмов устойчивого лесопользования в настоящее время является лесная сертификация.

Республика Карелия является важным звеном в цепи поставок древесины на мировой рынок. В структуре промышленного производства региона *лесная экономика* занимает ведущее место – ее доля составляет более 55%. Экспортная составляющая продукции лесного сектора Карелии превышает 60%. Более 40 % экономически активного населения, занятого в промышленности, работает на лесных предприятиях [37].

Ключевым выступает вопрос о соответствии полученной из региона древесины прогрессивным мировым стандартам. В настоящее время изменения в мировой торговле лесоматериалами связаны с формированием разного рода запретов, обусловленных ориентацией потребителя на экологически чувствительные рынки. В ряду таких запретов стоят: полный запрет на экспорт, частичный запрет на экспорт, бойкот, запрет на сплошные рубки, ограничения и лесная сертификация. Лесная сертификация возникла как альтернатива бойкотам и является одним из наименее запретительных нетарифных барьеров торговли лесоматериалами.

Новая система независимой экологической сертификации древесины начала свое существование под эгидой Лесного попечительского совета (FSC), Паневропейской системы

(PFSC) и Международной организации по стандартизации (ISO 14000). В настоящее время более активно развивается рынок FSC-продукции. Этот стандарт становится более популярным и востребованным. Как уже было сказано ранее, лесные предприятия России в настоящее время сертифицируют свою продукцию только по FSC стандарту. Согласно принципам FSC, экономическая ответственность включает в себя сохранение конкурентоспособности лесного предприятия и повышение ценности для акционеров. Экологическая ответственность предполагает не нарушение природоохранных принципов ведения лесного бизнеса. Социальная ответственность включает управление влиянием лесного бизнеса на социум. Здесь затрагиваются такие аспекты, связанные с отношением к местным жителям, как права человека, особенно трудовые права, этичное ведение бизнеса и общественная вовлеченность.

Смысл сертификации как инструмента торговой политики состоит в изменении экологических и социальных аспектов лесопользования и лесопользования. Лесной сертификат свидетельствует о том, что продукция заготовлена без ущерба природе и социальной сфере. Несмотря на первоначально кажущуюся экологическую перегруженность и не рыночность системы сертификации, эффекты включенных в этот процесс лесных компаний вполне внушительны. Независимая лесная сертификация дает существенные преимущества, которые являются гарантией устойчивого развития лесного бизнеса, гарантией долгосрочных контрактов с солидными партнерами, а значит, и гарантией устойчивого сбыта продукции в перспективе.

Проследить, каким образом формировались модели поведения лесного бизнеса в контексте институциональных реформ, и в какой степени их поведение вписывается в контекст социальной устойчивости, можно на примере истории лесных поселений Карелии, которая исследовалась в ходе

многолетнего мониторингового исследования лесосырьевых территорий.¹¹

Следует сказать, что с начала реформ лесные поселения были вовлечены в несколько институциональных процессов, в результате которых начали менять свой экономический и социальный облик. Акционирование лесных предприятий (лесозаготовительных, лесопильных и деревообрабатывающих), либерализация внешнеэкономической деятельности и реформа лесного законодательства изменили не только формальные регуляторы жизни в лесных поселках, но и существенным образом повлияли на поведение их социальных групп и акторов: домохозяйств, хозяйствующих субъектов, местной власти и общественности [57].

Изменившиеся институциональные условия, обусловленные экономической либерализацией, предоставили субъектам хозяйствования самостоятельность. Смена форм собственности, которая произошла в процессе приватизации стала разрушительной для градообразующих предприятий, так как экономический механизм, формы управления, складывающиеся долгие годы, оказались не готовыми к работе в новых условиях. Резкое снижение производства, отсутствие оборотных средств, долги перед бюджетом, убытки вместо прибыли – вот не полный перечень экономических проблем лесных предприятий на

¹¹ РГНФ «Социально-экономическая адаптация населения в условиях формирования рынка труда и занятости» (№ 96-02-02172), 1996-1997 г.г., руководитель Морозова Т.В.; ФЦП Интеграция «Стратегия устойчивого развития лесосырьевых районов Республики Карелия» (№ К 0985), 1997-2000, руководитель Морозова Т.В.; РФФИ «Проблемы формирования институтов рынка в условиях переходной экономики», (№02-06-80482), 2002-2004 г.г., руководитель Козырева Г.Б.; РФФИ «Организация и проведение экспедиционного экономико-социологического обследования экономического поведения предприятий Республики Карелия», (№03-06-88036), 2003, руководитель Козырева Г.Б.; РГНФ «Проведение экономико-социологического обследования проблем формирования социального партнерства как эффективного механизма политики занятости», (№04-02-18005е), 2004 г., руководитель Морозова Т.В.

начальном этапе реформ. Кроме того, институциональное изменение статуса лесных предприятий не привело к позитивным изменениям в образе жизни большей части населения поселков. Такие проблемы, как потеря работы, многомесячные задержки заработной платы, а в результате резкое снижение уровня жизни, характерны почти для всех лесных поселков Карелии.

В процессе институциональных и экономических реформ лесные предприятия начали приобретать новый социальный статус. Если раньше социальная функция (поддержание социальной сферы) была обязательна для градообразующих предприятий, то в новых условиях она перешла к местной власти. Сильное предприятие может обеспечить стабильность территории не только посредством налоговых отчислений для пополнения бюджета. Если это традиционный субъект хозяйствования, лояльно настроенный к местному сообществу, как правило, отношения с органами местной власти сохраняются в привычном русле, но уже имеют неформальный характер. Такое предприятие, выполняя патронажную функцию, обеспечивает территории некоторую социальную стабильность: это энергоснабжение поселков, помощь пенсионерам, школам, детским учреждениям и т.п. Нестабильные предприятия сами ищут поддержки у власти, хотя она мало что может. Если собственником предприятия становится «чужак», его функция по поддержанию территории в основном ограничивается налоговыми отчислениями. В данной ситуации местной власти значительно труднее – переговоры о помощи не всегда заканчиваются в пользу поселка [57].

Так как оказание социальной помощи поселкам не является институционально закреплённой функцией предприятий, то она, как правило, основана на неформальных связях. И здесь все зависит от позиции руководителя предприятия, который если является фактическим собственником, сам решает вопрос: помогать или нет. Вопрос имеет положительное решение, если руководитель лоялен не только к местному населению, но и

местной власти. Результаты исследований свидетельствуют о том, что среди авторитарных руководителей достаточно широко распространена нелояльная позиция по отношению ко всему сообществу *«Я им ничего не должен, плачу налоги, пусть сами выкручиваются»*. Какое-то объяснение такое поведение находит, если предприятие не вполне успешно. Но если предприятие имеет приличные экономические показатели, а его сегодняшний руководитель много лет был директором леспромпхоза, такая позиция не имеет обоснования. Сам руководитель не отдает себе в этом отчета, отталкиваясь только от чисто рыночной цели – максимизации прибыли.

В данном контексте концепция устойчивого развития позволяет корректировать эту рыночную цель. Устойчивость – это баланс экономического, социального и экологического состояния. Наличие сверхприбылей особенно сильных, лесозаготовительных предприятий, занимающих не только выгодное приграничное положение, но серьезную поддержку региональной власти, ни для кого не секрет. Работая на природных ресурсах, которые принадлежат всему обществу, такие предприятия (читай, руководители таких предприятий) фактически являются получателями сверх ренты. Эта монополизация противоречит принципам устойчивости. Баланс нарушен в пользу экономического состояния. Кроме того, жители лесного поселка, являясь непосредственными участниками экономического процесса, не получают в таком случае достойную компенсацию за вклад в получение сверх ренты. Данные противоречия снимаются требованиями лесной сертификации.

Одним из ключевых вопросов социальной устойчивости является занятость местного населения. Следует отметить, что изменение социальной роли предприятий, которые в настоящее время формально не ответственны за обеспечение местного населения рабочими местами, представлено несколькими моделями поведения. Среди многообразия этих моделей, связанных с социальным состоянием местного сообщества, в котором

функционирует каждое конкретное предприятие, можно выделить три основных типа.

Во-первых, это высокоэффективные акционерные предприятия. Как правило, это градообразующие традиционные леспромпхозы, которые имели трудные времена, но в настоящее время вполне успешны. Здесь очень сильна власть высшего менеджмента, сохранились грамотные энергичные кадры, потенциально способные и желающие интенсифицировать производство. Как правило, в руководящем составе находятся бывшие еще с дореформенных времен директора или главные специалисты, которых неофициально называют «лесными генералами». Здесь широко распространена практика авторитарного решения экономических проблем. На таких предприятиях достаточно часто нарушаются права акционеров. Здесь идет процесс концентрации собственности в руках небольшой группы собственников путем скупки, обмена акций и т.п. Как правило, такое предприятие имеет много шансов на лесосырьевую базу – в настоящее время пошел процесс передачи лесов в долгосрочную аренду. С учетом перспектив на приватизацию лесов – менеджмент будет ориентироваться на получение лесов в полную собственность.

Если говорить о социальной ответственности таких предприятий, то она не всегда однозначна. С одной стороны – своевременная выплата заработной платы, которая укладывается в рамки средней по отрасли. С другой стороны, здесь высока вероятность практики сверхэксплуатации наемных работников: предлагаются условия труда, которые не вписываются в законодательные рамки, например, работа сверх нормативного рабочего времени без соблюдения социальных гарантий. Кроме того, зачастую кадровая политика направлена не на поддержку местных кадров – происходит ротация за счет привлечения приезжих специалистов. Руководители многих успешных предприятий осуществляют антисоциальную политику: проводятся незаконные увольнения, шантажируются работники предприятий. Жители лесных поселков становятся заложника-

ми такой политики. В целом социальная ответственность таких предприятий сводится только к налоговым отчислениям. Следует сказать, что среди 38 опрошенных нами лесных предприятий по такой схеме ведут себя как минимум половина. Местной власти очень трудно договариваться с ними о совместном решении проблем территории. В ходе исследования встречались абсурдные примеры, когда начальник лесопункта в тайне от директора леспромхоза помогает местным жителям, например, привозит им дрова, чистит дороги.

Второй тип представляют новые успешные предприятия, сформированные на базе обанкротившихся хозяйств, в которые вложил финансовые средства частный инвестор. Такие предприятия внешне выдерживают статус социально ответственного, но не исключается, что благосостояние их работников может держаться на сверхэксплуатации. Здесь еще чаще предлагаются противоречащие трудовому кодексу условия работы. Руководители таких лесных предприятий предъявляют очень жесткие требования к работникам. *«Будет диплом – пожалуйста, работай. Освоишь профессию – возьму на работу»*. Таким руководителям, как они говорят, не нужны эти кадры, они не хотят вкладывать средства в повышение их квалификации, они вообще собираются всех уволить и пригласить новых специалистов из какого-нибудь Брянска или выписать бригаду из Молдавии, чтобы она работала в лесу вахтовым способом. То есть фактически такие предприятия, несмотря на некоторую видимость, не являются носителями социальной ответственности. Такой тип предприятий встречается среди всех лесных предприятий – как добывающих, так и обрабатывающих. Местная власть пытается договариваться, иногда руководители идут на некоторые уступки в оказании посильной помощи, но требуют определенной компенсации.

К третьему типу относятся предприятия, которым не удалось не только не выйти на стратегии развития, но и удержаться «на плаву». На таких предприятиях наблюдаются многомесячные задержки заработной платы работникам, налоговые не-

платежи. Численность предприятий сохраняется благодаря низкой заработной плате. Их руководители сохраняют старые кадры, не пытаются делать резких кадровых перестановок. Как правило, такие руководители работают по сложившимся традиционным схемам, включены в социальные сети лесных поселков. В связи с экономической неустойчивостью их вклад в местное сообщество может быть представлен в виде некоторых услуг, например, таких, как обеспечение транспортом, чистка дорог и т.п.

Анализ представленной типологии позволил увидеть несколько тенденций. Во-первых, лесной бизнес Карелии очень слабо рефлексировывает на социальную ответственность. Во-вторых, «лесных генералов» склонить к изменению политики в сторону социальной ответственности значительно сложнее, чем новых успешных собственников или их менеджеров. В-третьих, выявленная со стороны лесного бизнеса нейтральность и агрессивность по отношению к проблемам местного сообщества свидетельствует скорее не о наличии у руководителей жестких рыночных позиций, а об инфантильности или недоразвитости их деловой этики.

Как уже отмечалось ранее, вопросы социальной ответственности бизнеса напрямую связаны с вопросами лесной сертификации. Сопоставление реальной ситуации в лесных поселках Республики Карелия с предъявляемыми требованиями системы лесной сертификации по социальной составляющей устойчивого лесопользования позволяет проводить дальнейший анализ. Так, четвертый принцип FSC стандарта «Отношения с местным населением и права работников» устанавливает: *Лесохозяйственная деятельность должна поддерживать или улучшать социально-экономическое благополучие работников лесного хозяйства и местного населения.* Один из его основных критериев определен следующим образом: *Местному населению, живущему в пределах или вблизи территорий, включенных в лесохозяйственную деятельность, должна быть предоставлена возможность получения работы, обучения и других*

услуг. Кроме того, в стандарте предлагаются следующие индикаторы, свидетельствующие о выполнении данного критерия.

1. Предприятие проводит активную политику по найму работников из местного населения.
2. Предприятие проводит политику профессиональной подготовки новых кадров из местного населения.
3. Предприятие предоставляет возможность использования своих ресурсов для нужд местного населения [76].

Представленные результаты исследований говорят об очень слабом выполнении предлагаемых в системе лесной сертификации FSC критериев и индикаторов лесными предприятиями Карелии. По первому индикатору политика найма работников из местного населения на лесные предприятия не может быть оценена как активная, так как на рынке труда наблюдается явное рассогласование спроса и предложения рабочей силы. Несмотря на наличие спроса в специалистах лесозаготовительной отрасли (трактористов, вальщиков леса, операторов новых машин), его величина ничтожна мала по сравнению с массой неквалифицированного и низко квалифицированного труда, востребованного работодателями [86].

То есть имеется незначительный спрос на квалифицированный труд при переизбытке предложения. В лесных поселках квалификация многих не имеющих работу оказывается просто не востребованной. Здесь стоит заострить внимание на том, что работодатели (и это подтвердили наши исследования) вообще не хотят обременять себя обязательствами перед местным населением, обучать их новым профессиям. Высококвалифицированных специалистов они предпочитают выписывать из других мест. Таким образом, и второй индикатор подвергается сомнению.

С другой стороны наблюдается высокий спрос на неквалифицированный труд, который явно превышает предложение. И здесь есть ряд объясняющих обстоятельств. Во-первых, такие профессии, как обрубщики сучьев, сортировщики древесины, укладчики, навальщики-свальщики лесоматериалов, имеют в

основном непостоянный сезонный спрос. Во-вторых, имеющие более высокую квалификацию не всегда готовы работать по более «низкой планке». В-третьих, те, кто мог бы удовлетворить спрос на неквалифицированный труд, уже к этому просто не способен. Алкоголизм является острейшей проблемой лесных поселков.

Таким образом, при существующих институциональных и экономических условиях лесной бизнес Республики Карелия практически не выполняет требований социальной составляющей стандарта FSC лесной сертификации по критерию 4 индикатору 1 и 2.

Попробуем проанализировать возможное развитие ситуации. Как уже было отмечено, ключевой проблемой изменения социальной роли лесных предприятий является снятие ответственности за обеспечение основной группы трудоспособного населения рабочими местами. Формирование рыночных моделей поведения в лесном бизнесе пошло по пути отказа от социальных нагрузок. Но в условиях фактического отсутствия рынка труда на локальных территориях изменение социальной роли лесного бизнеса привело к серьезным проблемам. Сокращение производства и остановка ряда предприятий вызвало потерю работы со стороны населения в лесных поселках. Данный процесс в 1993-1996 гг. носил массовый характер.

За период с 1992 по 2003 гг. в лесозаготовительной отрасли Карелии было сокращено 55%, а в деревообработке – 52% занятого населения. При этом наблюдался некоторый рост в 1999 г., что было связано с получением валютного преимущества после дефолта. Деревообрабатывающая отрасль продолжает сокращать рабочие места, что во многом обусловлено проблемами с сырьем, низкими техническими параметрами производства и в результате очень низкой конкурентоспособностью на рынке. Кроме того, одной из важных причин сокращения объемов деревопереработки не только в Карелии, но и в России и связанных с ним социальных проблем является дешевизна продаваемой «на корню» древесины. В отличие от лесозаготови-

тельной и деревообрабатывающие отрасли, целлюлозно-бумажная промышленность стабилизировала ситуацию – здесь удалось удержать численность работающих практически на уровне 1992 г. [37].

Несмотря на некоторые позитивные тенденции, проблема занятых в лесном секторе экономики Карелия может возникнуть в еще более крупных масштабах. Существует позиция, что рост лесозаготовок непременно вызовет восстановление большого количества рабочих мест, рост заработной платы и в целом рост благосостояния лесных поселков. Однако, анализ причин неконкурентоспособности продукции российского лесного комплекса на внутреннем и внешнем рынках, а также тенденций развития технологий лесозаготовок убеждает в обратном.

В течение нескольких последних десятилетий во всем мире доминирующей тенденцией в развитии технологий лесозаготовок стало снижение затрат ручного труда и повышение степени механизации лесозаготовительных работ. Экономическая выгода налицо – при старой технологии основным видом затрат при заготовке древесины была оплата рабочих, занятых тяжелым физическим трудом. Сокращение доли этих затрат обуславливало существенное снижение себестоимости, и как результат – рост конкурентоспособности заготовленной древесины. В России же механизация лесозаготовительного процесса происходила значительно медленнее из-за дешевизны рабочей силы и отсутствия прямой заинтересованности предприятий в эффективности процесса лесозаготовок. В результате традиционная отечественная технология лесозаготовок, сложившаяся в 70-х – 80-х годах, продолжает сохранять высокую долю ручного труда на лесозаготовительных работах и сложный производственный цикл.

Разница в трудозатратах на заготовку единицы объема древесины при традиционной отечественной и скандинавской технологии оказалась более чем 5-кратной. Именно это в первую очередь и обусловило высокую конкурентоспособность «скандинавской» технологии лесозаготовок [50].

В настоящее время российские лесозаготовительные предприятия, имеющие стабильный сбыт продукции (в основном на западные рынки), удерживаются «на плаву» лишь за счет низкой заработной платы. Дальнейший сценарий вполне оправдан и связан с их переходом на скандинавские технологии. Кроме того, окончательный износ техники и кризис отечественного лесного машиностроения вообще не позволяет говорить о сохранении традиционной технологии в течение более, чем нескольких лет. Внедрение скандинавских технологий вызовет дальнейшее сокращение рынка рабочих мест в лесозаготовительной отрасли, что в свою очередь потребует решения многочисленных социальных проблем. Об этом говорит опыт стран северной Европы, где данные процессы происходили несколько десятилетий назад. То есть само по себе увеличение объема лесозаготовок, пусть даже многократное, не может решить современных социальных проблем, и, прежде всего – безработицы.

Таким образом, вопросы занятости в лесном секторе будут оставаться актуальнейшими еще много лет. Достаточно трудно в такой ситуации претендовать на социальную устойчивость. Напомним, что одним из ее критериев, входящих в обязательный список лесной сертификации, является – обеспечение занятости местного населения. То есть с одной стороны, рынок освобождает предприятия от социальной нагрузки. С другой – жесткие требования того же рынка вынуждают предприятия на поиск путей решения социальных проблем территории. Данный формат предполагает выход на расширение и диверсификацию производства за счет углубленной переработки и развитие малых сопутствующих перерабатывающих предприятий, а также организацию и интенсификацию работ по лесовосстановлению и лесовыращиванию.

Следует сказать, что в настоящее время многие лесные предприятия Карелии пока слабо ориентированы на диверсификацию производства. Даже такие крупные компании, как Кареллеспром, сохраняют традиционные схемы развития, фокусируясь на лесозаготовках, хотя это звено приносит самую низкую добавленную стоимость. Кроме того, низка доля лесо-

заготовительных предприятий, развивающих сегодня на своей основе новые производства, например, лесопиление. Основная проблема – не достаточность инвестиций. Как известно, основная инвестиционная нагрузка лежит на самих предприятиях. Отсутствие проработанных механизмов инвестирования лесной экономики со стороны региональных и федеральных властей будет закреплять инвестиционный «голод», что в свою очередь будет препятствовать созданию новых рабочих мест с учетом диверсификационных и мультипликативных эффектов.

Рассматривая в целом ситуацию с занятостью на конкретных территориях, где функционируют лесные предприятия Карелии, можно говорить о том, что она очень далека от стабильности и имеет мало шансов двигаться в сторону устойчивости. Пока региону не достает институциональных ресурсов для формирования социально приемлемых моделей политики занятости в привязке к локальным территориям как со стороны государства, так и со стороны лесного бизнеса. Для предприятий в данном контексте социальная ответственность будет означать очень серьезный инновационный прорыв и создание суперпроизводства с высокой добавленной стоимостью и мощным мультипликативным социальным эффектом, что в настоящее время мало вероятно.

Результаты исследований социально-экономического развития лесосырьевых территорий Республики Карелия в контексте формирования моделей устойчивого лесопользования свидетельствуют о его слабой социальной составляющей. Такой критерий, как социальная ответственность, сегодня не является стратегическим и приоритетным для лесного бизнеса. В такой ситуации возникает вопрос, по какому пути пойдет лесной бизнес – будет ли он стремиться к социальной ответственности или найдет какие-то альтернативы? От этого будут зависеть его конкурентные возможности на мировых рынках лесопромышленности. Основным механизмом, способным уравновесить давление со стороны конкурентов на мировых рынках лесопромышленности и возрастающие социально-экономические потребно-

сти лесных поселений, является лесная сертификация. Через его ключевую критерий – социальную ответственность – и лесной бизнес, и социум могут удовлетворить свои интересы. В данном контексте актуализируется роль государственного участия в формировании моделей управления лесами, адекватных мировым стандартам и не противоречащих интересам участникам данного процесса. Лесные поселения могут приобрести устойчивость посредством социальной ответственности бизнеса и государства, включенных в систему лесной сертификации.

4.3. Институциональное развитие лесосырьевых территорий Карелии: опыт практических разработок управленческих стратегий

В рамках исследования были реализованы и апробированы методологические подходы разработки управленческих стратегий развития лесосырьевых территорий Карелии. Примером может служить разработанная Программа «Основные направления социально-экономического развития Сортавала на 2001-2005 гг.» и «Стратегия социально-экономического развития Олонецкого района Республики Карелия на период 2004-2010 гг. ».

Подпрограмма «Развитие лесного сектора Сортавальского горсовета»

Среднесрочная цель: формирование высокоэффективного деревообрабатывающего производства и расширение системы сбыта в процессе выхода на новые рынки посредством повышения конкурентоспособности продукции.

Задачи:

- организовать маркетинговые исследования сырьевых и потребительских рынков деревообрабатывающей продукции;
- определить оптимальные объемы производства продукции и номенклатуру выпускаемой продукции;
- провести необходимую модернизацию производства на более глубокую переработку имеющегося сырья;

- расширить номенклатуру конкурентоспособной продукции с учетом результатов маркетинговых исследований рынка.

Обоснование подпрограммы «Развитие лесного сектора Сортавальского горсовета»

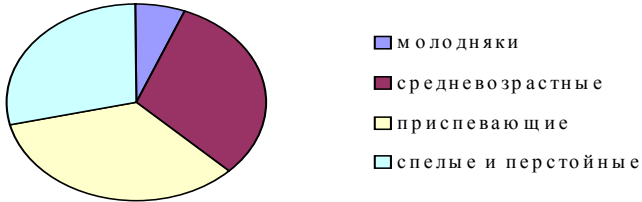
Диаграмма 4.3.1

Оценка распределения древесины по группам возраста показывает, что наибольшие площади занимают приспевающие – 39%, спелые и перестойных – 30% леса (диаграмма 4.3.2). По возрастным группам, исключая молодняки – около 10%, древостой распределен равномерно. Спелые и перестойные леса находятся в дефицитном положении, их объемы не позволяют расширение лесозаготовок, запасы ниже среднереспубликанских. В наличии достаточные объемы средневозрастных насаждений, являющихся запасом для промежуточного пользования. Общий средний прирост по лесхозу составляет 362 куб. м.

Диаграмма 4.3.2

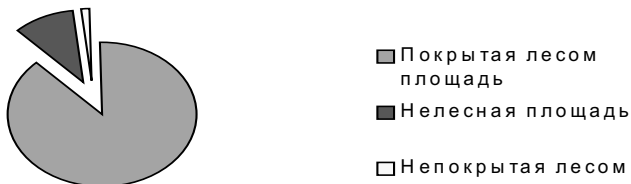
Распределение запасов древесины по группам возраста, га, на 01.01.98 г.

За последние 5 лет, расчетная лесосека, выделяемая лесхозу, не изменилась, она составляет 250 тыс. куб. м. Вместе с тем, ее использование по сравнению с серединой 90-х возросло на 5% и составляет в настоящее время 99,2%. Также возросли и объемы вырубki леса главного пользования по лесхозу (диаграмма 4.3.3). Наряду с этим, сокращены площади рубок ухода и выборочно-санитарных рубок с 860 га (1995 г.) г. до 558 га к текущему периоду.

Диаграмма 4.3.3

Лесной фонд Сортавальского лесхоза по категориям земель, га, на 01.01.98 г.

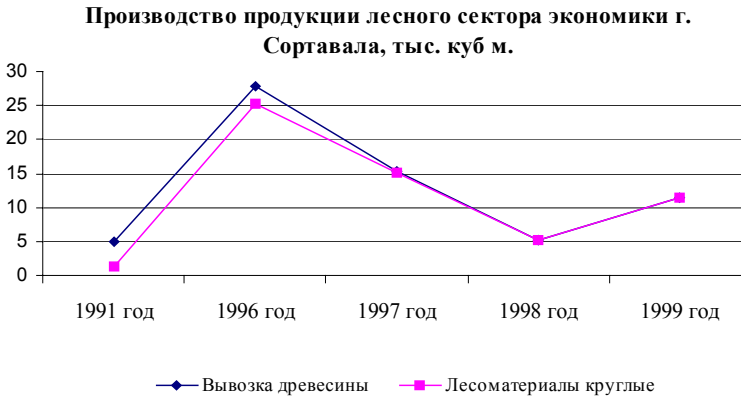
Основными лесопользователями являются ОАО «Ладенсо» (46% отпуска древесины по лесхозу), ЗАО «Карлис-Вяртсиля» (10% отпуска древесины по лесхозу). Они в числе первых в

республике арендовали на 50 лет 64565 тыс. куб. м. лесного фонда, что составляет практически 40% земель лесфонда Сортавальского лесхоза. Другими лесопользователями являются – Минсельхоз РК – 3%; органы местного самоуправления – 25%; ЗАО «ПМК- 117» – 3% отпуска древесины по лесхозу и т.п.; под финансирование инвестиционной программы выделено 11% древесины.

В настоящее время учтенная лесная продукция территории составляет около 10% выделенной расчетной лесосеки, что связано с регистрацией основного лесозаготовителя на территории Питкярантского района. Вместе с тем, лесными и деревообрабатывающим предприятиями за первое полугодие 2000 г. выпущено около 20% стоимости всей промышленной продукции территории. В последние два года наметилась тенденция роста производства круглых лесоматериалов, на наш взгляд, в ближайшем будущем она сохранится. За январь-июнь 2000 г. предприятиями лесного сектора было вывезено 5,7 тыс. куб. м. лесоматериалов, по объемам в разрезе республики территория занимает предпоследнее место, опережая Вепскую национальную волость.

Следует отметить, что в перспективе, дальнейшее развитие лесозаготовок, несмотря на наличие запасов, будет сдерживаться природоохранными и рекреационными функциями лесов территории. В связи с этим, развитие местных предприятий должно быть направлено преимущественно на более глубокую переработку имеющихся ресурсов. Для движения в этом направлении, имеется определенный экономический потенциал, который представлен в рамках уже функционирующих средних и малых предприятий лесного сектора.

По численности занятых и объемам производства предприятия-арендаторы относятся к числу крупных в экономике территории (табл. 4.3.1). Большинство предприятий занимаются одновременно лесозаготовкой и деревообработкой, которая является немаловажной составной частью их доходов.

В настоящее время имеющиеся производственные мощности деревообрабатывающей промышленности используются только на 13%. Банкротство ОАО «Сортавальского МЛК» и деление комбината на производственные участки в процессе конкурсного производства стало одной из причин сокращения деревообрабатывающего производства. Вместе с тем, за последние 10 лет расширился ассортимент продукции лесного сектора: различные пиломатериалы, евровагонка, паркет, конструкции домов из бруса, бани, садовые домики, мебель и т.п.

Развитие лесопереработки представлено средними и преимущественно малыми предприятиями, большинство из них частные. В круг обследуемых при опросе предприятий вошли: ООО «Лесэко», ЗАО «Стройиндустрия», Вяртсильский филиал ООО «ПЛО», ООО «Сувенир», ООО «Сорсу-спорт», ООО «Гринвуд», ООО «Квин-лес». Руководители предприятий отметили ряд основных социально-экономических проблем, влияющих на их работу, это – нехватка оборотных средств и собственных финансов на развитие производства, а также отсутствие правовых гарантий ведения бизнеса, нестабильность законодательства, инфляцию. Наряду с этим, руководители планируют хоть и незначительно, но увеличить объемы производства, отмечая одновременно нехватку сырья/

Таблица 4.3.1

**Сведения о крупных и средних предприятиях
лесного сектора г. Сортавала (по состоянию на 01.04.2000)**

Наименование предприятия	Форма собственности	Количество работающих	Средне-месячная зарплата (руб.)
Лесозаготовительная промышленность			
ОАО «Ладенсо» Сортавалский участок	смешанная	95	4000
ООО ПЛЮ (Вяртсильский филиал)	смешанная	55	2400
СП «Карлис-Вяртсиля»	частная	115	2700
Деревообрабатывающая промышленность			
ООО «Сорсу-спорт»	частная	87	1200
ООО «Лес-маркет»	частная	36	1009
ООО «Сувенир»	частная	52	736
МУП «Технологическая деревня»	муниципальная	40	1185
ООО «Ранта»	частная	58	1950

Среди дальнейших планов развития предприятий на первом месте руководители выделяют расширение существующего производства, затем внедрение новых технологий (диаграмма 4.3.5). Насколько это реально в настоящее время – вопрос другого порядка. Никто из отвечающих не отметил потребность и желание в перепрофилировании производства, переход на новые виды деятельности, а также участие в вертикальной интеграции производств. Из этого следует, что предприятия планируют продолжать развиваться в уже занимаемой ими экономической нише, принципиально не меняя среду и формы экономической деятельности.

Одной из проблем, отмеченных руководителями, является – кадры: отсутствие дисциплины и непрофессионализм. Проблема повышения профессиональной квалификации стоит на первом месте среди социальных проблем предприятий: 4 руководителя отметили, что им вы-

годнее нанимать работников со стороны и 3 отдали предпочтение подготовке работников на своем предприятии.

Таким образом, особенностями развития лесного сектора территории являются ограниченный потенциал лесных ресурсов для расширения лесозаготовок, формирование малых деревообрабатывающих предприятий, наличие экономического потенциала для развития деревообработки (однако, производства, требующие модернизации) и недостаточная профессиональная подготовка работников.

Диаграмма 4.3.5

Варианты дальнейшего развития предприятий лесного сектора

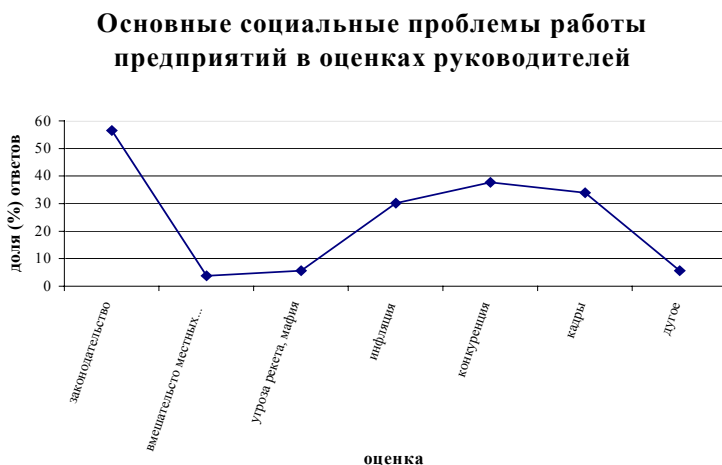

Следует отметить, что Концепция развития деревообрабатывающей промышленности России в области лесопиления предполагает развитие малых лесопильных предприятий вблизи источников сырья. Подобные предприятия функционируют на исследуемой территории. Дальнейшие перспективы развития лесного сектора на территории Сортавала, на наш взгляд, будут связаны с развитием деревообработки и расширением номенклатуры плитных материалов и изделий из массивной древесины для строительства и мебели в рамках частных предприятий. Вместе с тем расширение существующих объемов производства произойдет незначительно. Для достижения поставленных целей необходимо провести ряд разноплановых мероприятий на разных уровнях управления для регулирования и стимулирования эффективности развития лесного сектора экономики Сортавала.

Исследование показало, что перед лесными предприятиями стоят различные социальные проблемы. Среди проблем, мешающих развитию, называли, в первую очередь, нестабильность законодательства, высокую конкуренцию, инфляцию и кадровые проблемы (диаграмма 4.3.6). На первое место предприятия поставили кадровые проблемы. Многие отмечали, что в достатке имеются руководители среднего звена, но очень дефицитны высококвалифицированные рабочие и специалисты, с одной стороны, и топ-менеджеры, с другой.

Несмотря на то, что представления о криминализации общества получили широкое распространение, всего 2 предприятия назвали угрозу рэкета, мафию среди главных причин, мешающих их развитию.

Диаграмма 4.3.6

Вопросы социально развития не входят пока в задачи большинства предприятий, однако руководители понимают необходимость разработки программы социального развития предприятия (диаграмма 4.3.7).

Диаграмма 4.3.7

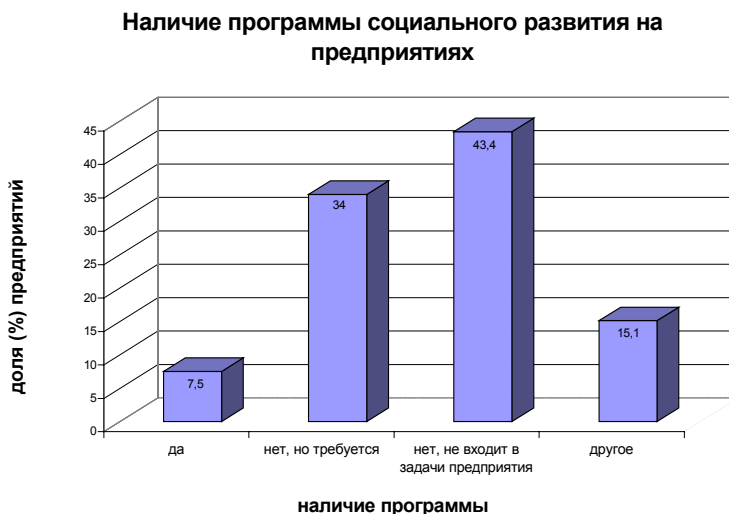

Таблица 4.3.2

Перечень мероприятий по подпрограмме «Развитие лесного сектора»

Название мероприятия	Финансирование	Исполнители	Сроки
Повышение эффективности деревообрабатывающего производства и конкурентоспособности продукции			
Внедрение новых технологий, ориентированных на мобильное изменение ассортимента	Средства предприятий	Предприятия	с 2000
Формирование производств комплексобразующего типа	Средства предприятий	Предприятия	с 2002
Углубление технологических и кооперативных связей	Средства предприятий	Предприятия	2001-2003
Выход на новые рынки			
Формирование инвестиционно-привлекательного имиджа приграничных предприятий	Средства администрации города и предприятий	Администрация, Предприятия, ИЭ КНЦ РАН	перманентный процесс

Поиск новых форм деятельности			
Организация сбора и первичной, переработки продукции побочного лесопользования	Сортавальский лесхоз	Сортавальский лесхоз	2001-2002
Развитие терминалов для транспортировки экспортных лесоматериалов	Средства предприятий	Администрация, Предприятия	2002-2005

Развитие эффективного лесопромышленного производства Олонецкого района

Цель: формирование конкурентоспособного высокоэффективного инновационного лесопромышленного производства на основе рационального лесопользования и комплексной переработки древесины

Задачи:

- повышение конкурентоспособности продукции предприятий лесопромышленного комплекса;
- поддержка и развитие лесозаготовительного производства;
- развитие комплексной переработки на основе сочетания лесопильного производства и глубокой переработки древесины;
- организация маркетинговых исследований потребительских рынков деревообрабатывающей продукции;
- поддержка малого бизнеса.

Обоснование стратегического направления

Лесопромышленный комплекс – один из ключевых секторов экономики района, во многом определяющих ее общее состояние. По объемам товарной продукции, отчисляемым налогам в местный и республиканский бюджеты данный сектор занимает ведущее место в промышленности Олонецкого района. Его удельный вес в общем объеме промышленного производства района составляет 75%. Близость к границе и наличие транспортных коммуникаций способствует включению предприятий лесопромышленного комплекса в международные экономические связи и определяет экспортную ориентированность их хозяйственной деятельности.

Перспективу развития лесопромышленного комплекса Олонецкого района необходимо рассматривать в нескольких аспектах:

- сырьевая база;
- производственный и трудовой потенциал;
- сложившаяся институциональная структура.

Перспективы развития Олонецкого района во многом связаны со структурой и состоянием лесного фонда, основу которого составляют хвойные леса, являющиеся источником ценной по физико-химическим свойствам древесины. Доля хвойных пород в общей структуре лесного фонда равняется 79%, причем она представлена в одинаковой степени и сосновыми, и еловыми насаждениями. В целом хвойное хозяйство Олонецкого района составляет 26203 тыс. куб. м. Среди произрастающих лиственных пород преобладает береза. По возрастным группам древостой распределен неравномерно. Наибольшие площади занимают средневозрастные насаждения (40%), что в настоящее время является базой для промежуточного пользования. Спелые и перестойные леса (17%) находятся в дефицитном состоянии и не позволяют расширять лесозаготовки, хотя их запасов с учетом расчетной лесосеки должно хватить на ближайшие 18-20 лет. Имеющиеся запасы приспевающих лесов определяют в перспективе сохранение масштабов лесозаготовок на территории района. За последние 5 лет расчетная лесосека Олонецкого района не изменилась и в 2002 году определена в размере 376⁷/₆ тыс. куб. м.

Производственный потенциал лесопромышленного комплекса района представлен основными хозяйствующими субъектами: ОАО «Олонецлес» (лесозаготовка) и ОАО «Ильинский лесозавод» (лесопиление). Кроме того, на территории функционируют около 15 мелких лесопользователей, в том числе фермеры, совхозы, местные администрации и т.д. Вот некоторые цифры, характеризующие место и потенциал ЛПК Олонецкого района. Лесопромышленный комплекс района – это 82,5% экономического потенциала и занятых в промышленности и 74% налоговых поступлений. В настоящее время на предприятиях ЛПК занято 1282 человека или 82,5% от всего занятого в экономике населения на крупных и средних предприятиях промышленности района.

За 2004 г. предприятиями ЛПК района произведено продукции на сумму 335 млн. руб. или 101,5% к уровню предыдущего года. В целом по району в 2002 г. объем вывозки древесины уменьшился на 4% и составил 288,8 тыс. куб. м, производство пиломатериалов сократилось в 2 раза. Установленный отпуск древесины на 2004 г. в целом по району – 300,8 тыс. куб. м. По состоянию на 01.10.02г. отпущено по лесобилетам 227,1 тыс. куб. м или 75% от установленного отпуска, заготовлено 172,2 тыс. куб. м древесины, в том числе по сортиментной технологии – 82,5 тыс. куб. м.

ОАО «Олонецлес» – один из самых крупных леспромхозов Карелии. Это основное градообразующее предприятие района, имеющее развитую производственную базу, оснащенное современным оборудованием и применяющее прогрессивные технологии. Основное направление деятельности – заготовка древесины. Около 80 % заготовленного объема пиловочника отправляется на экспорт. Леспромхоз имеет систему машин для сортиментной технологии: харвестеры, форвардеры на гусеничном и колесном шасси, лесовозные автопоезда для вывозки древесины.

По сортиментной технологии заготавливается более 60% древесины. Финансовое состояние предприятия позволяет ему пополнять машинный парк. Вместе с тем имеющееся у предприятия финское оборудование не обеспечено соответствующим сервисом. В результате техника работает не на полную мощность. Данная задача может быть решена в рамках дополнительного инвестиционного проекта.

В 2004 г. выделенный лесфонд составил 260,9 тыс. куб. м., в т.ч. 199,8 тыс. куб. м. – в Олонецком лесхозе и 61,1 тыс. куб. м – в Пряжинском. По состоянию на 01.10.02г. из установленного отпуска ОАО «Олонецлес» отпущено по лесобилетам 214,3 тыс. куб. м или 82%, заготовлено 192,1 тыс. куб. м. Финансовые результаты предприятия положительные: за 2004 г. прибыль составила 20 млн. руб. и увеличилась к уровню предыдущего года в 3,3 раза.

В настоящее время на предприятии работает 693 человека. На протяжении 5 лет ему удастся сохранять численность работающего персонала. Предприятие ставит задачу увеличения объема вы-

возки без увеличения численности работающих. Проблема предприятия связана с недостатком квалифицированных кадров. Работа со сложной техникой и ее обслуживанием требует специальных знаний. Управленческий персонал должен обладать знаниями менеджмента и маркетинга. На это требуются дополнительные финансовые средства.

В целом по производственным и финансово-экономическим показателям ОАО «Олонецлес» обладает немалыми конкурентными преимуществами и, следовательно, должно быть привлекательным для инвесторов – отечественных и зарубежных. К сожалению, реальность такова, что сегодня эти преимущества используются не в полной мере. Ориентированность предприятия на экспорт круглого леса обусловлена возможностью получения высокой прибыли. Сейчас прибыль предприятий ЛПК, особенно работающих на экспорт, в значительной мере возникает благодаря сравнительно низкой доле оплаты труда в себестоимости продукции, разнице внутренних и мировых цен на электроэнергию и сырье, а также разрыву между реальным паритетом покупательной способности рубля и его курсу по отношению к доллару. Действиями естественных монополий названные преимущества могут быть сведены на нет. Другой фактор, который может обесценить конкурентные преимущества лесозаготовительных предприятий – вступление России в ВТО. В данной связи стратегия предприятия, ориентированная на экспорт древесины, может в ближайшие 10 лет не оправдать себя.

Учитывая тенденции пересмотра государственной лесной политики в сторону глубокой переработки древесины, можно предвидеть, что «Олонецлес» потеряет лесосырьевую базу в ближайшие годы. Данная ситуация может быть нежелательной для территории Олонецкого района, и изменить ее может только стратегическая переориентация предприятия на совмещение лесозаготовки с лесопилением. Поскольку расширение расчетной лесосеки в районе практически невозможно, предприятию необходимо рассмотреть мероприятия по открытию крупного лесопильного производства,

что позволит предотвратить сокращение рабочих мест при неизбежном росте производительности труда на предприятии. ОАО «Олонецлес» в небольших объемах занимается лесопилением, примерно в размере 6 тыс. куб. м. в год. Лесопильные цеха по переработке хвойного пиловочника работают на отечественном оборудовании, поэтому качество продукции не отвечает мировым стандартам. Развитие данного направления при условии модернизации и расширения может быть перспективным как для предприятия, так и для территории.

ОАО «Ильинский лесозавод» является градообразующим и самым крупным деревообрабатывающим предприятием в районе. В 1999 г. завод как банкрот был приобретен на прямом аукционе. В настоящее время входит в состав концерна ОРМИИ, его собственником является Онежский ЛДК, который получил инвестиционные кредиты под оживление предприятия. Кредитные ресурсы позволили запустить производство, которое практически стояло. В качестве основных предпосылок, формирующих долгосрочную стратегию развития предприятия, можно назвать наличие современной маркетинговой службы, системы управленческого учета, значительно повышающей уровень менеджмента, технического контроля.

В настоящее время ситуация на заводе стабилизировалась: создан необходимый запас сырья для работы в межсезонье. По результатам финансово-хозяйственной деятельности за 9 месяцев 2004 г. прибыль составила 2 млн. руб. (9 мес. 2001г. – убытки 25,9 млн. руб.). Проектная мощность предприятия, которая составляет 100 тыс. куб. м. пиломатериалов в год, не осваивается. В последние годы объем производства колебался от 58 до 70 тыс. куб. метров в год. Производственные мощности загружены на 60 – 70 %. В 2004 г. из-за отсутствия пиловочника ОАО «Ильинский лесозавод» сократил численность работающих на 33,8 % и перешел на односменный режим работы (в предыдущий период предприятие работало в 3 смены). В результате объемы лесопиления снизились почти в 2 раза. Средняя заработная плата возросла на 24,3 %. Переход на односменный режим работы существенно не сказался на производительности труда.

В 2004 г. произведено 38,1 тыс. куб. м. пиломатериалов. Доля экспорта пиломатериалов в общем объеме производства составляет около 90 %. Основные потребители продукции Ильинского лесозавода: Англия, Бельгия, Германия, Дания. Следует отметить, что, несмотря на устаревшее оборудование, качество выпускаемой продукции и ее конкурентоспособность остаются на высоком уровне. По мнению руководства, «престиж фирмы» должен стать сильной стороной предприятия, на это направлены его основные усилия. Но данная задача решается только в условиях модернизации производства. Степень физического и морального износа производственных фондов не позволяют выходить на высокие технологии. Тем не менее, уже реализованные инвестиционные проекты (на предприятии произведена модернизация котельной, работающей на отходах производства), свидетельствует об ориентации на комплексное использование древесного сырья.

Экономическое положение предприятия оценивается его управленцами как достаточно сложное. Основной проблемой является отсутствие стабильного сырьевого источника. «Ильинский лесозавод» не получил возможности заготавливать лес в районе и вынужден закупать сырье за пределами не только района, но и Карелии. Именно эта проблема не позволяет ему развивать и наращивать производственные мощности, выплачивать достойную заработную плату персоналу. В такой ситуации проигрывает территория: не поддерживаются и не создаются новые рабочие места, бюджет не дополучает налоги. Предприятие в основном работает на «давальческом сырье». Сырье для распила поставляют малые предприятия и индивидуальные лесозаготовители. Такая схема работы с одной стороны упрощает предприятию жизнь, а с другой – лишает его стабильности, не позволяет пока ставить стратегические задачи.

Покупка сырья у ОАО «Олонецлес» в настоящее время достаточно проблематична из-за высокой цены на пиловочник. Деловые связи с ним ограничивались бартерными операциями по обмену заготавливаемой березы на еловый пиловочник. Приобретение леса на аукционах (данное направление прорабатывалось не только теоретически, но и практически) рассматривается руководством

предприятия экономически не оправданным. Одним из видимых путей решения проблемы сырья, по его мнению, является получение лесосырьевой базы в долгосрочную аренду. Лесозавод будет участвовать в конкурсе в следующем году. Решение данного вопроса в его пользу позволит модернизировать и расширить производство. Вместе с тем его развитие с учетом ориентации на высокие технологии совсем не означает создания новых рабочих мест. Реальная выгода для местного сообщества может выражаться в создании крупного высокоэффективного производства, приносящего высокие доходы территории даже при собственнике – не резиденте. Такая перспектива с учетом интеграции в европейское сообщество не только России, но и Карелии может рассматриваться в качестве наиболее предпочтительной, хотя этот вопрос требует дополнительной проработки в рамках программы развития территории.

Еще одной стратегической проблемой Ильинского лесозавода, является отсутствие квалифицированных кадров. Предприятие очень скоро может встать перед проблемой не столько старения кадров, сколько их профессионального несоответствия. В Карелии нет лесотехнических школ, в которых бы проводилась подготовка специалистов по рабочим профессиям лесоперерабатывающего производства. Персоналу предприятия не хватает экономических и юридических знаний. С учетом ориентированности на современное конкурентное производство кадровая политика предприятия в ближайшие годы может складываться без учета интересов территории и будет основываться на привлечении трудовых ресурсов со стороны. Вместе с тем специфика российской «глубинки», связанная с низкими параметрами уровня и качества жизни, ограничивает привлекательность территории. По-видимому, руководству предприятия предстоит решать кадровую проблему в условиях этих «ножниц». Решение данных вопросов в рамках местного сообщества потребует привлечения не только административного, но и финансового ресурса и направление его на обучение и переобучение кадров. Пока же руководство предприятия вынуждено работать с имеющимся кадровым потенциалом.

Таким образом, учитывая все реальные возможности и перспективы развития ОАО «Ильинский лесозавод», а также, не сбрасывая со счетов имеющиеся проблемы, можно говорить о стратегическом значении данного предприятия для социально-экономического развития Олонецкого района. Крупное конкурентоспособное лесопильное производство может обеспечить стабильность территории при условии согласования интересов региональной, местной власти и собственника.

Одним из факторов низкой эффективности лесопользования на территории Олонецкого района является слабое развитие глубокой переработки древесины. Данное направление представлено только малыми предприятиями и индивидуальными предпринимателями, степень участия которых в экономике района исчисляется долями процента. В последнее время наблюдается сокращение данного производства. Вместе с тем на территории есть реальная перспектива в развитии деревообработки в рамках малого бизнеса. Малое предприятие ЗАО «Олонец-Евразия» имеет определенные намерения расширения производства, реализация которых возможна в рамках инвестиционного проекта.

Анализ деятельности лесопромышленного комплекса Олонецкого района позволил выявить ключевые позиции, определяющие его роль и место в стратегии развития территории. Занимая по всем параметрам ведущее место в экономике района, лесной сектор, тем не менее, не обеспечивает социально-экономической стабильности району. Причинами, сдерживающими развитие лесопромышленного комплекса, является низкий технический уровень производства – высокий уровень износа основных промышленно – производственных фондов, несоответствие структуры и размещения производства требованиям рыночной экономики, связанное с низким уровнем переработки древесного сырья, отсутствие стабильного источника сырья, недостаточный профессионально – квалификационный уровень кадрового потенциала. Устойчивость ЛПК в большой степени зависит от работы лесозаготовительных предприятий. Несмотря на благополучные показатели, основное лесозаготовительное предприятие района из-за ориентированности

на экспорт круглого леса объективно снижает эффективность комплекса. Отсутствие стабильности с источником сырья сдерживает политику расширения лесопильного производства.

Более глубокие причины неэффективного развития лесного сектора района связаны с институциональными проблемами его развития. Рассматривая ситуацию в лесном комплексе Олонецкого района с точки зрения институциональных особенностей, необходимо учесть то, что поведение лесных предприятий и их взаимоотношения с местной и республиканской властью, лесохозяйственной службой и другими предприятиями обусловлены общей ситуацией в лесном комплексе Карелии и России. В результате рыночных преобразований лесной бизнес приобрел экономическую свободу, что позволяет ему самостоятельно решать свои стратегические и тактические задачи. И не всегда они могут совпадать с интересами местного социума.

В данном контексте актуализируется формирование инструмента согласования действий бизнеса и власти в условиях рынка. Предприниматели должны знать намерения власти, понимать, на какую поддержку со стороны власти могут рассчитывать. Стратегический план развития территории может стать составной частью такого инструмента. Он требует активных действий предприятий ЛПК в сторону улучшения управления, рационального лесопользования, повышения эффективности производства, модернизации основных фондов, снижения издержек производства, создания новых рабочих мест.

Задачи местной власти состоят в оказании помощи в получении предприятиями ЛПК сырья на территории района и за его пределами, разработки плана лесоустройства и программы развития лесопромышленного комплекса с перспективой развития глубокой переработки в районе, маркетинге выпускаемой продукции. Региональная власть должна принять адекватное сложившейся ситуации решение: используя механизмы влияния через лесные ресурсы, четко определить свою позицию и интерес в отношении количественных и качественных параметров развития лесного бизнеса на территории Олонецкого района.

Реализация намечаемых инвестиционных направлений развития лесопромышленного комплекса предусматривает:

- получение предприятиями лесопромышленного комплекса через «Бюджет развития РК» средств на возвратной, срочной и платной основе для реализации инвестиционных проектов отрасли, создаваемых на базе действующих производств и обеспеченных постоянным спросом выпускаемой продукции на внутреннем и внешнем потребительских рынках;
- осуществление лизинговых операций;
- решение вопроса о функционировании кредитных линий по межправительственным соглашениям с Финляндией, Германией, Италией, Австрией и рядом других государств.

Представленные результаты апробации разработанных программных документов показывают возможность применения методологических подходов, основанных на концепции устойчивого развития с учетом баланса трех составляющих – экономической, социальной и экологической. Ключевым звеном выступает социальная компонента, которая применительно к лесосырьевым территориям основывается на социальной ответственности, рассматриваемая в данных документах, во-первых, через социальные программы, во-вторых, через взаимодействие с местным сообществом. И хотя здесь не стоял вопрос о лесной сертификации, нужно сказать, что два лесных предприятия, которые функционируют на территориях, в настоящее время уже активно включились в процесс сертифицирования лесного фонда, который имеется у них в качестве лесосырьевой базы. Нужно сказать, что в Карелии на сегодня имеется только три проекта по лесной сертификации. Таким образом, разработанные программные документы развития лесосырьевых территорий Карелии заложили основные стратегические направления, которые в настоящее время успешно реализуются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследований выявлены современные проблемы социально-экономического положения и перспектив развития лесных поселений российских многолесных регионов в условиях рыночных реформ, а также обоснованы направления по их решению через развитие управленческих стратегий, вписанных в систему государственной социально-экономической политики, реализуемой на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, а также через структуры исполнительной и законодательной власти. Основные результаты исследования, базирующиеся на теоретических позициях концепции устойчивого развития, неинституциональной экономики, экономической и феноменологической социологии и подтвержденные эмпирически, включают следующие положения.

1. Разработана комплексная методика исследования лесных поселений, основанная на использовании экономического, статистического и институционального анализа, качественных и количественных социологических подходах. В соответствии с этой методикой процесс формирования социальных институтов устойчивого лесоправления операционализируется и раскрывается через оценку внешних факторов, воздействующих на жизнедеятельность лесных поселений (трансформация лесного законодательства, формирование рыночной среды, требования мирового рынка лесопродукции), определение типов экономического поведения лесных предприятий и оценку социальной устойчивости лесных поселений.

2. Определены основные проблемы, связанные с реализуемой в настоящее время лесной реформой и оценены процессы, связанные с формированием института прав собственности на лесные ресурсы, в которые включены лесной бизнес, региональная и местная власть, лесная служба и жители лесных поселений. Обосновано, что российское общество в настоящее время еще не продемонстрировало готовность принять модель частной собственности на лес. Эта неготовность проявляется через поведение лесных предприятий, позицию жителей лесных поселков, позицию профессионалов и общест-

венности, а также через научно и практически необоснованные, непроработанные законопроекты и подзаконные акты, которые уже сегодня дают начало к развитию новых неэффективных институтов лесоправления. В настоящее время лесное законодательство является одним из основных формальных институтов, формирующих рыночную среду в лесном хозяйстве. Его согласованность со сложившимися неформальными практиками, то есть основа для эффективного развития, будет зависеть от уровня взаимопонимания между различными социальными группами – властью, лесным бизнесом, профессиональной средой, общественностью и населением лесных поселений.

3. На основе теоретических, методологических и эмпирических исследований российских и международных авторов, материалов государственной статистики и собственных исследований оценены современные институциональные последствия рыночных реформ, определяющие экономическое поведение лесного бизнеса в условиях несовершенной институциональной среды, опирающееся в большей степени на неформальные практики, что характеризует неэффективность формирующихся институтов. Полученные результаты говорят о том, что именно неформальная практика сводит на нет все попытки предприятий строить и развивать рыночные отношения. Важным является то, что формальные институты при этом позитивно не эволюционируют, не происходит отторжения неэффективных практик, напротив, они закрепляются и продолжают снижать все рыночные усилия предприятий.

4. На основе разработанной типологии экономического поведения лесных предприятий выявлено два укрупненных типа – выживающие и реформаторы, каждый из которых в свою очередь дифференцируются на «государственников» и «рыночников». Разработанная типология позволила установить, что при разрушении старых формальных структур лесного производства пока еще не созданы эффективные институциональные условия, что поставило многие предприятия на «грань выживания». Примеры позитивных изменений свидетельствует не столько о начале формирования эффективных институтов, сколько о степени адаптации успешных предпри-

ятий при использовании всех благоприятных внешних факторов. Даже рыночно ориентированные лесные предприятия не демонстрируют эффективных моделей социально-экономического развития. Таким образом, результаты исследования позволяют говорить, что в настоящее время отсутствуют институциональные условия для реализации эффективных экономических моделей лесного бизнеса.

5. Осуществлена оценка социальной устойчивости лесных поселений по агрегированным параметрам: продолжительность жизни, социальная структура и состояние трудового потенциала населения, проживающего на территории лесных поселений и работающего на лесных предприятиях. На основе полученной оценки показано, что по данным параметрам лесные поселения находятся на грани деградации. Во-первых, продолжительность жизни применительно к лесным поселкам Карелии не отвечает требованиям устойчивости. Об этом свидетельствует не только количественная оценка самого показателя, которая крайне низка и отстает от средне российского уровня. Об этом говорят те параметры, через которые он проверялся, а именно – комфортность жизни и труда, наличие факторов риска для здоровья, плотность населения. По все этим параметрам лесные поселки являются зоной не комфортности и риска. Во-вторых, производительность социальной системы, которая проверялась через состояние трудового потенциала, на сегодняшний день не может быть оценена однозначно. С одной стороны – высокая доля занятых в лесных отраслях, высокий средний уровень заработной платы. С другой стороны – проблемы качества занятости: занятость и обучение молодежи, безработица, несоответствие квалификационной структуры труда предъявляемому спросу, несбалансированность уровня заработной платы, отсутствие эффективных компенсационных механизмов за труд во вредных условиях и условиях риска. Эти факторы существенно снижают жизнеспособность лесных поселков. Можно прогнозировать несколько сценариев развития лесных поселков. Первый сценарий – самый пессимистический и крайне не желательный, когда лесные поселки в ближайшие 10 лет прекратят свое существование. Второй сценарий связан с формированием и развитием в «недрах» социальных систем механизмов самооргани-

зации. Третий сценарий – самый оптимистический, который основан на механизмах социальной ответственности как государства, так и бизнеса. Если такая модель отношений станет основной в лесном комплексе, лесные поселки «оживут». Эта модель наилучшим образом согласуется с принципами устойчивого лесопользования.

6. Осуществлена оценка поведения лесных предприятий Карелии в контексте их социальной ответственности, которая рассматривается как ядро социальной составляющей устойчивого лесопользования и критерий лесной сертификации. Выявлено, что реальное поведение лесных предприятий в большинстве случаев не согласуется с принципами социальной ответственности, которая сегодня не является стратегическим и приоритетным для лесного бизнеса. В такой ситуации возникает вопрос, по какому пути пойдет лесной бизнес – будет ли он стремиться к социальной ответственности или найдет какие-то альтернативы? От этого будут зависеть его конкурентные возможности на мировых рынках лесопродукции. Основным механизмом, способным уравновесить давление со стороны конкурентов на мировых рынках лесопродукции и возрастающие социально-экономические потребности лесных поселений, является лесная сертификация. Через его ключевой критерий – социальную ответственность – и лесной бизнес, и социум могут удовлетворить свои интересы. В данном контексте актуализируется роль государственного участия в формировании моделей управления лесами, адекватных мировым стандартам и не противоречащих интересам участникам данного процесса. Лесные поселения могут приобрести устойчивость посредством социальной ответственности бизнеса и государства, включенных в систему лесной сертификации.

7. На основе международного опыта использования лесной сертификации в рамках устойчивого лесопользования обосновывается социальная модель функционирования лесного бизнеса, базирующаяся на адаптации данного механизма применительно к условиям России и ее регионов. Доказывается необходимость увязывания интересов государства и бизнеса в вопросах развития лесных поселений. Устойчивое лесопользование может быть реализовано в долгосрочной перспективе, если его принципы найдут соответствие по-

требностям людей. То есть должен появиться спрос на специфический товар «устойчивое управление лесами». Таким образом, именно человеческая потребность в устойчивости должна уравновесить все три составляющие, привести интересы бизнеса, окружающей среды и социума к консенсусу. Нужно сказать, что сегодня уже можно говорить о появлении такой потребности, которая проявляется в процессе формирования механизма лесной сертификации. Важным является то, что этот процесс имеет необратимый характер. В него постепенно будут включаться все больше и больше стран, регионов и сообществ. Россия, проявив свою политическую активность на первом этапе движения «за устойчивость», законсервировала ее на некоторое время. Сейчас она на витке новой лесной реформы снова может включиться в этот процесс и действительно найти стратегически верные ориентиры в вопросах лесопользования.

ЛИТЕРАТУРА

Законодательные акты:

- 1 Лесной кодекс / М.: 1997.
- 2 «О государственной стратегии РФ по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития». Указ Президента РФ №236 от 04.02.1994.
- 3 «О Концепции перехода РФ к устойчивому развитию»: Указ Президента РФ № 440 (Апрель 1996 г).
- 4 «О разработке Нового плана действий РФ в области окружающей среды»: Постановление Правительства РФ № 155 от 19.02. 1996 г.
- 5 «О федеральной целевой программе «Социальное развитие села до 2010 гг.» / Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 49, ст. 4887; 2004; 44, ст. 4362.
- 6 «Об утверждении Плана действий РФ по охране окружающей среды»: Постановление Правительства РФ № 496 от 18.05. 1994 г.

Монографии на русском языке:

- 7 *Бьюкинен Д.* Избранные труды (в серии «Нобелевские лауреаты по экономике»). Конституция экономической политики (Нобелевская премия). Расчет согласия (совместно с Таллоком) и Границы свободы / М.: Альфа, 1997.
- 8 *Веблен Т.* Теория праздного класса / М.: Прогресс, 1984.
- 9 *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера / М.: 1989.
- 10 Демографический ежегодник Республики Карелия: Стат. сб. / Петрозаводск: Госкомстат РК, 2004.
- 11 Доктрина развития Северо-Запада России / ЦСР Северо-Запад под рук. П. Щедровицкого / СПб: Издательский дом «Corvus», 2001.
- 12 *Капелюшников Р. И.* Экономическая теория прав собственности / М.: 1993.
- 13 Карелия в цифрах. Госкомстат РК. / Петрозаводск: 2004.
- 14 *Коуз Р.* Фирма, рынок, право / Под ред. Р. Капелюшникова.- М.: Дело, 1993. – 192 с.
- 15 *Кравченко А. И.* Введение в социологию / М.: Новая школа, 1995.
- 16 *Мартынов А. С., Виноградов, В. Г.* Оценка дискомфорта климата. Атлас «Окружающая среда и здоровье населения России»/ М.: ПАИМС, 1995.
- 17 *Моисеев Н.* Интегрированное управление лесами при их неистощительном многоцелевом использовании в условиях рыночной экономики // Материалы международной конференции ИЮФРО. М., 1992 г.,

- 18 *Морозова Т. В.* Сельские сообщества России в период рыночной трансформации / Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2005. – 326 с.
- 19 *Морозова Т. В., Гурова, С. А., Козырева, Г. Б.* Сельские сообщества Карелии: традиции, современность, перспективы / Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2004. – 252 с.
- 20 Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / М.: Прогресс, 1989.
- 21 *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / М.: «Начала», 1997. – 180 с.
- 22 *Нуреев Р.* Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ) / М.: МОНФ, 2000.
- 23 *Олейник А.* Институциональная экономика / М.: 1999.
- 24 *Петров А. П., Мамаев, Б. М., Тепляков, В. К.* Государственное управление лесным хозяйством / М.: 1997. – 297 с.
- 25 *Петров А. П., Мельниш, А., Талиярв, А. и др.* Управление лесами в переходной экономике (опыт реформ в России и странах Балтии) / Под ред. Петрова А. П.- Пушкино: Из-во Минприроды РФ, 2001.
- 26 *Плотинский Ю. М.* Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений. – Изд. 2-е, перераб. и доп. / М.: Логос, 2001. – 296 с.
- 27 Повестка дня на 21 век. Доклад конференции ООН по окружающей среде и развитию. Рио де Жанейро, 1992. / Нью-Йорк: ООН, 1993.
- 28 *Полтерович В. М.* На пути к новой теории реформ: доклад ЦЭМИ и РАШ / М.: ЦЭМИ, 1999.
- 29 *Птичников А. В.* Леса России: независимая сертификация и устойчивое управление / М.: 1999.
- 30 *Радаев В. В.* Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика / М.: Центр политических технологий, 1998.
- 31 Российский статистический ежегодник. Статистический сборник / М.: Госкомстат России, 2003. – 402 с.
- 32 Сельские населенные пункты Республики Карелия: Стат. сборник. / Петрозаводск: Госкомстат РК, 2003.
- 33 Социально-экономическое положение Республики Карелия 2004 г.: Стат. Сборник. / Петрозаводск: Госкомстат РК, 2005.
- 34 *Страхов В. В.* Разработка научных основ и прикладных вопросов устойчивого управления лесами / М.: ВНИИЦлесресурс, 1996.
- 35 *Тикунов В. С., Цапук, Д. А.* Устойчивое развитие территорий: картографо-геоинформационное обеспечение / Москва-Смоленск: Изд-во СГУ, 1999.

- 36 *Шаститко А.* Неоинституциональная экономическая теория / М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1998.
- 37 *Шегельман И. Р., Пономарев, Ю. И.* Региональная стратегия лесопромышленного комплекса / Петрозаводск: 2004.
- 38 *Ядов В. А.* Стратегия социологического исследования / М.: «Добросвет», 2001. – 596 с.

Статьи на русском языке:

- 39 *Артамонов С.* [Электронный ресурс] Режим доступа: http://vneshmarket.ru/content/document_r_20092124-B2C5-404B-9E13-4F2C9E557BE3.html
- 40 *Бемманн А., Петров, В., Исслейб, М.* Устойчивое лесное хозяйство на защите лесов // Устойчивое развитие лесного сектора в Северной Европе. КарНЦ РАН, Петрозаводск, 1999 г., – С. 29 – 40.
- 41 *Бестужев-Лада* Экология человека и социология // Экология человека. М., 1988 г.,
- 42 *Биянова Н., Баринов, В.* 70% территории России будет приватизировано. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://flb.ru/info/24780.html>
- 43 *Гиряев М. Д.* Лесоводственные и экономические аспекты организации лесопользования // Лесное хозяйство, – 2002. – №. 2, – С. 2 – 5.
- 44 *Дружинин П. В.* Анализ экономических условий развития лесопромышленного комплекса Карелии // Проблемы прогнозирования, – 2003. – №. 1, – С. 108 – 118.
- 45 *Дружинин П. В.* Новая роль Карелии как транзитного региона // Проблемы и перспективы транзитных территорий. Петрозаводск, 2003 г.,
- 46 *Заславская Т. И.* Развитие новосибирской экономико-социологической школы: формирование новой методологии изучения российского общества // Социальная траектория реформируемой России. Наука, Новосибирск, 1999 г., – С. 15 – 108.
- 47 *Заславская Т. И.* Современное российское общество: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность, – 2004. – №. 6, – С. 5 – 18.
- 48 Зеленый билет. Лесная сертификация откроет для России мировые рынки. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.lesgazeta.ru/cgi-bin/get_art.cgi?id=318&pr
- 49 Институциональные изменения социальных взаимосвязей регионального сообщества в переходной экономике // Рыночные преобразования в России и Карелии: опыт первого десятилетия и взгляд в будущее. КарНЦ РАН, Петрозаводск, 2002 г., – С. 23 – 28.
- 50 Интернет-ресурс. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.forest.ru/rus/publications/taiga/09_d.html

- 51 *Исаев А.* Выступление на заседании научно-экспертного совета фракции «Родина» 11.10.2005 // – – С.
- 52 Источник: Деловой Петербург. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.spbgid.ru/index.php>
- 53 *Капелюшников Р. И.* Рональд Коуз или сотворение рынков // США Экономика. Политика. Идеология., – 1993. – №. 1, – С. 5 – 24.
- 54 *Карлсон Л.* Если бы только деньги росли на деревьях – русский лесной сектор в переходный период // Устойчивое развитие лесного сектора в Северной Европе / Заключительный отчет и материалы семинара экспертов. Петрозаводск, 1999 г.,
- 55 *Кастельс М.* Глобальный капитализм // Экономические стратегии, – 2000. – №. 3, – С.
- 56 *Козырева Г. Б.* Влияние неформальных институтов на формирование институциональной среды регионального сообщества // Петрозаводск 300: Карелия в процессе перемен. КарНЦ РАН, Петрозаводск, 2003 г., – С. 367 – 378.
- 57 *Козырева Г. Б.* Институциональные вопросы развития лесных поселений Карелии // Перемены в сельской России: 1993-2003: оценки, подходы, методы (материалы международного семинара). КарНЦ РАН, Петрозаводск, 2003 г., – С. 187 – 200.
- 58 *Козырева Г. Б.* Проблемы и предпосылки формирования институтов рынка в условиях переходной экономики (на примере Республики Карелия) // Сборник трудов КарНЦ РАН. КарНЦ РАН, Петрозаводск, 2004 г.,
- 59 *Козырева Г. Б.* Проблемы собственности на лесные ресурсы России // Общество и экономика, – 2006. – №. 2, – С. 167 – 179.
- 60 *Козырева Г. Б.* Проблемы трансформации системы лесопользования на территории Республики Карелия (институциональный аспект) // Структурная перестройка Республики Карелия: проблемы, тенденции, перспективы. Петрозаводск, 2002 г.,
- 61 *Козырева Г. Б.* Проблемы экологического лесопользования и социальная устойчивость лесопользования // Мониторинг социально-экономических процессов Республики Карелия. Петрозаводск, 2000 г., – С. 72 – 76.
- 62 *Козырева Г. Б.* Становление и развитие института устойчивого развития // Адаптация экономики Карелии к работе в новых условиях. Петрозаводск, 1999 г., – С. 94 – 97.
- 63 *Кондратьев К. Я., Донченко, В. К., Лосев, К. С., Фролов, А. К.* Экология. Экономика. Политика / СПб: СПб НЦ, 1996. – 828 с.

- 64 *Кривондасова О.* Мнение советника аппарата комитета Госдумы по природным ресурсам. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.lesgazeta.ru/cgi-bin/get_art.cgi?id=318&pr=_print
- 65 *Леонидова А.* Стороны расписались во взаимном уважении // ЛесПро-Информ, – 2004. – С.
- 66 *Лобовиков М. А.* Экономическая модель модельных лесов в России // Модельные леса в России: опыт и перспективы будущего. Университет г. Йоэнсуу, Йоэнсуу, 1999 г., – С. 159 – 167.
- 67 *Львов Д. С.* Земельные отношения в современной России // Природные ресурсы – национальное богатство России. Издание Госдумы, М., 1999 г.,
- 68 *Машков С. Л., Макарихин, А. В.* Факторы увеличения прибыльности лесопильного производства // Принципы совершенствования системы управления региональным лесопользованием. Петрозаводск, 2004 г.,
- 69 *Морозова Т. В., Козырева, Г. Б.* Экологические и социокультурные факторы взаимодействия человека и природы // Экономические проблемы становления рыночных отношений Республики Карелия. КарНЦ РАН, Петрозаводск, 1997 г., – С. 76 – 78.
- 70 *Нельсон С.* Международное сотрудничество для устойчивого развития российского лесного сектора // Устойчивое развитие российского лесного сектора в Северной Европе: мат. семинара экспертов. КарНЦ РАН, Петрозаводск, 1999 г.,
- 71 *Обливин А. Н.* Основные положения национальной лесной политики России // Лесное хозяйство, – 2002. – №. 1, – С.
- 72 *Осипов Г. В., Кравченко, А. И.* Институциональная социология // Современная западная социология. М., 1990 г., – С. 11 -.
- 73 *Петров А. П.* Экологическая сертификация систем ведения лесного хозяйства и лесопользования // Лесное хозяйство, – 1995. – №. 6, – С. 9-20.
- 74 *Писаренко А. И., Страхов, В. В., Дмитриева, Л. И.* Лесное хозяйство после конференции ООН 1992г. по окружающей среде и развитию: критерии и индикаторы устойчивого развития // ВНИИЦлесресурс: Обзорная информация, – 1995. – Т. 3, – С. 1 – 24.
- 75 *Поланьи К.* Экономика как институционально оформленный процесс (перевод М.С. Добряковой) // Экономическая социология, – 2001. – Т. 3, №. 2, – С. 62 – 73.
- 76 Принципы и критерии FSC. [Электронный ресурс] веб-сайт FSC. Режим доступа: www.fscoax.org стр. www.fscoax.org/html/fsc_around_world.htm
- 77 Редакционная статья // Лесные новости, – 2000. – №. 1 (48), – С.

- 78 *Романов Г. Е.* Социально-экономическая устойчивость лесного хозяйства и сохранение старовозрастных лесов // Коренные леса таежной зоны Европы: современное состояние и проблемы сохранения. Материалы международной научно-практической конференции. КарНЦ РАН, Петрозаводск, 1999 г.,
- 79 *Саастамойнен О.* Лесное планирование как инструмент, обеспечивающий социально устойчивое управление природными ресурсами // Модельные леса в России: опыт и перспективы будущего / материалы международного семинара. КарНЦ РАН, Петрозаводск, 1999 г.,
- 80 Сертификация лесов по FSC. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://vneshmarket.ru/content/document_r_20092124-B2C5-404B-9E13-4F2C9E557BE3.html
- 81 Сертификация по Финской системе сертификации лесов. [Электронный ресурс] Режим доступа: vneshmarket.ru/content/document_r_20092124-B2C5-404B-9E13-4F2C9E557BE3.html
- 82 *Скотт Д.* Кочующие границы // Материалы международного семинара (Нарва, 12-16 ноября 1998 г.). Труды ЦНИСИ, вып. 7. Под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова. ЦНИСИ, Нарва, 1999 г.,
- 83 *Страхов В. В.* Концепция устойчивого лесопользования и деятельности модельных лесов в России // Модельные леса в России: опыт и перспективы будущего: Материалы международного семинара. Петрозаводск, 1999 г.,
- 84 *Сухарев М. В.* Социальные антиинституты // Экономическая социология, – 2004. – Т. 5, №. 5, – С. 63 – 73.
- 85 Уральские лесопромышленники задумались о вопросах сертификации. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.drevesina.com/materials.htm/a6/b213/>
- 86 *Фролова Е. Е., Арефьева, Л. И.* Положение на рынке труда сельских населенных пунктов Республики Карелия за период 2001-2003 гг. // Некоторые аспекты рынка труда Республики Карелия / Информационно-аналитические материалы. Департамент ФГСЗН по РК, Петрозаводск, 2004 г., – С. 20 – 33.
- 87 *Чуйко Д.* Интервью РИА Сибирь. 02.02.2006. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ruswood.ru/index.php?go=press&content=article&action=details&id=13>
- 88 *Шутов И. В.* О фундаменте экономической организации лесного хозяйства // Лесное хозяйство, – 1996. – №. 3, – С.

- 89 *Шутов И. В.* Устойчивое лесоправление и критерии его оценки в период перехода к рыночной экономике // Сборник научных трудов СПб НИИЛХ. СПб, 1998 г., – С. 7 – 39.

Монографии на иностранных языках:

- 90 *Axelrod R.* The evolution of cooperation / New York: Basic Book, 1984.
91 *Davis K.* Forest Management / New York: McGraw-Hill, 1979.
92 *Parsons T.* Action theory and the human condition / N-Y: 1978.
93 *Морозова Т. В., Козырева, Г. Б., Гурова, С. А.* Приграничные локальные сообщества: карельская модель трансграничного сотрудничества (на финском яз.) / Joensuu: Joensuun Yliopistopaino, 2004. – 40 p.

Статьи на иностранных языках:

- 94 *Hess J., Pretzsch, J.* Naturhaltigkeit durch soziale Forstwirtschaft // Herkendell. Pretzsch: Die Walder der Erde. C.H. Beck, Munchen, 1995 г., – P. 253 – 262.
95 *Joel A., Diemer, J., Rossana, R., Alvarez, C.* Sustainable Community, Sustainable Forestry: a participatory model // Journal of Forestry, – 1995. – №. 11,
96 *Kennedy J. J., Dombek, M. P.* Values, beliefs and management of public forest in the western world at the close of the 20 century // New requirements for university education in forestry. The Netherlands, 1997 г.,
97 *Kozyreva G.* Economic, ecological and social-cultural factors of interaction between man and nature on example forestry system // Karelia and Norway. The main trends and prospects of scientific cooperation. KRC RAS, Petrozavodsk, 1998 г., – P. 94 – 96.
98 *Nauber J.* Internationale Schutzkonzeptionen // Herkendell. Pretzsch: Die Walder der Erde. C.H. Beck, Munchen, 1995 г., – P. 226 – 235.
99 *Rannikko P.* Village development and social sustainability // Social sustainability and the Taiga Model Forest. Joensuu, Finland, 1997 г., – P. 9 – 27.

Н а у ч н о е и з д а н и е

Г. Б. Козырева

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ
УСТОЙЧИВОГО ЛЕСОУПРАВЛЕНИЯ**

*Печатается по решению Ученого совета
Института экономика КарНЦ РАН*

Фото на обложке И. Ю. Георгиевского

Монография публикуется в авторской редакции

Изд. лиц. № 00041 от 30.08.99 г. Сдано в печать 19.06.06.

Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура Times

Печать офсетная. Уч.-изд. л. 15,0. Усл. печ. л. 14,8

Тираж 300 экз. Изд. № 48. Заказ №. 592

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50